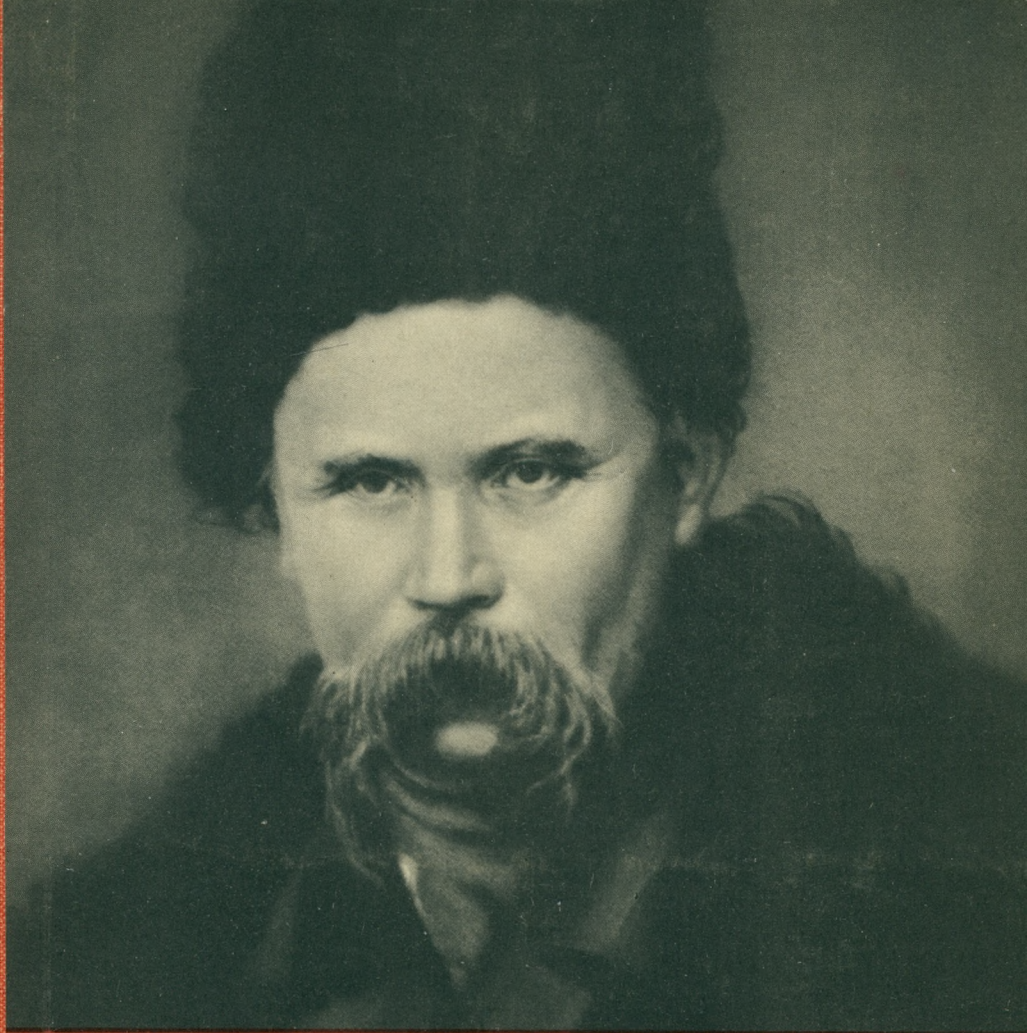

Т.ШЕВЧЕНКО

Т. Шевченко

ИЗБРАННОЕ

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ . 1977

ТАРАС ГРИГОРЬЕВИЧ
ШЕВЧЕНКО

1814—1861

ИЗБРАННОЕ

Текст печатается по изданию:
Шевченко Т. Г.
Полное собрание сочинений
в 5-ти томах.
М., издательство
«Художественная литература»,
1964—1965, т. 1 и 2.

Составление, послесловие и
примечания доктора филоло-
гических наук профессора
А. Ф. Захаркина.

Перевод с украинского

Художник М. ИЛЬИН

Шевченко Т. Г.

Ш 37 Избранное (Стихотворения и поэмы). Сост., послесл.
и примеч. А. Захаркина. М., «Моск. рабочий», 1977.
295 с. (Школьная библиотека)

Р1

Ш 70301-345
Ш М172(03)-77 163-77

© Издательство «Московский рабочий», 1977 г. Составление,
послесловие, примечания.

ЗАПОВІТ

Як умру, то поховайте
Мене на могилі,
Серед степу широкого,
На Вкраїні милій,
Щоб лани широкополі,
І Дніпро, і кручі
Було видно, було чути,
Як реве ревучий.

Як понесе з України
У синєє море
Кров ворожу... отоді я
І лани і гори —
Все покину і полину
До самого бога
Молитися... А до того
Я не знаю бога.

Поховайте та вставайте,
Кайдани порвіте
І вражою злою кров'ю
Волю окропіте.
И мене в сім'ї великій,
В сім'ї вольній, новій,
Не забудьте пом'янути
Незлим тихим словом.

ДО АРЕСТА И ССЫЛКИ

(1837 — 1847 гг.)

* * *

Течет вода в сине море,
Да не вытекает;
Ищет казак свою долю,
Нигде не встречает.
И пошел казак по свету,
Буйно сине море,
Буйно сердце казацкое,
Разум с сердцем спорит:
«Куда пошел, не спросился?
На кого покинул
Отца и мать родимую,
Милую дивчину?
На чужбине не те люди,
С ними жить не сладко;
Не с кем будет слово молвить,
Не с кем и поплакать».
Грустит казак на чужбине,
Буйно сине море,
Думал, счастье где встретится,—
Повстречалось горе.
А журавли летят себе
К чужедальным странам.
Плачет казак,— все дороги
Заросли бурьяном.

ДУМКА

Тяжко, тяжело жить на свете
Сироте без роду:
От тоски-печали горькой
Хоть с моста — да в воду!

Утопился б — надоело
По людям скитаться;
Жить нелюбо, неприятно,
Некуда деваться.
Чья-то доля ходит полем,
Колосья собирает;
А моя-то, знать, за морем
Без пути блуждает.
Все богатого встречают,
Кланаясь поспешно,
А меня в лицо не знают,
Словно я не здешний.
Ведь богатый, хоть горбатый,—
Девушка приветит,
На мою ж любовь насмешкой
Свысока ответит.
«Иль тебе не нравлюсь — силой,
Красой не удался?
Иль тебя любил не крепко.
Над тобой смеялся?
Люби, люби кого хочешь,
Может, я не стою.
Но не смейся надо мною,
Как вспомнишь порою.
Я покинул край родимый —
Свет просторен белый.
Найду счастье — либо сгину,
Как лист пожелтелый».
И ушел казак далеко,
Ни с кем не прощался,
Искал доли в чужом поле,
Да там и остался.
Умирал — смотрел, как солнце
За морем садится...
Тяжко, тяжело на чужбине
С жизнью распроститься!

* * *

Думы мои, думы мои,
Горе, думы, с вами!
Что вы встали на бумаге
Хмурыми рядами?

Что вас ветер не развеял
Пылью на просторе?
Что вас ночью, как ребенка,
Не приспало горе?..
Ведь вас горе на свет на смех породило,
Поливали слезы... Что ж не затопили?
Не вынесли в море, не размыли в поле?..
Люди не спросили б, что болит в груди,
Почему, за что я проклиная долю,
Почему томлюся... «Ничего, иди!» —
Не сказали б на смех...

Цветы мои, дети,
Зачем вас лелеял, зачем охранял?
Заплачет ли сердце одно на всем свете,
Как я с вами плакал?.. Может, угадал?..
Может, девичье найдется
Сердце, кари очи,
Что заплачут с вами, думы,—
Большего ли хочешь?
Лишь одна б слеза скатилась...
И — пан над паннами!
Думы мои, думы мои,
Горе, думы, с вами!

Ради глаз девичьих карих,
Ради черной брови
Сердце билось и смеялось,
Выливалось в слове.
В слове этом возникали
И темные ночи,
И вишневый сад зеленый,
И ясные очи,
И поля, и те курганы,
Что на Украине...
Сердце млело, не хотело
Песен на чужбине.
На совет казачье войско,
Меж сугробов белых,
С бунчуками, с булавами
Сзывать не хотело...
Пусть же там, на Украине,
Души их витают —

Там веселье, там просторы
От края до края...
Как та воля, что минула,
Днепр широкий — море,
Степь и степь, режут пороги,
И курганы — горы.
Там родилась, красовалась
Казацкая воля;
Там татарами и шляхтой
Засевала поле.
Засевала трупом поле
Воля, опочила,
Отдыхает... Ее давно
Приняла могила.
И над нею орел черный
Сторожем летает.
Кобзари о ней народу
Песни распевают,
Распевают про былое,
Убоги, незрячи,—
Им поется... А я... а я
Только горько плачу.
Только плачу об Украине,
А слов не хватает...
А про горе?.. Да чур горю,
Кто его не знает?
А кто пристально посмотрит
На людей душою,—
Ад ему на этом свете,
На том же...

Тоскою

Себе счастья не накличу,
Коль его не знаю;
Пускай злыдни живут три дня
Я их закопаю.
Закопаю, пусть у сердца
Грусть змеей свернется,
Чтобы враг мой не слышал,
Как горе смеется.
Дума пусть себе, как ворон,
Летает и кричит,
А сердечко соловейком

И поет и плачет.
Тихо — люди не увидят
И не посмеются...
Слез моих не утирайте,
Пусть ручьями льются,
Пусть они чужое поле
Моют дни и ночи,
Пока попы не засыплют
Чужим песком очи.
Так-то, так-то... Что же делать?
Тоска не поможет.
Кто ж сиротам завидует,
Карай того бже!

Думы мои, думы мои,
Цветы мои, дети!
Я растил вас, я берег вас,
Где ж вам быть на свете?
В край родной идите, дети,
К нам на Украину,
Под плетнями сиротами,
А я здесь уж сгину.
Там найдете сердце друга,
Оно не лукаво,
Чистую найдете правду,
А может, и славу...

Привечай же, мать-отчизна,
Моя Украина,
Моих деток неразумных,
Как родного сына!

ПЕРЕБЕНДЯ

Перебендя слепой, старый,—
Кто его не знает!
Он повсюду скитается,
На кобзе играет.
Кто ж играет, того люди
Знают, привечают:
Он тоску им разгоняет,
Хоть и сам страдает.

Горемыка, он ночует
И днюет под тыном —
Нет ему угла на свете;
Горькая судьбина
Насмехается над старым,
Что ни день — то хуже!
А ему — ничто: затянет
«Ой, не шуми, луже!..»
Станет петь, да и припомнит,
Что он сиротина;
Погорюет, потоскует,
Прислонившись к тыну.

Вот таков-то Перебендя —
Старый он да странный!
Запоет о *Чалом* — кончит
Горлицей неожиданно;
С дивчатами на выгоне —
Гриця да *Веснянку*;
В шинке, с парубками вместе,
Сербина, *Шинкарку*;
С женатыми на пирушке
(Где свекровь презлая) —
О недоле, вербе в поле,
А потом — *У гаю*;
На базаре — о *Лазаре*,
Или — чтобы знали —
Тяжко, скорбно запоет он,
Как Сечь разоряли.
Вот таков-то Перебендя —
Старый он да странный!
Начнет шуткою, а кончит
Слезами неожиданно.

Ветер веет, повеваает,
По полю гуляет.
Сидит кобзарь на кургане
На кобзе играет.
Вкруг, как море широкое
Зеленеют степи;
За курганами курганы
Вдаль уходят цепью.
Чуб седой, усы седые

Треплет ветер яро;
Вдруг уляжется послушать,
О чем поет старый;
Как сердце смеется, слепой старик плачет...
Он слушает... веет...

Укрылся вдали
На степном кургане от людей, незрячий,
Чтоб по полю ветры слова разнесли,
Чтоб людям не слышать — ведь то божье слово,
То сердце неспешно с богом говорит,
То сердце щебечет господнюю славу,
А дума по свету на туче летит.
Орлом сизокрылым летает, ширяет,
Небо голубое широкими бьет;
Присядет на солнце, его вопрошает:
Где оно ночует? Как оно встает?
Послушает море, о чем плещет в споре,
И гору он спросит: молчишь почему?
И снова на небо — на земле ведь горе,
Ведь на ней, широкой, нет угла тому,
Кто сердцем все знает, кто сердцем все чует:
О чем ропщет море, где солнце ночует —
Пристанища нету на свете ему!
Один, точно солнце на небе высоком;
О нем молвят люди: «С живыми — живой!»
А если б узнали, что он, одинокий,
Поет на кургане, шепчется с волной,
То божие слово давно б осмеяли,
Его бы глупцом обозвали, прогнали.
«Пусть бродит, — сказали б, —

над морем, шальной!»

Хорошо, кобзарь, отец мой,
Хорошо, что ходишь
На курган и словом, песней
Душу там отводишь!
И ходи, мой голубь сизый,
До поры, покуда
Не заснуло сердце, — пой там
Вдалеке от люда.
А чтоб люди не чурались,
Тешь их иногда ты...
Что ж, пляши под дудку пана —
На то он богатый!

Вот таков-то Перебендя —
Старый он да странный!
Начнет свадебной, а кончит
Грустною нежданно.

КАТЕРИНА

*Василию Андреевичу Жу-
ковскому на память 22 апреля
1838 года*

I

Чернобровые, любитесь,
Да не с москалями,
Москали — чужие люди,
Глумятся над вами.
Позабавится и бросит —
Поминай как звали.
А дивчина погибает
В горе да в печали.
Пусть сама б она погибла,
Кляня долю злую,
Но еще и то бывает —
Губит мать родную.
Если есть за что увянуть —
Сердце с песней вянет,
Люди в сердце не заглянут
И жалеть не станут.
Чернобровые, любитесь,
Да не с москалями:
Москали — чужие люди,
Смеются над вами.

Ни отца, ни мать родную
Слушать не хотела —
С москалем слюбилась Катря,
Как сердце велело.
Полюбила молодого,
В садик выходила,
Пока там девичью долю
Не запропастила.
Мать звала вечерять дочку —

Дочка не слыхала;
Где встречалась с любимым,
Там и ночевала.
Много ночек кари очи
Крепко целовала,
Пока вдруг не зашумела
Недобрая слава.
Что ж, пускай дивчину судят
Люди в разговоре:
Она любит и не слышит,
Что подкралось горе.
Весть недобрая примчалась —
В поход затрубили.
Уходил москаль, а Катре
Голову покрыли.
Не заметила позора,
Пропустила мимо:
Словно песня, сладки были
Слезы о любимом.
Обещался чернобровый:
Буду цел — вернуся.
Ожидай его, дивчина,
Ожидай, Катруся!
С москалями породнишься —
Горе позабудешь,
А пока — пускай болтают
Что угодно люди.
Не тоскует Катерина —
Слезы вытирает,
А на улице дивчата
Без нее гуляют.
Не тоскует Катерина,
А ночной порою
Берет ведра молчаливо,
Идет за водою,
Потихоньку, незаметно
Дойдет до криницы,
Тихо станет под калиной,
Запоеет о *Грице*.
Так зальется, что калина
Плачет от печали.
Возвратится — и довольна,
Что не увидали.

Не тоскует Катерина,
Ничего не знает,
Из окна в платочке новом
Смотрит, ожидает.
Ожидала Катерина,
А время летело,
Захворала Катерина,
Слегла, ослабела.
Занедужила, бедняжка,
Еле-еле дышит...
Отлежалась — и за печкой
Колыбель колышет.
А соседки злые речи
С матерью заводят:
«Мол, не зря в твой дом ночами
Москали приходят.
У тебя родная дочка
Стройна и красива,
И не зря она качает
Солдатского сына:
Что искала — получила...
Уж не ты ль учила?..»
Дай вам боже, цокотухам,
Чтоб вас горе било,
Как беднягу, что вам на смех
Сына породила.

Катерина, мое сердце!
Ой, беда с тобою!
Как ты жить на свете будешь
С малым сиротою?
Кто расспросит, приласкает,
Кто вам даст укрыться?
Мать, отец — чужие люди,
С ними не ужиться!

Отлежалась Катерина,
Встала понемногу,
Под окном ласкает сына,
Смотрит на дорогу.
Смотрит Катря — нету, нету...
Может, и не будет?..

Хоть бы в сад пошла поплакать —
Так увидят люди.
Сядет солнце — Катерина
В садике гуляет,
К сердцу сына прижимает,
Тихо вспоминает:
«Здесь его я поджидала,
Здесь его встречала,
А вон там... сынок, сыночек!..»
И не досказала.

Зеленеют, зацветают
Черешни и вишни.
В тихий садик Катерина,
Как и прежде, вышла.
Но уже не запекает,
Как тогда бывало,
Когда друга молодого
Ждала-поджидала.
Приумолкла Катерина
От тоски-печали,
А соседи, а соседки
Уши прожужжали.
Пересуды да насмешки
Злобою повиты...
Где ж ты, милый, чернобровый?
В ком искать защиты?
Ой, далеко чернобровый,
И ему не видно,
Как враги над ней смеются
И как ей обидно.
Может, лег он за Дунаем
В могилу сырую?
Иль в Московщину вернулся
Да нашел другую?
Нет, не лег он за Дунаем
На глухом кладбище,
А бровей таких на свете
Нигде он не сыщет.
Пусть в Московщину поедет,
Пусть плывет за море —
С кем угодно Катерина
Красотой поспорит.

Черны брови, кари очи,
Молодая сила.
Только счастье мать родная
Дать ей позабыла.
А без счастья ты на свете,
Как в поле цветочек:
Гнет его и дождь и ветер,
Рвет его кто хочет.
Умывайся ж, Катерина,
Горькими слезами!
Москали давно вернулись
Другими путями.

II

За столом отец угрюмо
На руки склонился
И на свет смотреть не хочет,
В думу погрузился.
На скамейке, возле мужа,
Села мать-старуха
И, слезами заливаясь,
Вымолвила глухо:
«Что же, доченька, со свадьбой?
Отчего ж одна ты?
Где жених запропастился?
Куда делись сваты?
Все в Московщине. Ступай же,
Там проси защиты,
А о матери родимой
Людям промолчи ты.
Знать, в несчастную годину
Тебя породила.
Коли б знала, что случится,
Лучше б утопила...
Не увидела б ты горя,
Не была б несчастной...
Дочка, доченька родная,
Мой цветочек ясный!
Словно ягодку на солнце,
Я тебя растила.
Дочка, доченька, голубка,
Что ты натворила?..»

Что ж... ступай в Москву к свекрови!
Так уж, видно, нужно,
Мать послушать не хотела —
Будь хоть ей послушна.
Поищи ее да с нею
Там и оставайся.
Будь довольной, будь счастливой
И не возвращайся,
Не ищи дорог обратных
Из дальнего края..
Только кто ж меня схоронит
Без тебя, родная?
Кто поплачет надо мною,
Над старухой хилой?
И калину кто посадит
Над моей могилой?
Кто молиться будет богу
О душе о грешной?..
Дочка, доченька родная,
Мой цветочек вешний!..
Что ж... иди!»

И пошатнулась,
В путь благословляя:
«Бог с тобою!» — и упала,
Словно неживая..
«Уходи! — прибавил старый.—
Что остановилась?..
Зарыдала Катерина,
В ноги повалилась:
«Ой, прости ты мне, родимый,
Что я натворила!
Пожалей свою Катрусю,
Голубь сизокрылый!»
«Пусть господь тебя прощает,
Пусть жалеют люди!
Молись богу и — в дорогу!
Отцу легче будет».

Еле встала, поклонилась,
Пошла за ворота;
И остались в старой хате
Старики сироты.
В тихом садике вишневом

Помолилась богу
И взяла щепоть землицы
С собою в дорогу.
«Не вернусь я в край родимый,—
Катря говорила,—
Мне в чужой земле чужие
Выроют могилу.
Но пускай своей хоть малость
Надо мною ляжет
И про горькую судьбину
Людам пусть расскажет...
Не рассказывай, не надо,
Где б ни закопали,
Чтоб меня на этом свете
Злом не поминали.
Ты не скажешь... Он вот скажет,
Кто его родная!
Где ж мне, где искать приюта,
Матерь пресвятая?
Знать, найду приют навеки
Под тихой водою.
Ты мой тяжкий грех замолишь
В людях сиротою,
Без отца!..»

Идет Катруся.

Заплаканы очи;
Голова платком покрыта,
На руках — сыночек.
Вышла в поле — сердце ноет
Назад оглянулась —
Поклонилась, зарыдала,
В слезах захлебнулась.
Стала в поле, словно тополь
У дороги пыльной.
Как роса ночная, слезы
Полились обильно.
И не видит за слезами
Света Катерина,
Только крепче прижимает
Да целует сына.
А сыночек-несмышлениш
Не знает заботы:

Ищет пазуху ручонкой
Да лепечет что-то.
За дубровой солнце село.
Наступает вечер.
Повернулась, зашагала
Далеко-далече.
В селе долго говорили,
Долго рассуждали.
Только тех речей родные
Уже не слышали...

Вот что делают на свете
Людям сами ж люди!
Того вяжут, того режут,
Тот сам себя губит...
А за что? Господь их знает!
Глянешь — свет широкий,
Только негде приютиться
Людям одиноким.
Одному даны просторы
От края до края,
А другому — три аршина,
Могила сырая.
Где ж те добрые, которых
День и ночь искали,
С кем хотелось жить на свете?
Пропали, пропали!

Есть на свете доля,
А кто ее знает?
Есть на свете воля,
Где ж она гуляет?
Есть люди на свете —
В золоте сияют,
Кажется, богаты,
А доли не знают —
Ни доли, ни воли!
С бедой породнятся —
Жупан надевают,
А плакать стыдятся.
Так берите ж злато,
Богачами станьте,
А горькие слезы

Для меня оставьте.
Затоплю недолю
Горькими слезами,
Затопчу неволю
Босыми ногами!
Тогда я и весел,
Богат и доволен,
Когда мое сердце
Забьется на воле!

III

Кричат совы, спит дуброва,
Звездочки сияют.
У дороги в свежих травах
Суслики шныряют.
Люди добрые заснули,
Ночка всех покрыла —
Кого счастье, кого горе
За день утомило.
Собрала всех, уложила,
Словно мать, колышет...
Где ж Катруся приютилась,
Под какою крышей?
Может, сына забавляет
В поле под копною?
Или прячется от волка
В лесу за сосною?
Брови черные, вам лучше б
Вовсе не родиться,
Коль такое горе с вами
Может приключиться!
Что-то дальше будет с нею?
Горе, горе будет!
Ждет ее песок сыпучий
Да чужие люди.
Ждет ее зима да вьюги...
Если ж тот найдется —
Приласкает ли он сына
Или отвернется?
С ним бы все она забыла,
Всю тоску былую!

Он и встретит и приветит,
Как свою родную...

Что ж, послушаем, посмотрим,
Подождем немного...
А пока что разузнаем,
Где в Москву дорога.
Ой, далекая дорога!
Мне она известна.
Только вспомню да припомню —
Сердцу станет тесно.
Исходил ее, измерил —
Дай бог век не мерять!..
Рассказать про это горе —
Никто не поверит.
Скажут: «Врет он и признаться
В том, что врет, не хочет.
Слова тратит понапрасну
Да людей морочит...»
Правда, люди, правда ваша!
Вам какое дело
До того, что мое сердце
Выплакать хотело!
Своего у всех немало,
Всем и так тоскливо...
Чур же, хватит! А покамест
Нате-ка огниво
Да табак, чтобы тоскою
Сердце не томилось.
А рассказывать про горе,
Чтобы после снилось,—
Да ну его, братцы, к бесу!
Лучше я прикину,
Что в дороге повстречало
Мою Катерину.

За Днепром, дорогой в Киев,
Чумаки шагают,
Пугача в лесу зеленом
Громко распевают.
Им навстречу молодица —
С богомолья, что ли...
Отчего ж печально смотрит,

От какой недоли?
С пустой торбой за плечами
Да в свитке дырявой;
В левой руке палка. Тихо
Спит малыш на правой.
С чумаками поравнялась.
Малыша прикрыла.
«Укажите, где дорога
На Москву?» — спросила.
«На Москву? Вот эта будет.
А идешь далеко?»
«До Москвы я... Христа ради,
Дайте одинокой!»
Попросила, застыдилась:
Ой, как брать ей тяжко!
И не надо б... да ребенок
Голоден, бедняжка!
Обливаясь слезами,
Пошла, заспешила.
В Броварах медовый пряник
Ивасю купила...
Шла Катруся. У прохожих
Путь разузнавала.
Приходилось — под забором
С сыном ночевала...

Вот на что Катрусе — дивчата, смотрите,
Глазагодились, — слезы проливать!
Кайтесь-зарекайтесь, учитесь, живите,
Чтоб не довелось москаля искать,
Чтобы не блуждать вам, как она блуждает..
Не спрашивать после — за что осуждают,
За что не пускают в хату ночевать.
Что же спрашивать напрасно,
Люди разве знают;
Когда сам господь карает,
И они карают...
Люди гнутся, словно лозы,
Куда ветер веет.
Сиротине солнце светит
(Светит, да не греет),
Но и солнце б люди скрыли,
Если б сил хватило, —

Чтоб сироте не светило
Да слез не сушило.
А за что, отец небесный,
Такая награда?
В чем бедняга провинилась?
Чего людям надо?
Чтобы плакала, томилась...
Не плачь, Катерина!
Горьких слез не лей при людях,
Терпи, сиротина!
А чтоб личико не блекло
С черными бровями,
До зари в лесу дремучем
Умойся слезами!
Умоешься — не увидят
И не насмеются;
И вздохнет свободней сердце,
Пока слезы льются.

Вот какое горе может повстречаться:
Поиграл и бросил Катрусю москаль.
Недоля не видит, к кому приласкаться,
А люди хоть видят, да людям не жаль:
«Пускай, мол, от горя погибнет дивчина,
Коли не умела себя уважать».
Глядите ж, дивчата, чтоб в злую годину
И вам москаля не пришлось бы искать!
Где же Катря бродит?
Под забором ночевала,
До зари вставала.
До Москвы дойти спешила —
Вдруг зима настала.
Свищет вьюга-завируха,
Тяжко Катерине:
В рваной свитке, в лаптях старых
На морозе стынет.
Идет, смотрит Катерина —
Что-то там мелькает...
Москали, наверно, едут...
Сердце замирает.
Полетела им навстречу:
«Может быть, видали,
Где Иван мой чернобровый?»

«Не знаем!» — сказали.
Насмеваются над нею,
Шутят, озоруют:
«Ай да баба! Ай да наши!
Хоть кого надуют!»
Поглядела Катерина:
«Ой вы, люди, люди!..
Успокойся, мой сыночек!
Что будет, то будет.
Побредем с тобою дальше,
Может, и отыщем.
Я отдам тебя и лягу
В яму на кладбище».

Поднялась навстречу вьюга
С буйными ветрами.
Стала Катря среди поля,
Залилась слезами.
Стихла в поле завируха,
Пронеслась, промчалась.
Поплакала б Катерина,
Да слез не осталось.
Поглядела на сыночка:
Умытый слезою,
Дышит, смотрит, как цветочек
Утренней порою.
Улыбнулась Катерина,
Горько улыбнулась,
Как змея, под самым сердцем
Что-то повернулось.
Огляделась Катерина —
Лес вдали чернеет,
А под лесом чья-то хата
Прямо перед нею.
«Пойдем, сын мой... Скоро вечер.
Пустьят, может статья.
А не пустьят — у порога
Нам всю ночь валяться.
Заночуем возле хаты,
В холоде, в тумане...
Где ж один ты заночуешь,
Коль меня не станет?
На дворе, в собачьей будке,

С собаками вместе!
Злы собаки — покусают,
Да не обесчестят.
Над тобой они не станут
Злобно насмехаться..
Ой ты, горе мое, горе,
Куда ж мне деваться?»

Сирота-собака — и у той есть доля,
И собаку люди могут приласкать;
Бьют ее и держат на цепи в неволе,—
Но, глумясь, не спросят про родную мать
А этого спросят, грязью забросают,
Не дадут подняться — заключут, забьют..
На кого собаки на улице лают?
Кто под тыном ночью ищет свой приют?
Кто водит убогих? Подкидыш чернявый..
Красивые брови — одна его слава,
И тем красоваться люди не дают..

IV

И на горе и под горою,
Как старцы с гордой головою,
Дубы столетние стоят.
Внизу — плотина, вербы в ряд,
И пруд, завянный пургою,
И прорубь в нем, чтоб воду брать..
Сквозь тучи солнце покраснело,
Как колобок, глядит с небес!
Взметнулась вьюга, налетела,
Ни зги не видно в мути белой,
А слышно только — стонет лес.

Воеет, свищет завируха,
Ревет над землю,
В белом поле, словно в море,
Катится волною.
В лес пойти лесник собрался,
Только разве выйдешь!
Так и крутит, так и вертит —
Света не увидишь!

«Вот так вьюга! Вот так заметь,
Тут уж не до леса!..
Что такое?.. Что за люди?
Там же их до беса!
Знать, нелегкая их носит.
А может, за делом,
Может, москали, Ничипор?
Все от снега белы!»
«Москали? — У Катерины
Руки затряслися.—
Где они, мои родные?»
«Да вон там, взглядися!»
Без оглядки Катерина
За дверь полетела.
«Знать, Москва у ней и вправду
В голове засела:
Москаля звала до света,
До света металась...»
Через пни, через сугробы
Катерина мчалась.
На снегу босая стала,
Утерлась руками.
Москали навстречу едут,
Как один, верхами.
«Ой ты, горе, ой ты, доля!»
Как вперед заглянет,
Видит — первый едет старший.
«Мой любимый, Ваня!
Мое сердце, мое счастье!
Словно в воду канул...»
Ухватилась за стремя,
А он и не глянул,
На ходу коня пришпорил...
«Что ж спешишь ты очень?
Позабыл ли Катерину
Иль узнать не хочешь?
Я твоя, твоя Катруся,
Сокол ты мой ясный!
Погляди сюда и стремя
Не рви понапрасну».
А он — будто и не видит,
Погоняет, скачет.
«Пожалей меня, голубчик!

Видишь, я не плачу.
Не узнал меня ты, что ли?
Посмотри, взглядися!
Видит бог, что я — Катруся!»
«Дура, отвяжися!
Прочь безумную возьмите!»
«Боже ты мой, боже!
И он меня покидает!
А клялся мне кто же?»
«Уведите! Что стоите?»
«Ой, за что ж на муку
Родилась я? На кого ж ты
Подымаешь руку?
На Катрусю, что с тобою
В садике ходила,
На Катрусю, что сыночка
Тебе подарила?
Мой любимый, мой желанный,
Ты хоть не чурайся!
Я тебе батрачкой стану...
С другою встречайся,
С целым светом!.. Я забуду,
Что тебя ласкала,
Народила тебе сына,
Позор принимала...
Принимала-горевала,
Все переносила...
Брось меня, забудь навеки —
Не покинь хоть сына!
Не покинешь?.. Не оставишь,
Как меня когда-то?..
Ты его сейчас увидишь...»
И кинулась в хату.
Возвращается из хаты,
Несет ему сына;
Заплаканный, неповитый,
Смотрит, сиротина.
«Вот он, вот он! Погляди-ка!..
Куда ты девался?..
Нет... уехал... От родного
Сына отказался...
Боже мой, куда ж я денусь
С малым сиротою?»

Ой, москалики, возьмите,
Возьмите с собою!
Не чурайтесь, не дайте
Погибнуть родному.
Отвезите сиротину
К своему старшему!
Если сына он покинул,
То и я покину.
Пусть отца не покидают
Горе да кручина.
Сын мой! Я в грехе великом
Тебя породила,
Вырастай же на смех людям!
И в снег положила.—
Поищи отца родного,
А я — наискалась...»
Да с дороги — прямо в чашу,
А дитя осталось.
Плачет, стынет на дороге,
А те ускакали.
Так и лучше б, да на горе
Люди подобрали.

Бежит по лесу босая
И в сугробах тонет,
То Ивана проклиняет,
То просит, то стонет.
До опушки добежала —
Да к пруду... Спустилась,
Возле проруби широкой
Вдруг остановилась.
«Прими, боже, мою душу,
А ты — мое тело!..»
И вода над нею глухо,
Глухо прошумела.

Чернобровая Катруся
Нашла, что искала..
Над прудом повеял ветер,
И следов не стало.
То не ветер, то не буйный,
Что дубы ломает,
То не горе, то не злое,

Что мать умирает,
Пусть ее земля сырая
Навек приютила —
Слава добрая осталась,
Осталась могила.
Пусть насмешкой сиротину
Люди в сердце ранят —
Он поплачет над могилой,
Вот и легче станет.
А тому на белом свете —
Что тому осталось,
От кого отец отрекся
И мать отказалась?
Что подкидышу осталось?
Слезы да тревоги,
Да еще песок сыпучий
На большой дороге.
На что ему эти брови —
Чтоб его узнали?
Подарила их, не скрyla...
Лучше б полиняли!

V

Шел кобзарь в далекий Киев,
Шел и сел дорогой.
Тут же, с нищенской сумою,
Мальчик чернобровый.
Головой на грудь склонился,
Дремлет, засыпает.
А тем временем *Исуса*
Кобзарь напевает.
Кто проходит, тот не минет —
Грош иль бублик кинет;
Кто — слепому, а дивчата —
Тому сиротине.
Чернобровые дивятся:
«Гольный, босый, хилый.
Мать дала такие брови —
Счастье дать забыла!»
Едет пышная карета
В Киев шестернею,

Господин сидит в карете
Со своей семьею.
Вот она остановилась
Перед бедняками.
Подбежал Ивась к оконцу,
Замахал руками.
Ивасю бросает деньги
Молодая пани.
Глянул пан — и отвернулся
Сразу от Ивана.
Он узнал и эти брови,
Он узнал и очи...
Повстречал родного сына,
Только взять не хочет.
«Как зовут?» — спросила пани.
«Ивась». — «Какой милый!»
Кони тронулись, и пылью
Бедняков покрыло...
Посчитали, что собрали,
Потихоньку встали,
Помолилися на солнце,
Пошли, зашагали.

ДУМКА

На что черные мне брови
Да карие очи,
На что юность мне девичья
Нет ее короче.
Годы мои молодые
Даром пропадают,
Брови черные, густые
От ветра линияют.
Сердце вянет и томится,
Как птица в неволе...
На что же мне краса моя
Без счастливой доли?
Тяжко жить мне сиротою
Без родного крова,
И родные — что чужие,
Не с кем молвить слова,
Никто меня не расспросит,
О чем плачут очи.

Сказать некому дивчине,
Чего сердце хочет,
Отчего оно, как голубь,
Воркует, чуть дышит;
Никто знать того не знает,
Не знает, не слышит.
Ни о чем не спросят люди,
Да на что и знать им —
Пускай плачет сиротина,
Пускай годы тратит...
Плачь же, сердце, плачьте, очи,
Пока свет вам светит,
Громче, жалобнее плачьте,
Чтоб услышал ветер
И унес бы мои слезы
За синее море,
Пригожему, неверному
На лютые горе.

ИВАН ПОДКОВА

В. И. Штернбергу

I

Было время — на Украине
Пушки грохотали.
Было время — запорожцы
Жили-пировали.
Пировали, добывали
Славы, вольной воли.
Все то минуло — остались
Лишь курганы в поле.
Те высокие курганы,
Где лежит зарыто
Тело белое казачье,
Саваном повито.
И чернеют те курганы,
Словно горы в поле,
И лишь с ветром перелетным
Шепчутся про волю.
Славу дедовскую ветер
По полю разносит...

Внук услышит — песню сложит
И с той песней косит.

Было время — на Украине
В пляску шло и горе:
Как вина да меду вдоволь —
По колено море!
Да, жилось когда-то славно!
И теперь вспомнешь —
Как-то легче станет сердцу,
Веселее взглянешь.

II

Встала туча над Лиманом,
Солнце заслоняет:
Лютым зверем сине море
Стонет, завывает.
Днепр надулся. «Что ж, ребята,
Время мы теряем?
В лодки! Море расходилось...
То-то погуляем!»

Высыпают запорожцы,
Вот Лиман покрыли
Их ладьи. «Играй же, море!»
Волны заходили...
За волнами, за горами
Берега пропали.
Сердце ноет; казаки же
Веселее стали.
Плещут весла, песня льется,
Чайка вкруг летает...
Атаман в передней лодке —
Путь-дорогу знает.
Сам все ходит вдоль по лодке,
Трубку сжал зубами;
Взглянет вправо, взглянет влево —
Где б сойтись с врагами?
Закрутил он ус свой черный,
Вскинул чуб косматый,
Поднял шапку — лодки стали.

«Сгинь ты, враг проклятый!
Поплывемте не к Синопу,
Братцы атаманы,
А в Царьград поедем — в гости
К самому султану!»
«Ладно, батько!» — загремело.
«Ну, спасибо, братцы!» —
И накрылся. Вновь горами
Волны громоздятся...
И опять он вдоль по лодке
Ходит, не садится;
Только молча, исподлобья,
На волну косится.

ТАРАСОВА НОЧЬ

Сидит кобзарь у дороги,
На кобзе играет;
Кругом хлопцы да дивчата,
Как жар-цвет, сияют.
Поет кобзарь, струной вторит,
Говорит словами,
Как соседи — орда, ляхи —
Бились с казаками;
Как сходились запорожцы
Поутру в кручине,
Хоронили товарища
В зеленой лощине.
Поет кобзарь, струны вторят,
И горе смеется...
«Была пора гетманщины,
Назад не вернется;
Была пора — пановали,
Да больше не будем,
Только славы казачества
Вовек не забудем!
Идет туча от Лимана,
А другая с поля;
Затужила Украина —
Такая уж доля!
Затужила, зарыдала,
Как младенец малый.

Никто больше не поможет...
Казачество пало;
Слава пала, отцовщина —
Все гибнет на свете;
Вырастают, некрещены,
Казацкие дети;
Милуются, невенчаны;
Без попа хоронят;
Запродана врагам вера —
Печать на иконе!..
Как вороны, черной стаей
Ляхи, униаты
Налетают — не дождемся
Поныне расплаты!
Поднимался Наливайко —
Не стало Кравчины.
Поднялся казак Павлюга —
Пропал, неповинный!
Поднялся Тарас Трясило
С горькими слезами:
«Бедная ты Украина,
Сломлена врагами!
Украина, Украина!
Мать моя родная!
Только вспомню твою долю,
Душой зарыдаю!
Куда делось казачество,
Жупаны цветные?
Куда делась доля-воля,
Гетманы седые?
Где все это? Ушло с дымом?
Или затопило
Сине море твои горы,
Курганы-могилы?
Молчат горы, шумит море,
Курганы тоскуют,
Гнутся дети казацкие
Под вражьей рукою!
Спите, горы! Шуми, море!
Гуляй, ветер, в поле!
Плачьте, дети казацкие,—
Такая вам доля!»
Поднялся Тарас Трясило:

За веру родную,
Поднялся он, сизокрылый,
Час расплаты чужь!
Поднялся Тарас Трясило:
«Довольно томиться!
А пойдем-ка, пань братья,
С поляками биться!»
Уж не три дня, не три ночи
Бьется наш Трясило.
От Лимана до Трубайла
Поле кровь покрыла.
Ослабел тут казачина,
Духом омрачился.
А проклятый Конецпольский
Вмиг возвеселился;
Собрал шляхту воедино
И всех угощает.
На ту пору свое войско
Тарас созывает:
«Товарищи атамань —
Братья мои, дети!
По совести мне скажите —
Как быть нам на свете?
Упились вражьи ляхи
Казацкою кровью».
«Что ж, пускай они пируют
Себе на здоровье!
Пускай ляхи веселятся
Нынче до заката,
А ночь-матерь нам поможет —
Найдем супостата».
Легло солнце за горою,
Звезды засияли,
А казаки, словно туча,
Ляхов обступали.
Как стал месяц среди неба,
Пушки заревели;
Пробудились ляшкй-панкй —
Бежать не успели!
Пробудились ляшкй-панкй,
А встать — и не встали:
Взошло солнце — ляшкй-панкй
Вповалку лежали.

Гадюкою багровою
Несет Альта вести,—
Воронье чтоб налетало
Вельможных наестся.
Воронье и налетело
Панами кормиться.
Тут сходилось казачество
Богу помолиться.
Как закаркал черный ворон,
Выпивая очи;
Как запели казаченьки
Песню о той ночи —
Ночи грозной и кровавой,
Что славой покрыла
И Тараса и казаков,
А ляхов сгубила.

Над речкою, в чистом поле
Курганы чернеют;
Где казачья кровь алела —
Трава зеленеет.
Сидит ворон на кургане —
Каркает, голодный...
Казак вспомнит и заплачет
О жизни свободной».
Умолк кобзарь, потупился:
Руки не играют.
Кругом хлопцы да дивчата
Слезы утирают.

Пошел кобзарь по улице —
Да с горя как грянет!
Кругом хлопцы в пляс пустились,
А он подпевает:
«Коли сталося — значит, сталося!
Погодите, детки, малость,
А я в корчме погуляю,
Свою женку повстречаю,
Вместе с нею пьян напьюся,
Над врагами посмеюся».

ГАЙДАМАКИ

ПОЭМА*

*Василию Ивановичу Григоровичу в память 22 апреля
1838 года*

Все в мире проходит. Живет — умирает...
Куда ж оно делось? Откуда взялось?
Ни глупый, ни мудрый про это не знает.
Извечно ведется: одно зацвело —
Другое увяло, навеки увяло...
И ветры сухую листву разнесли.
А солнце встает, как и прежде вставало,
И звезды плывут, как, бывало, плыли
И плыть всегда будут, и ты, белолицый,
По синему небу ты будешь гулять
И будешь смотреться в болотце, в криницу,
В бескрайнее море — и будешь сиять,
Как над Вавилоном, над его садами
И над тем, что будет с нашими сынами.
Конца ты не знаешь! Люблю толковать,
Делиться с тобою, как с братом, с сестрою,
И петь тебе песни твои же спроста...
Скажи ты мне ныне: как быть мне с тоскою?
Я не одинокий, я не сирота:
Есть у меня дети, да куда мне деть их?
Закопать с собою? Грех: душа жива!
Может быть, ей легче будет на том свете,
Как прочтет кто-либо те слезы-слова,
Что так бескорыстно она изливала
И ночью украдкой над ними рыдала.
Нет, не закопаю. Душа-то жива!
Как синему небу, как белому свету —
Ни конца, ни края душе моей нету.
А где она будет? Чудные слова!

* Печатается с некоторыми сокращениями.

Пускай ее вспомнят хоть на этом свете,—
Бесславному тяжело его покидать.
Дивчата, вам надо ее вспоминать,
Она вас имела всегда на примете
И песни любила про вас напевать.
Пока солнце встанет — отдохните, дети!
Вожака вам, дети, хочу подыскать.

Сыны мои, гайдамаки!
Волен свет широкий.
Погуляйте, поищите
По себе дороги.
Сыны мои молодые,
Несчастные дети,
Кто без матери родимой
Встретит вас на свете?..
Сыны мои, на Украину
Летите орлами.
Пусть хоть горе приключится
Не в чужбине с вами.
Там и ласковую душу
Повстречать не чудо.
Там помогут, там наставят,
А тут... А тут — худо.
Пусть в хату — насмеются,
Дурачком считают.
До того умны-учены —
Солнце осуждают:
Мол, зошло, да не оттуда,
Да не так и село.
Мол, вот так-то лучше было б...
Что тут будешь делать?!
Надо слушать, может, вправду
Не так солнце светит.
Потому — народ ученый:
Знают всё на свете.
А уж вам-то к ним явиться —
Как зовут — не спросят.
Поглядят, поведут носом —
И под лавку бросят.
Дескать, ладно, подождите,
Найдется писака:
Он по-нашему расскажет

И про гайдамаков,
А то вышел дурачина
С мертвыми словами
Да какого-то Ярему
Ведет перед нами.
Неуч, неуч, дурачина!
Видно, били мало.
От казачества — курганы
(Что еще осталось?),
Да и те давно разрыты,
Ветер пыль разносит.
А он думал, слушать станем,
Как слепцы гундосят.
Понапрасну ты старался,
Человек хороший.
Хочешь славы, денег хочешь —
Так пой про Матрешу,
Про Парашу, радость нашу,
Султан, паркет, шпоры.
Вот где слава! А то тянешь —
Шумит сине море...
А сам плачешь. Да с тобою
Весь твой люд сермяжный...
Вот спасибо умным людям,
Рассудили важно!
Только жаль, что кожух теплый —
На другого шитый.
Очень умны ваши речи,
Да брехней подбиты.
Не прогневайтесь, а слушать
Я вас не желаю.
Вы разумны, а я глупый...
И я вас не знаю.
Я один в родимой хате
Запою украдкой,
Запою про то, что любо,
И заплачу сладко.
Запою — играет море,
Ветер в поле ходит,
Степь темнеет, и курганы
С ветром речь заводят.
Вот раскрылись, развернулись
Курганы глухие.

И покрыли степь до моря
Казачи лихие.
Атаманы с бунчуками
Войско озирают.
Пляшут кони. А пороги
Ревут, завывают.
Ревут, стонут, негодуя,
Сурово бушуют.
«Чем вы, батьки, недовольны?» —
У старых спрошу я.
И ответят мне седые:
«Молчи, сиротина!
Днепр сердитый негодует,
Плачет Украина...»
И я плачу. А тем часом
В жупанах богатых
Идут, идут атаманы
С гетманами в хату.
Входят разом в мою хату
Ради доброй встречи
И со мной про Украину
Начинают речи.
Рассуждают, вспоминают,
Как Сечь собирали,
Как через пороги к морю
Лихо проплывали.
Как гуляли в Черном море,
Грелися в Скутари,
Как закуривали люльки
В Польше на пожаре,
Как в отчизну возвращались,
Как они гуляли.
«Жарь, кобзарик, лей, шинкарик!» —
Бывало, кричали.
Шинкарь мечется, летает,
Шинкарь так и вьется.
Кобзарь жарит, а казаки —
Аж Хортица гнется —
Гопака дают такого,
Метелицу разом.
Кухоль ходит, высыхает —
Не моргнешь и глазом!
«Гуляй, паны, без жупанов,

Гуляй, ветер, в поле!
Жарь, кобзарик, лей, шинкарик,
Пока встанет доля!»
Друг за другом ходят кругом
Парубки с дедами.
«Так-то, хлопцы! Добре, хлопцы!
Будете панами».
Пир горою. А старшины
На совете вроде:
Меж собою речь заводят,
По рядам проходят.
Не стерпели, не сдержали
Лихости казачьей —
Припустили каблуками...
Я смеюсь и плачу.

От радости плачу, что в хате убогой,
Что в мире великом я не одинок.
И в хате убогой, как в степи широкой,
Казак гуляют, гомонит лесок.
В хате предо мною сине море ходит,
Темнеют курганы и тополь шумит,
Тихо-тихо *Гриця* дивчина заводит.
Я не одинокий, людами не забыт.

Вот где они, мои деньги,
Вот где моя слава!
А за ваш совет спасибо,
За совет лукавый.
Пока жив, с меня довольно
И мертвого слова,
Чтобы вылить горе, слезы...
Бывайте здоровы!
Пойду сынов-гайдамаков
В путь отправлю снова.
Может быть, найдут какого
Казака седого.
Может, он их встретит лаской,
Теплыми слезами.
И того с меня довольно —
Пан я над панами.

Так-то, сидя в своей хате,
Думаю в тревоге:

«С кем пойду и кто им будет
Вожакom в дороге?»
На дворе давно светает,
Встали гайдамаки.
Помолились, снарядились
Добрые казаки.
Поклонились, как сироты,
Печально и строго.
«Благослови,— молвят,— батько,
В дальнюю дорогу,
Пожелай нам доброй доли,
Радости на свете».
«Стойте, хлопцы, свет — не хата,
А вы точно дети
Неразумные. Кто будет
Вожакom надежным?
Кто наставит? Тяжело мне,
На душе тревожно.
Сам растил вас, мои дети,
На ноги поставил.
В свет идете, а теперь там
Все книжные стали.
Не судите, что в науках
Помочь не пытался.
Самого учили — били.
Какой был — остался!
Тма, мна знаю, а *оксию*
Не знаю донине...
Ладно, дети, погодите:
Есть вожак — не кинет.
Есть у меня батько славный
(Родного-то нету!).
У него пойдем попросим
Доброго совета.
Сам он знает, что не сладко
Сироте без роду;
Сам — казак, душа простая,
Казацкого роду,
И простое наше слово
Он любит и знает,
Что певала мать родная,
Сына пеленая;
Не чурался того слова,

Что слепец под тыном
Напевает, пригорюнясь,
Про мать-Украину.
Любит батько песню-правду
О казацкой славе.
Любит крепко. Идем, хлопцы,
Он нас не оставит.
Кабы он меня не встретил,
То, наверно б, ныне
Я лежал бы под снегами
На дальней чужбине,
Схоронили б меня люди,
Забыли б то место...
Тяжело страдать и гибнуть...
За что — неизвестно.
Но минуло... Чтоб не снилось!
Идемте-ка, дети.
Коли мне не дал погибнуть,
Запропасть на свете,
То и вас любого примет,
Как родного сына.
Там помолимся — и гайда
В путь на Украину!»
Принимай поклон наш, батько!
С твоего порога
Благослови моих деток
В дальнюю дорогу!

.

ГАЛАЙДА

«Ярема, герш-ту*, хам ленивый,
Веди кобылу, да сперва
Подай хозяйке туфли живо,
Неси воды, руби дрова.
Корове подстели соломы,
Посыпь индейкам и гусям.
Да хату вымети, Ярема.
Ярема, эй! Да стой же, хам!
Как справишься, беги в Ольшану² —
Хозяйке надо. Да бегом!»
Ярема слушает молчком.

* Слышишь ты (евр.).

Так измывался утром рано
Шинкарь над бедным казаком.
Не знал Ярема о другом...
Не знал горемычный, что зрела в нем сила,
Что сможет высоко над небом парить,
Не знал, покорялся...

О, боже мой милый,
Трудно жить на свете, а хочется жить!
Любо видеть солнце, как оно сияет,
Хорошо послушать, как море играет,
Хорошо весною по лесу ходить,
Знать, что сердце чье-то по тебе томится...
О, боже мой милый, как радостно жить!

Сирота Ярема, сирота убогий,
Ни сестры, ни брата — никого не знал.
Вырос у хозяйки, у чужих порогов,
Но не проклял доли, людей не ругал.
И за что ругать их? Разве они знают,
Кого встретить лаской, кого истязать?
При готовой доле пусть себе гуляют,
А сиротам долю самим добывать.
Бывает, заплачет Ярема украдкой
И то не о том, что невесело жить,
Что-нибудь припомнит, помечтает сладко...
Да и за работу. Живи — не тужи.
Мать, отец не в радость, светлые палаты,
Если не с кем сердце сердцу поверять.
Сирота Ярема — сирота богатый:
Есть ему с кем плакать, кого утешать.
Есть карие очи — звездами сияют,
Есть белые руки — нежно обнимают,
Есть девичье сердце — согрето любовью,
Что плачет, смеется, стучит, затихает.

Над сиротским изголовьем
Средь ночи витает.
Вот такой-то мой Ярема,
Сирота богатый.
Был и я таким когда-то,
Да прошло, дивчата.
Поразвеелось, минуло,
И следа не видно.

Плачет сердце, как припомню..
Горько и обидно.
Куда все девалось, куда запропало?
Легче было б слезы, тоску выливать.
Люди увидали, ведь им было мало:
«Зачем ему доля? Лучше отобрать.
Он и так богатый!..»

Богат на заплаты
Да еще на слезы — кому утирать?
Доля моя, доля! Где тебя искать?
Вернись, моя доля, вернись в мою хату,
Приснись мне хотя бы... Не хочется спать!..

Люди добрые, простите,
Что не к ряду начал.
Про свою запел недолю..
Да не мог иначе.
Может, встретимся, покамест
Еще ковыляю
За Яремою по свету,
А может... не знаю.
Худо, люди! Всюду — худо!
Нет нигде отрады.
Куда гнут, как говорится,
Туда гнуться надо.
Гнуться молча, улыбаться,
Не подавать виду,
Чтобы люди не узнали
Про твою обиду.
Пусть их ласка... достается
Тому, кто доволен,
Пусть во сне ее не видит
Сиротская доля!
И рассказывать постыло,
И молчать нет силы.
Лейся ж, слово! Лейтесь, слезы,
Чтобы легче было.
Я поплачу, поделюся
Моими слезами —
Да не с братом, не с сестрою, —
С глухими стенами
На чужбине. А покамест

Корчму приоткроем: ..
Что там делается?

Лейба

Согнулся дугою,
У постели над светильней
Считает монеты.
А в постели — вся раскрыта
И полураздета —
Спит еврейка молодая
На жарких подушках,
Разметалась, раскидалась,
Томно ей и душно.
Спит тревожно, беспокойно, —
Одинокой тяжко,
Ночью словом обменяться
Не с кем ей, бедняжке,
Хороша, бела еврейка!
Что-то шепчет пылко!
Это — дочь. Отец же — рядом,
Чертова копилка.
Дальше — Хайка, спит хозяйка
В перинах поганных.
Где ж Ярема? Тот шагает
По пути в Ольшану.

КОНФЕДЕРАТЫ

«Открывай живей, Иуда,
Пока не битый ты у нас!
Ломайте двери, ждуть докуда,
Прокуда старый!»

«Я сейчас!

Сейчас, постойте!..»

«Или с нами

Шутить задумал? Что там ждуть!
Ломайте двери!»

«Я? С панами?

Как можно? Дайте только встать!
(А сам: «Вот свињи-то!») Как можно?»

«Ломайте двери, что смотреть!»

«Прошу панов ясновельможных...»

Упала дверь, взвилась плеть,
Метнулся Лейба с перепугу.

«На, лукавый, на, поганый,
На, свиное ухо!»
За ударами удары
Посыпались глухо.
«Не шутите, ваша милость!
Прошу, прошу в хату!»
«На еще раз! На еще раз!
Получай, проклятый».
Поздоровались. «Где дочка?»
«Померла, панове...»
«Лжешь, Иуда!» Снова плети.
«Носи на здоровье!..»
«Ой, паночки-голубочки,
В живых ее нету!»
«Брешешь, шельма».
«Провались я
На месте на этом».
«Признавайся, куда спрятал.
Поганая рожка!»
«Померла. Не стал бы прятать,
Карай меня, боже!»
«Ха, ха, ха, ха! Литанию
Читает, лукавый,
А не крестится!»

«Панове,
Не умею, право».
«Вот так!» Лях перекрестился,
А за ним Иуда.
«Браво, браво, окрестили!
За такое чудо
Магарыч с тебя придется,
Слышишь, окрещенный,
Магарыч!»

«Сейчас! Минутку!»
Ревут оглашенно.
Поставец, горилки полный,
По столу гуляет.
«Еще Польска не згинела»,—
Не в лад запевают.
А хозяин окрещенный
Из погреба в хату
Знай шныряет, наливает,
А конфедераты

Знай кричат: «Горилки! Меду!»
Лейба суетится.
«Эй, собака, где цимбалы?! —
Ходят половицы.—
Краковяк играй, мазурку,
Давай по порядку!»
Лейба служит, хоть бормочет:
«Панская ухватка!..»
«Ладно, будет. Запевай-ка».
«Не могу, не стану».
«Запоешь, да будет поздно!»
«Что же петь вам? Ганну?..»

Жила-была Ганна
В хате при дороге,
Божилася
И клялася,
Что не служат ноги:
На панщину не ходила,
Охала, стонала,
Только к хлопцам,
Что ни вечер,
В потемках шныряла».

«Будет, будет. Не годится,
Схизматская³ песня!
Пой другую!» — «А какую?
Вот такую если:
Перед паном Федором,
Ходит жид ходором,
И задком
И передком —
Перед паном Федорком».

«Ладно, хватит! Плати деньги!»
«Как? За что же плата?»
«А ты думал, даром слушать
Будем мы, проклятый?..
Думал, шутим? Доставай-ка
Да плати, небитый».
«Где же взять мне? Ласка ваша —
Вот весь мой прибыток».

«Лжешь, собака! Плати деньги!
Доставай — да быстро!»
И пошли гулять нагайки
По спине со свистом.
Вдоль и поперек стегали,
Аж ключье летело.
«Нету, нету ни копейки,
Режьте мое тело!
Ни копейки! Гвалт! Спасите! —
Кричит Лейба криком.—
Погодите... Я скажу вам...»
«Скажи-ка, скажи-ка!
Да опять брехать не вздумай,
Брехня не поможет».
«Нет... В Ольшане...»

«Твои деньги?»

«Мои? Спаси, боже!..
Я хотел сказать... В Ольшане,
Там живут схизматы...»
«Да! Живут по три семейства
На каждую хату?
Знаем, знаем! Мы их сами
Туда посогнали».
«Нет, не то... Прошу прощенья,—
Чтоб беды не знали,
Чтоб вам только деньги снились!
Ктитор там в Ольшане.
Может, слышали, есть дочка
У него, Оксана.
Спаси, боже, как красива,
Да и деньги тоже...
Не его, а все же деньги,
Хоть они и божьи...»
«Лишь бы деньги! Правда, Лейба,
Лучше и не скажешь.
А чтоб справдилась та правда,
Дорогу покажешь.
Собирайся!»

Поскакали

Прямоком в Ольшану.
Лишь один в корчме под лавкой
Конфедерат пьяный.
Встать не может, распростерся,

Как мертвое тело:
«Мы żyjemy, my żyjemy,
Polska nie zginęła»*.

КТИТОР

«В лесу, в лесочке
Не веет ветер;
Высоко месяц,
И звезды светят.
Выйди, голубка,
Я поджидаю.
Хоть на часок ты
Приди, родная!
Хоть погорюем
Да поворкуем.
Сегодня ночью
Уйду далеко.
Прощусь, расстанусь
С тобой до срока.
Выгляни, пташка,
Моя отрада.
Проститься надо...
Ох, тяжко, тяжко».

Так поет себе Ярема
В роще той затишной,
Поджидает, но Оксаны
Не видно, не слышно.
Светят звезды. Среди неба —
Месяц белолицый.
Соловей поет, и верба
Никнет над криницей.
Соловей над речкой песню
Так и разливает,
Словно знает, что дивчину
Казак поджидает.
А Ярема ходит-бродит,
Все ему не мило.
«Зачем меня мать родная
Красой наделила?..

Доля да удача ко мне не идут.
Годы молодые даром пропадут.

* «Мы живем, мы живем, Польша не погибла» (польск.).

Один я на свете, без роду, а доля —
Сиротская доля, что былинка в поле,
Холодные ветры ее унесут,—
И меня вот люди не хотят приветить.
За что ж отвернулись? Что я сирота?
Одно было сердце, одна на всем свете
Душа — моя радость — да, видно, и та —
И та отвернулась...»

Заплакал убогий,
Заплакал и слезы утер рукавом:
«Бывай же здорова! В далекой дороге
Найду либо долю, либо за Днепром
Голову сложу я. А ты не заплачешь,
А ты не увидишь, как буду лежать,
Как выклюет ворон те очи казачьи,
Те, что ты любила нежно целовать.
Забудь же про слезы сироты-бедняги,
Забудь, что клялася. Найдется другой!
Я тебе не пара, я хожу в сермяге,
Ктиторовой дочке нужен не такой.
Люби кого хочешь. Что себя неволить!
Забудь меня, пташка, забудь обо всем.
А коли услышишь, что в далеком поле
Голову сложил я, помолись тайком,

Хоть одна ты, мое сердце,
Вспомни добрым словом».

И заплакал, подпершился
Посошком дубовым.

Плачет тихо, одиноко...

Обернулся, глянул:

Осторожно по опушке

Крадется Оксана.

Все забыл... Бежит навстречу...

Друг к другу припали.

«Сердце!» Долго одно это

Слово повторяли.

«Будет, сердце!» — «Нет, немножко..

Еще, сизокрылый!

Возьми душу! Еще, милый!

Как я истомилась!»

«Звездочка моя, ты с неба,

Ясная, слетела!»

Стелет свитку. Улыбнулась,
На ту свитку села.
«Сам садись со мною рядом,
Обними же, милый!»
«Где ж ты, звездочка, так долго
И кому светила?»
«Я сегодня запоздала:
Отец занедужил,
До сих пор за ним смотрела...»
«А я и не нужен?»
«Ну, какой ты, вот, ей-богу!»
И слеза блеснула.
«Я шучу, шучу, голубка».
«Шутки!»

Улыбнулась.

И склонилась головкой,
Будто бы уснула.
«Слышь, Оксана, пошутил я,
Не думал обидеть.
Глянь же, глянь же на меня ты:
Не скоро увидишь.
Завтра буду я далеко,
Далеко, Оксана...
Завтра ночью нож свяченный
В Чигрине достану.
С тем ножом себе добуду
Золото и славу,
Привезу тебе наряды,
Богатую справу.
Как гетманша, сядешь в кресло,
Завидуйте, люди!
Стану тобой любоваться...»
«А может, забудешь?..
Будешь в Киеве с панами
Ходить важным паном,
Найдешь панну-белоручку,
Забудешь Оксану».
«Разве ж есть тебл красивей?..
«Может быть... Не знаю...»
«Не греши! На белом свете
Краше нет, родная!
Ни на небе, ни за небом,
Ни за синим морем...»

«Перестань же, что ты, милый,
Нашел о чем спорить
По-пустому!»

«Нет, родная...»

И снова и снова
Целовались, обнимались
Они что ни слово,
Обнимались крепко-крепко,
То вместе молчали,
То плакали, то клялися
И вновь начинали.
Говорил он ей, как вместе
Славно жить им будет,
Как он долю и богатство
Сам себе добудет.
Как вырежут панов-ляхов
Всех на Украине,
Как он будет красоваться,
Если сам не сгинет.
Говорил... Дивчата, слушать
Противно, ей-богу!..
Не противно, говорите?
Зато отец строгий
Либо мать, когда застанет
Вас за книжкой этой,
Тут греха не оберешься —
Сживут вас со света.
Ну, да что про то и думать,
Занятно же, право!
А еще бы рассказать вам,
Как казак чернявый
Над водою, под ветлою,
Прощаясь, тоскует,
А Оксана, как голубка,
Воркует, целует.
Вот заплакала, сомлела,
Голову склонила:
«Мое сердце! Моя радость!
Соколик мой милый!»
Даже вербы нагибались
Послушать те речи.
Нет, довольно с вас, дивчата,
А то близко вечер...

Не годится против ночи:
Приснится такое...
Пусть их тихо разойдутся,
Как сошлись, двое.
Пусть еще раз обнимутся
И разнимут руки,
Чтоб никто их слез не видел,
Горькой их разлуки.
Пусть... Кто знает, приведется ль
Им на этом свете
Вновь увидеться. Посмотрим...
Мудрено ответить.

А у ктитора в окошках
Свет. Не спит, похоже.
Надо глянуть, но и видеть
Не дай того, боже!..

Не дай того видеть среди мирной хаты,
За людей от срама сердцу не страдать.
Гляньте, посмотрите: то конфедераты,
Люди, что собрались волю защищать!⁴
Вот и защищают. Да падет проклятье
На их мать родную, что их зачала,
На день тот, в который собак родила.
Гляньте, что творится у ктитора в хате..
Адские творятся на свете дела!

В печи — огонь. Огнем вся хата
Освещена. В углу дрожит,
Как пес, шинкарь. Конфедераты
Терзают ктитора:

«Скажи,
Где деньги, если хочешь жить!»
Но тот молчит. Скрутили руки,
Об землю грохнули. Молчит,
Ни слова ктитор...

«Мало муки!

Смолы сюда! Заговорит!
Кропи его! Вот так! Что — стынет?
А ну — горячею золой!
И рта, проклятый, не разинет!
Однако, бестия! Постой!
Давай еще побольше жару!

Да в темя — гвоздик! Что смола!»
Старик не вынес адской кары,
Упал бедняга. Отошла
Душа его без отпущенья...
«Оксана... дочь!» И все слова...
И палачи в недоуменье:
«Что делать дальше? Ничего,
Панове, бросимте его,
Запалим церковь!»

«Помогите,
Кто в бога верует! Спасите!»
С надворья крик. Стучатся в двери.
В смятенье ляхи: кто такой?
Оксана вдруг: «Убили! Звери!»
И падает. А лях старшой
Уже махнул рукою своре —
И та понуро вышла вон,
И сам за ней выходит вскоре
С Оксаной на руках...

Где ж он,
Ярема? Что не заступился?
Не оглянулся? Он идет
И песню старую поет,
Как Наливайко с ляхом бился.

И ляхи тронулись вперед,
С собою захватив Оксану.
И снова стихнула Ольшана.
Собаки гавкнут, замолчат.
Сияет месяц. Люди спят.
И ктитор спит. Вовек не встанет;
Он не проснется поутру.
Светец мигает через силу...
Погас... И как бы вздрогнул труп...
И темень в хате наступила⁵.

ПРАЗДНИК В ЧИГИРИНЕ

Гетманы седые, если бы вы встали,
Встали, посмотрели на свой Чигирин,
Что вы созидали, где вы управляли,—
Заплакали б горько и вы — не узнали
Умолкнувшей славы убогих руин.

Базары — где строилось войско шумливо,
Где оно, бывало, морем гомонит,
Где ясновельможный на коне ретивом...
Взмахнет булавою — море закипит.

Закипело — разлилось
Степями, ярами.
Вражьи силы отступают
Перед казаками.
Ну, да что там! Все минуло!
О том не вздыхайте,
Не вздыхайте, мои друзья,
И не поминайте.
Что с того, что вспомнишь славу?
Вспомнишь и заплачешь.
А каков он нынче, город,
Чигирин казачий?

Из-за леса, из тумана
Месяц выплывает,
Багровеет, круглолицый,
Горит, не сияет,
Не иначе, что не хочет
Свет свой тратить даром:
Нынче ночью Украину
Осветят пожары.
Потемнело — и в Чигрине
Мрачно, как в могиле.
(В эту ночь по всей Украине
Огни не светили,
В ночь под праздник Маковея,
Как ножи святили.)
Только совы за заставой
На выгоне выли.
Только тень летучей мыши
Прошмыгнет случайно.
Где же люди? Над Тясмином,
В темной роще, тайно
Собрались. Старый, малый,
Босой и обутый —
Все сошлись, ожидают
Великой минуты.

Средь темного леса, зеленой дубровы
Стреноженны кони отаву жуют.

Оседланы кони, к походу готовы,
Куда-то поскачут? Кого повезут?
А что там за люди в затишье долины
Лежат, притаившись? Лежат себе, ждут.
Лежат гайдамаки... На зов Украины
Орлы прилетели. Они разнесут
 Врагам своим кару,
 За кровь и пожары
Жестокою кару они воздадут!

Оружье на возах лежит,
Ножи — железною таранью —
Императрицын дар восстанью.
Дарила — знала — угодит!
Пускай царицу на том свете
Не оскорбят намеки эти!
Среди возов народ стоит,
Казачья сила налетела —
Со всей округи казаки:
И юноши и старики
На доброе собрались дело.
И ходят меж возов старшины,
В киреях черных, как один,
Беседуют спокойно, чинно,
Поглядывая на Чигрин.

Старшина первый. Старый Головатый что-то мудрит слишком.

Старшина второй. Умная голова! Сидит себе на хуторе, будто не знает ничего, а посмотришь — везде Головатый. «Если сам, говорит, не покончу дело — сыну передам!»

Старшина третий. Да и сын — тоже штука! Я вчера встретился с Зализняком; такое рассказывает про него, что ну его! «Кошевым, говорит, будет, да и только; а может, еще и гетманом, ежели...»

Старшина второй. А Гонта на что? А Зализняк? Гонте сама... сама писала: «Если говорит...»

Старшина первый. Тише! Сдается, звонят!

Старшина второй. Да нет, это люди гомонят...

Старшина первый. Догомонятся, что ляхи услышат. Ох, старые головы да разумные! Чудят, чудят, да и сделают из лемеха шило. Где можно с мешком, там торбы не надо. Купили хрену — надо съесть; плачьте, глаза, хоть вон

повылазьте: видели, что покупали,— деньгам не пропадать! А то думают, думают, ни вслух, ни молча, а ляхи догадаются — вот тебе и пшик! Что там за сходка? Почему они не звонят? Чем народ остановишь, чтоб не шумел? Не десять душ, а, слава богу, вся Смелянщина, коли не вся Украина. Вон, слышите, поют.

Старшина третий. Правда, поет кто-то. Пойду остановлю.

Старшина первый. Не надо. Пусть себе поют, лишь бы не громко.

Второй старшина. Это, должно быть, Валах⁶. Не утерпел-таки, старый дурень: поет — да и только.

Третий старшина. А славно поет. Когда ни послушаешь — все другую. Подкрадемся, братцы, да послушаем. А тем временем зазвонят.

Старшина первый и второй. А что ж? И пойдем!

Старшина третий. Добре, пойдем!

Старшины тихо стали за дубом, а под дубом сидит слепой кобзарь, вокруг него запорожцы и гайдамаки.

Кобзарь поет медленно и негромко.

«Ой, валахи! Как мало
Вас на свете осталось!
И вы, молдаваны,
Теперь вы не паны.
Господари недаром
Служат верно татарам
Да турецким султанам.
Вы в цепях, молдаваны!
Ладно! Будет журиться,
Время богу молиться.
Поднимайтесь-ка с нами,
С нами — с казаками.
Помянем, молдаваны,
Гетмана Богдана.
Будете панами —
Поднимайтесь с ножами,
Как мы, со святыми,
При батьке Максиме.
Мы ночь погуляем,
Ляхов погоняем,
Да так погуляем,

Что ад содрогнется,
Земля затрясется,
Небо запылает.
Добре погуляем!..»

Запорожец. Добре погуляем! Правду старый поет, коли не врет. А что б из него за кобзарь был, кабы он не валах!

Кобзарь. Да я и не валах,— так только: был когда-то в Валахии, а люди и зовут Валахом, сам не знаю за что.

Запорожец. Ну да все равно. Затяни еще какую-нибудь. А ну-ка, про батька Максима ахни!

Гайдамак. Да не громко, чтоб не услышали старшины.

Запорожец. А что нам ваши старшины? Услышат — так послушают, коли есть чем слушать, вот и всё. У нас один старшой — батько Максим; а он как услышит, то еще рубль даст. Пой, старче божий, не слушай его.

Гайдамак. Да оно так, дружок; я это и сам знаю, да вот что: не так паны, как подпанки, а еще: пока солнце взойдет, роса глаза выест.

Запорожец. Брехня! Пой, старче божий, какую знаешь, а то и звона не дождемся — заснем.

Все вместе. Правда, заснем; спой нам что-нибудь.

Кобзарь (поет)

«Летит орел, летит сизый
Да под небесами.
Зализняк гуляет батько
Степями, лесами.
Ой, летает сизокрылый,
А за ним орлята.
Ой, гуляет славный батько,
А за ним — ребята.
Те ребята — запорожцы,
Сыновья Максима.
Обо всем толкует с ними
Батько их родимый.
Он запляшет — все запляшут,
Земля затрясется.
Запоет он — все подтянут,
Горе засмеется.

Поставцом горилку тянет,
Чаркою не любит,
А врага в бою, не глядя,
Найдет и загубит.
Вот таков-то у нас батько,
Орел сизокрылый,
И воюет и танцует
Со всей мочи-силы.
Нет ни хутора, ни хаты,
Ни стада, ни сада.
Степь да море — на просторе
Богатство и слава.
Берегитесь нынче, ляхи,
Горе вам, собаки!
Зализняк идет к вам в гости,
А с ним гайдамаки».

Запорожец. Вот это — да! Отколол, ничего не скажешь: и складно и правда. Хорошо, право, хорошо. Что захочет — то так и режет. Спасибо, спасибо!

Гайдамак. Я что-то не раскусил, что он пел про гайдамаков.

Запорожец. Какой же ты бестолковый, право! Видишь, вот что он пел: чтоб ляхи поганые, бешеные собаки, калялись, потому идет Зализняк Черным шляхом ⁷ с гайдамаками, чтоб ляхов, видишь, резать...

Гайдамак. И вешать и мучить! Хорошо, ей-богу, хорошо! Ну, так! Право, дал бы рубль, если б не пропилил вчера. Жаль! Ну, пускай старая вязнет — больше мяса будет. Сделай одолжение, будь ласков, — завтра отдам. Хвати еще что-нибудь про гайдамаков.

Кобзарь. До денег я не очень жаден. Была б ваша ласка слушать, — пока не охрип, буду петь; а охрипну — чарочку-другую той «ледащицы-живицы», как это говорится, да снова. Слушайте ж, панове-громада!

«Ночевали гайдамаки
В зеленой дуброве,
На лугу ходили кони
В седлах наготове...
Ночевали паны-ляхи
В шинках с шинкарями,
Напились, растянулись,
Да и...»

Все. Стой-ка. Кажется, звонят. Слышишь? Еще раз... о!..

«Зазвонили, зазвонили!» —
Покатилось эхо.
«Поднимайтесь-ка, а песня —
Делу не помеха».

Повалили гайдамаки,
Аж стон по дуброве.
На плечах возы до церкви
Понесли воловьи.
А Валах за ними следом
Затянул суровой:
«Ночевали гайдамаки
В зеленой дуброве...»
Ковыляет, напевает
Потихоньку старый.
«Дай другую, старче божий,
Поддай, поддай жару!»
И с возами в пляс пустились.
Плясовую грянул:
«Так-то, хлопцы, добре, хлопцы,
А я не отстану.
Ахнем, хлопцы!»

Заходила

Земля под ногами.
А Валах на кобзе режет,
Додает словами:

«Ой, гоп таки-так!
Кличет Ганну казак:
«Иди, Ганна, побалую,
Иди, Ганна, поцелую.
Пойдем, Ганна, до попа
Богу помолиться.
Нету жита ни снопа —
Бурьян колосится».
Оженился, зажурился,
Нужда одолела.
Дети голы, а их батько
Поет то и дело:
«И по хате ты-ны-ны,
И по сеням ты-ны-ны,

Пеки, жинка, блины,
Ты-ны-ны, ты-ны-ны!..»

«Добре, добре! Дай еще раз!» —
Кричат гайдамаки.

«Ой, гоп, диво, диво,
Наварили ляхи пива,
А мы будем пировать,
Панов-ляхов угощать,
Панов-ляхов угощая,
С панянками поиграем,
Ой, гоп таки-так!
Кличет панну казак:
«Панна, пташка моя,
Панна, доля моя!
Не стыдися, дай мне ручку,—
Нечего стыдиться!
Пускай людям горе снится,—
Будем веселиться!
Запоем, затынем,
Друг на дружку глянем.
Панна, пташка моя,
Панна, доля моя!»
«Еще! Еще!»

«Кабы если б или так, или сяк,
Кабы если б запорожский казак!
Кабы если б молодой, молодой,
Хоть по хате походил бы со мной.
Страх как мне не хочется
Да со старым морочиться!
Кабы если б...»

«Цыц! Ошалели! Что за погань!
Поете здесь, да в час такой,
Да где! — у божьего порога!
Все ты затеял, пес слепой!» —
Так атаман кричит. И встали
У церкви хлопцы. Клир поет.
Попы с кадилами, с крестами
Идут, идут. Затих народ.
Кропя оружие, меж возами

Попы торжественно прошли.
Хоругви следом пронесли,
Как на святой над куличами.
«Молитесь, братия, молитесь! —
Так благочинный возгласил. —
Восстанет стража из могил
На помощь. Духом укрепитесь!
Не даст господь Чигрин распять,
А вы Украину охраняйте,
Не дайте матери, не дайте
В руках у палача стенать.
От Конашевича доньше
Пожар не гаснет, люди мрут,
Томятся в тюрьмах, на чужбине...
А дети в нехристях растут,
Казачьи дети. А дивчата —
Земли украинской краса —
Посрамлены, в руках у катов.
И непокрытая коса
Сечется с горя. Кари очи
В неволе гаснут: расковать
Казак сестру свою не хочет
И не стыдится сам стонать
В ярме у ляха. Горе, горе!
Молитесь, дети! Страшный суд
Нам ляхи-палачи несут!
И разольется крови море...
А вспомним гетманов своих:
Богдана вспомним, Остраницу.
Кто знает, где могилы их,
Где их священный прах хранится?
Где Наливайка славный прах?
Кто плакал на его могиле? ⁸
Кошунственно в глухих степях
Враги их пепел распылили.
Они поруганы. Не встанут.
Не встанет праведник Богун,
Чтоб зимний запрудить Ингул
Телами шляхты ⁹. Нет Богдана,
Чтоб Воды Желтые и Рось
Окрасить кровью, как бывало.
И Корсунь — город древней славы —
Тоскует нынче. Довелось

Угаснуть в забвении на свете.
А Альта плачет: «Где Тарас?
Не слышно... Нет. Не в батька дети!»
Не плачьте, братия: за нас
И души праведных, и сила
Архистратига Михаила,—
Не за горами кары час.
Молитесь, братия!..»

Молились,
Молились с верой казаки
По-детски чисто. Не журились
И не гадали, чтоб спустились
Над их могилами платки.
Вся и слава — что платочек
На кресте накинута..
А диакон возглашает:
«Враги да погинут!..
Братия, ножи берите!
Благослови, боже...»
«Освятили! Освятили!»
Аж мороз по коже.
«Освятили, освятили!
Шляхта да погинет!..
И ножи те заблестели
По всей Украине¹⁰.

ТРЕТЬИ ПЕТУХИ

И день еще под игом катов
Стонял народ. Еще один
Земля носила их, проклятых,
И плакал древний Чигирин.
Тот день прошел, день Маковей,
Что многих праздников святее,
Прошел,— и лях и жидовин
Горилкой, кровью упивались,
Кляли схизмата, распинали,
Кляли, что нечего и взять.
А гайдамаки молча ждали,
Покуда ляхи лягут спать.
Легли, поганые, не знали,

Что завтра им уже не встать.
Заснули ляжи, а Иуды
Еще не спят в ночной тиши,
Впотьмах считают барыши,
Над золотой склонившись грудой.
И так, на золоте своем,
Нечистым задремали сном.

Заснули — навеки, даст бог, улеглись...
А в ту пору месяц плывет озирать
И небо, и звезды, и землю, и море,
И счастье людское, и горькое горе, —
Чтоб господу богу про все рассказать.
Светит белолицый на всю Украину...
Видит ли он с неба мою сиротину,
Видит ли Оксану, мою сироту?
Кто ее терзает, где она страдает,
Знает ли Ярема? Или знать не знает, —
Мы после увидим, а нынче не ту,
Не ту, а другую я песню сыграю.
Горе — не дивчата — будет танцевать;
Спою про неволю, казацкую долю, —
Слушайте, чтоб детям после рассказать.
Чтобы дети знали, внукам рассказали,
Как казаки шляхту мукам предавали
За все, что от шляхты пришлось испытать.

Испокон веков Украина
Не знала покоя,
По степям ее широким
Кровь текла рекою.
Текла, текла — пересохла.
Степи зеленеют.
Спят казаки, спят вояки, —
Курганы синеют.
Да кому о дедах вспомнить,
Поплакать над ними?
Не горька их доля внукам,
Не дорого имя.
Только ветер тихо-тихо
Повеет порою,
Только росы, будто слезы,
Окропят, омоют.

Солнце ласковое встанет,
Осушит, пригреет.
Что же внуки? Все равно им —
Панам жито сеют.
Много их, а кто укажет,
Где Гонты могила?
Где легла его святая
Праведная сила?
Зализняк, душа родная,
Где лежит зарытый?
Тяжело! Палач на троне,
А они забыты.

Испокон веков Украина
Не знала покоя,
По степям ее широким
Кровь текла рекою.
День и ночь — пальба, сраженья,
Земля стонет, гнется.
Жутко, больно, а как вспомнишь —
Сердце усмехнется...

Месяц яснокрылый, брат мой одинокий,
Укройся за тучей, за горой высокой.
Не гляди на землю, хоть и видел Рось,
И Альту, и Сену¹¹, хоть и пролилось
Там не мало крови людской понапрасну —
То ли нынче будет! Закатися, ясный,
Спрячься, друг любимый, чтоб не довелось
На старости плакать...

Грустно, грустно среди неба
Светит месяц смутный.
Вдоль Днепра казак шагает —
С вечеринки будто.
Он шагает невеселый,
Еле служат ноги.
Не дивчина ль осмеяла
За жупан убогий?
Нет, дивчина его любит,
Хоть жупан залатан.
Добрый хлопец, а не сгинет —
Будет и богатый.
Что ж идет он невеселый,

Идет, чуть не плачет?
Что поникнул молодую
Головой казачьей?
Чует сердце, да не скажет,
Что за горе встретит...
А вокруг — как будто люди
Вымерли на свете.
Петухов еще не слышно,
Собаки замолкли,
Заунывно в отдаленье
Завывают волки.
Хоть бы что! Идет Ярема,
Спешит не в Ольшану,
Не к своей зазнобе милой, —
На ляхов поганых,
На Черкассы. Скоро третьих
Петухов¹² заслышит...
Ну, а там... Глядит Ярема,
Волны Днепр колышет...

«Ой, Днепр мой могучий, стремяся к низовью,
От крови казацкой бывал ты багрян,
И море ты красил казацкою кровью,
Да сам еще не был от крови той пьян.
А нынче упьешься. Кромешное пламя
Над всей Украиной в ночи заревет,
И хлынет ручьями, волнами, реками
Кровь шляхты поганой; казак оживет.
Гетманы воскреснут в жупанах старинных,
Вольной песней станут грозные слова:
«Врагов мы прогнали!» И над Украиной,
О, боже великий, блеснет булава!»

Так думал Ярема в одежде убогой,
С ножом освященным идя на врагов.
А Днепр — он подслушал — могучий, широкий,
Поднял волны-горы, и у берегов
Грозно волны завывают,
Лозы нагибают.
Гром грохочет, а молнии
Тучи рассекают.
Напрямик идет Ярема,
Головы не прячет.

Одна дума улыбнется,
Другая заплачет...
«Там Оксана, там весело
И в худой одеже.
А тут, а тут — сам не знаю —
Пропаду, быть может!»
Вдруг — недалний из-за леса
Петух: кукареку!!!
«А! Черкассы! Боже правый,
Не убавь мне веку!»

КРОВАВЫЙ ПИР

Зазвонили по Украине
Со всех колоколен.
Загуляли гайдамаки
Да на вольной воле.
«Смерть шляхетству! Погуляем,
Тучи разогреем!»
Запылала Смелянщина
И Корсунь за нею.
А Медведевка давно уж
Небо подпекает.
Горит Смела; Смелянщина
Кровью подплывает.
Полыхают разом Канев,
Чигирин, Черкассы.
Черный шлях окутан дымом,
И кровь полилася
До Волыни. На Полесье
Гонта пир справляет.
Зализняк же в Смелянщине
Саблю закаляет
Да в Черкассах, где Ярема
Поспевает рядом.
«Добре, хлопцы, режьте ляхов,
Никому пощады!»
Зализняк своих казаков
В дыму окликает.
Ад кромешный, а по аду
Казаки гуляют.
А Ярема губит ляхов

С Максимом бок о бок.
Так и косит! «Добре, хлопец,
Тряси их хвороба!
Валяй, хлопец! В раю будешь,
А то есаулом.
Нуте, детки!» Переполнен
Город криком, гулом.
В лавках, в каменных палатах
Души не осталось.
«Подсчитаю! Добре, хлопцы,
Отдохните малость».
Город трупами завален,
Улицы, базары
Черной кровью подплывают.
«Мало ляхам кары!..»
Недорезанных кончали:
Не встанут, собаки!
Собралися, запрудили
Площадь гайдамаки.
Зализняк зовет Ярему,
Тот идет, смущаясь.
Батько снова: «Поди, хлопец,
Не бойсь, не кусаюсь».
«Не боюсь». Снимает шапку
Перед атаманом.
«Кто ты будешь и откуда?»
«Я-то? Из Ольшаны».
«Это где конфедераты
Ктитора убили?»
«Где? Какого?..»
«Там, в Ольшане.
И дочь захватили.
Дочь, дивчину, может, знаешь?»
«Дочку?! Из Ольшаны?»
«Да, у ктитора. Не помнишь?»
«Оксана! Оксана!» —
Только вымолвил Ярема,
Как сноп повалился.
«Эге!.. Вон что! Жалко хлопца,
Славно хлопец бился!»
Отдышался. «Батько, брат мой!
Что я не сторукий?
Дайте нож мне, дайте силу,

Муки ляхам, муки!
Да такой, чтоб под землею
Пекло занемело!»
«Добре, сынок. Ножей хватит
На святое дело.
Гайда с нами до Лысянки,
Там ножи наточим».
«Иду, батько, иду, милый,
Веди куда хочешь.
Хоть за море, на край света
Пойду с атаманом.
Палача, злодея-ляха,
Под землей достану
С того света... Только, батько,
Найду ли Оксану?..»
«Там увидим... Как зовут-то?»
«Яремою звали».
«Так. А прозвище какое?»
«Прозвища не дали».
«Что, безродный? Ну, да ладно.
Запиши, Микола,
Хлопца в список. Пускай будет...
Пускай будет... Гольий.
Пиши Гольим...»

«Не годится».

«Ну, пиши... Бедою».

«Тоже худо».

«Тьфу ты, черт вас!

Пиши Галайдою»*.

Записали.

«Ну, Галайда,

С нами в путь-дорогу.

Найдешь долю, а быть может...

Нуте, хлопцы, трогай!»

Конь нашелся для Яремы —

Дали из обоза.

Рад бедняга; улыбнулся

Да и снова в слезы.

Выехали за ворота —

В зареве Черкаassy.

«В сборе, детки?»

«В сборе, батько!»

* Скиталец, бездомный (укр.).

«Гайда!»

Понеслася

Правым берегом днепровским
Казачья ватага.

И кобзарь за нею следом,—

Где трюшком, где шагом,—

Поспевает на лошадке,

Песню запеваёт:

«Гайдамаки, гайдамаки!

Зализняк гуляет!..»

Едут, едут... А Черкассы

Позади пылают.

Ну, и ладно! И не смотрят,

Шляхту проклинают.

Кому шутки, кому песни—

Кобзарь наготове.

Зализняк же едет молча,

Нахмутивши брови.

Курит люльку, смотрит зорко

Вдаль перед собою.

А за ним Ярема едет,

Поник головою.

Темный лес, днепровский берег,

Горы, звезды, небо,

Счастье, доля и недоля,

Люди, быль и небыль—

Все пропало, отступило,

Не видит, не знает.

Как убитый. Только тяжко

Изредка вздыхает,

Но не плачет, нет, не плачет,

Хотя слезы душат,—

Злоба лютою змеєю

Охватила душу...

«Ой вы, слезы, мои слезы,

Смойте мое горе!

Тяжко, больно! Только знаю—

Ни синего моря,

Ни Днепра не хватит нынче,

Чтобы горю кануть.

Душу, что ли, загубить мне?..

Оксана! Оксана!..

Где ты, где ты, моя радость,
Что жизни дороже?
Хоть приснися, покажися...
Где ты? Гибнешь, может?
Может, горькую судьбину
Клянeshь ты, Оксана?
Может, мученица, стонешь
В застенке у пана
Да Ярему вспоминаешь,
Родную Ольшану...
Сердце мое! Лети, сердце!
Обними Оксану!
Обоймемся, позабудем
Все на белом свете.
Пускай ляхи жгут, пытаются —
Не услышим!.. Ветер,
Ветер веет от Лимана,
Гнется тополь в поле,
И дивчина туда гнется,
Куда гнет недоля.
Потоскует, погорюет,
Забудет... и, может...
Станет панной, гордой, чванной...
А лях... Боже, боже!..
Карай пеклом мою душу,
Сожги адским жаром,
Карай, боже, мукой вечной,
Но не тою карой!
Будь хоть каменное сердце —
Не вынесет раны.
Моя доля, моя радость,
Оксана! Оксана!
Куда скрылась-удалилась,
Приди покажися!»
Вдруг — и слезы полилися,—
Откуда взялися!
Не велит казакам батько
Нынче ехать дале.
«К лесу, хлопцы! Вон светает,
И кони устали.
Покормить бы!» Своротили.
И в лесу пропали.

ГУПАЛИВЩИНА

Встало солнце. Украина
Дымилась, пылала.
Где в живых осталась шляхта,—
Запершись дрожала.
А по виселицам в селах
Ляжи в ряд висели
Чином старшие. На прочих
Веревки жалели.
По улицам, по дорогам —
Груды трупов с ночи.
Псы грызут их, а вороны
Выклевали очи...
По дворам везде остались
Дети да собаки.
Даже бабы, взяв ухваты,
Ушли в гайдамаки.

И творилось такое
По родным округам...
Хуже ада... За что ж люди
Губили друг друга?..
Поглядеть — такие ж люди,
Жить, водить бы дружбу.
Не умели, не хотели —
Разделиться нужно!
Захотели братской крови,—
Потому — у брата
И скотина, и холстина,
И светлая хата.
«Убьем брата, спалим хату!»
И пошла работа.
Ну, убили! А на муки
Остались сироты.
Подросли в слезах, в неволе,
Развязали руки,
Ножи взяли. И зуб за зуб,
И муки за муки!
Сердцу больно, как помыслишь:
Что людей побито!
Столько крови! Кто ж виновен?
Ксендзы, езуиты...¹³

Проносились гайдамаки
Степями, лесами.
А за ними и Ярема
С горем да слезами.
Вот минули Вороновку,
Вербовку; в Ольшану
Прискакали. «Не спросить ли
Кого про Оксану?
Нет, не надо, пусть не знают,
За что пропадаю».
Кони скачут. Гайдамаки
Село покидают.
Наклоняется к мальчонке:
«Ктитора убили?»
«Да нет, дядька, не убили —
На огне спалили
И Оксану, дочку, взяли.
А ты кого ищешь?
Коли ктитора, то даром:
Лежит на кладбище...»
Не дослушал и галопом
Вороного кинул.
«Лучше б я вчера, не зная,
Не ведая, сгинул,
А сегодня я и мертвый
Из могилы встану
Ляхов мучить. Сердце мое!
Оксана! Оксана!
Где ты?..»

Стихнул, зажурился.

Сдержал вороного.
Горе тяжкое, немое
Охватило снова.
Поравнялся со своими
За хутором старым.
Где корчма была — огнище,
И Лейбы не стало.
Усмехнулся мой Ярема.
Грустно усмехнулся.
«Вот где, вот где я недавно
Перед Лейбой гнулся!
А сегодня...» И взгрустнулось
О том, что минуло.

Там остался».

Подъезжают,
Встали вокруг леса.
Смотрят, смотрят — нету ляхов.
«Да тут их до беса!
Гляньте, хлопцы, на деревья,
Сшибайте проклятых!» —
И посыпались, как груши,
Вниз конфедераты.
«Поживей сшибайте, хлопцы,
Будут знать, как лазить!
Вот так славная потеха —
Как бы да не сглазить!»
Отыскали гайдамаки
Потайные ямы,
Все забрали, что годилось,
И в Лысянку прямо
Поскакали...

ПИР В ЛЫСЯНКЕ

Над Лысянкой¹⁶ клубы дыма
К небу повалили:
Зализняк да Гонта люльки
На ночь закурили.
Страшно, страшно закурили,
Земля пламенеет.
Вряд ли даже в преисподней
Так курить умеют!
Багровеет Тикич кровью
Евреев да ляхов.
Горят хаты и палаты,—
Заодно — все прахом...
И богачи с голытьбою...
А среди базара
Зализняк гуляет с Гонтой:
«Кара ляхам, кара!»
Чтоб покаялись собаки —
Всех подряд карают.
Стоны, слезы. Один молит,
Другой проклиняет,
Третий кается напрасно

Перед мертвым братом.
Старикам пощады нету
И малым ребятам.
Не милуют гайдамаки,
Не щадят, зверея,
Ни красу, ни возраст юный
Шляхтянок, евреек.
Ни убогих, ни здоровых,
Ни калек горбатых
Не осталось,— не спаслися
От грозной расплаты.
Ни души — легли все, пали,
Свершилася кара.
Трупы стынут, багровеет
Небо от пожара.
Разгорелся, распылался
Под самые тучи.
А Галайда всюду слышен:
«Мучить ляхов, мучить!»
Как безумный, мертвых режет,
Рубит как попало.
«Дайте ляха, дайте пана,
Мало крови, мало!
Дайте ляха, дайте крови
Тех собак поганых!
Море крови!.. Мало моря!
Оксана! Оксана!
Где ты?» — крикнет, пропадает
В полыме пожара.
А тем часом гайдамаки
Столы средь базара
Расставили. Отовсюду
Несут, несут блюда.
Собирают, накрывают,—
Тешат свою удаль.
«Пейте, лейте!» Загуляли.
А вокруг что было:
Трупы панские, качаясь,
Висят на стропилах
Обгорелых. Вдруг стропила
Пламенем обнимет —
Треск да искры! «Пейте, детки,
С панами такими,

Может, встретимся еще раз —
Авось не сплосшаем!»
И черпак единым духом
Батько осушает.
«За собачьи эти трупы,
За собачьи души
Пью, казаки! Пейте, детки!
Выпьем, Гонта, друже!
Выпьем, выпьем, погуляем
Заедино, вместе!
Где Валах наш? Запевай-ка
Веселую песню!
Не про дедов — сами шляхту
Караем не хуже!
Не про горе, потому что
Живем, а не тужим.
Грянь веселую такую,
Чтоб земля ломилась!
Про вдовицу-молодицу,
Как она журилась!»

Кобзарь
(играет и припевает)

«От села до села
Праздник, пир великий.
Я курицу продала,
Ношу черевики.
От села до села
Танцевать пойду я.
Ни коровы, ни вола,—
В хате ветер дует.
Я отдам, я продам
Куму свою хатку.
На виду, на ходу
Поставлю палатку.
Стану я торговать
Горилкою горькой
Да гулять, танцевать
С молодыми только!
Ох вы, детки мои,
Я вас пожалею.
Поглядите, как танцую,-

Станет веселее.
Я в батрачки пойду,
Деток в школу отдам,
Своим новым черевичкам
Таки дам, таки дам!»

«Славно! Славно! Плясовую!
Поддай жару в ноги!»
Заиграл кобзарь, пустились
Посреди дороги.
Ходит площадь. «Ну-ка, Гонта,
Тряхнем стариною,
Пока живы — погуляем,
Притопнем ногою!»

«Не смотрите вы, дивчата,
Что я обтрепался...
Родной батько делал гладко,—
Я в него удался».

«Добре, братец! Ей-же-богу!»

«Дорогу Максиму!»

«Погодите ж!»

«Даром, что ли, так поется:
Люблю дочку, чью придется,—
Хоть попову, хоть дьячкову,
Хоть и просто мужикову».

Все танцуют, а Галайда
На гулянье плачет.
У стола сидит печальный,
Слез своих не прячет.
А с чего бы ему плакать?
Сидит себе паном:
Есть и деньги, есть и слава,
Да нету Оксаны;
Не с кем долей поделиться,
Не с кем веселиться,
Сиротою довелось
На свете томиться.
И не знает, не гадает,
Что его Оксана
За рекой, в плену у ляхов,
У панов тех самых,

Что отца ее убили,
Над нею глумились,
Хвост поджали — убежали,
В страхе притаились.
Только слушаете, сидя
За стеной надежной,
Стоны братьев! А Оксана
В окошко тревожно
Смотрит, смотрит на пожары.
«Где-то ты, мой сокол?»
А того она не знает,
Что он недалеко,
Здесь, в Лысянке, да не в прежней
Старой свитке рваной.
В жупане сидит, горюет:
«Где моя Оксана?
Где она, моя голубка,
Томится да плачет?..»
А в потемках вдоль заборов,
В кирее казачьей
Идет кто-то...

«Что за люди?» —

Казак окликает.

«Я посыльный пана Гонты,
Пускай он гуляет,
Подожду я».

«Ловок, Лейба,

Ловок, жид, однако!»

«Спаси, боже, — не был жидом.

Видишь — гайдамака.

Вот копейка — знак имею».

«Да напрасно ищешь...»

И свяченный вынимает

Из-за голенища.

«Признавайся, пес лукавый,

Ты привел в Ольшану

В дом ктитора ляхов пьяных?

Я шутить не стану.

Я батрак твой. Я Ярема.

Узнаешь, поганый?

Говори же, признавайся:

Где моя Оксана?»

Замахнулся.

«Спаси, боже...
За рекой... у пана...»
«Выручай же, а иначе —
Протянешь ты ноги».
«Добре, добре... Ах, какой вы,
Пан Ярема, строгий!..
Тотчас все исполню. Деньги
И стену ломают.
Скажу ляхам: вместо Паца...»
«Ладно. Понимаю.
Лети духом».

«Добре, пане,
Вы себе гуляйте,
Да часок-другой... покамест
Гонту забавляйте.
А куда везти Оксану?»
«В Лебедин...¹⁷ к монашкам».
С Гонтой весело танцует.
Жупан нараспашку.
Зализняк же берет кобзу:
«Потанцуй-ка, старый!
Я сыграю!»

И вприсядку
Слепец средь базара
Чешет рваными лаптями,
Говорит словами:

«В огороде пастернак, пастернак;
Чем я тебе не казак, не казак?
Иль я тебя не люблю, не люблю?
Иль я тебе черевичков не куплю?
Куплю, куплю, черноброва,
Куплю, куплю пару новых.
Буду часто ходить,
Буду крепко любить».

Ой, гоп-гопака!
Полюбила казака,
Некрасивого, рябого
Да седого старика.
Иди, доля, за бедою,
А ты, старый, за водою,

А я сбегаю в шинок.
Выпью чарку да другую,
Выпью пятую, шестую,
Да и хватит мне, ей-ей!
Пляшет баба, а за ней
Выбегает воробей,
Так и чешет — людей тешит.
Веселей, воробей!
Рябой, старый бабу кличет,
А та ему дулю тычет:
«Оженился, сатана,
Нет ни хлеба, ни пшена!
Надо деток воспитать,
Обувать, одевать.
А я буду добывать,
А ты, старый, не грехи,
А ты зыбку колыши,
Да замри — не дыши!»
«Как была я молодою, жила весело я,
По-над ставней новый фартучек
повесила я.

Кто идет — не минет,
То кивнет, то моргнет,
А я шелком вышиваю
И в окошечко киваю.
Надевайте, хлопцы, свитки,
Ожидаю у калитки.
Погуляем, хлопцы, вместе,
Заиграем, хлопцы, песни».

«Загоняйте квочку в бочку,
А цыпляток в вершу!..

.
.

И... Гу!..

Взялся батька за дугу,
А старая — за гужи.
Дочка, повод подвяжи!»

«Хватит, что ли?»

«Еще! Еще!»

Сами ноги носят!»

«В миску хлеба накроши
Да побольше квасу.
Дед да баба — оба рады,—
Тюрька задалася!

Квасу, квасу подливай
Да кроши петрушку...

.

Квасу, квасу подливай,
Кроши больше хрену.
А дед бабе...

.

Ой, лей воду, воду,
Поищи-ка броду!..»

«Будет, будет! — крикнул Гонта.—
Хватит! Погуляли!

Поздно, хлопцы. А где Лейба,
Лейбу не видали?

Найти Лейбу и повесить!

Где он, сын собачий?

Гайда, хлопцы! Погасает

Каганец казачий!»

А Галайда атаману:

«Погуляем, батько!

При пожаре на базаре

И светло и гладко!

Потанцуем! Играй, старый!»

«Нет, конец пирушке!

Огня, хлопцы! Дегтю! Пакли!

Волоките пушки!

Наведите на тот берег.

Думают — шучу я!»

Заревели гайдамаки:

«Добре, батько, чуем!»

Через греблю повалили,

Орут, запевают.

А Галайда: «Батько, батько,

Стойте, погибаю!

Погодите, не палите,—

Там моя Оксана!

Хоть немного погодите,
Я ее достану!»
«Ладно, ладно! Максим, братик,
Приступаем, друже!
Что возиться! А ты, хлопец,
Другую, не хуже
Облюбуешь...»

Оглянулся:
Где он? Был иль не был?..
Взрыв гремучий. Стены вражьи
Взметнулись под небо
Вместе с ляхами. Что было —
Пеклом запылало.
«Где ж Галайда?» — Максим кличет.
Следа не осталось...

Покамест хлопцы снаряжались,
Ярема с Лейбою пробрались
В подвалы к ляхам, и казак
Оксану вынес, чуть живую,
И поскакал напропалую
На Лебедин...

ЛЕБЕДИН

«Сирота я из Ольшаны,
Сирота, бабуся..
Отца ляхи замучили,
А меня... боюсь
Даже вспомнить, мое сердце,
Увезли с собою.
Не спрашивай, родная,
Что было со мною.
Сколько плакала, молилась,
Сердце надрывала!
Не хватало слез, голубка,
Душа замирала.
Кабы знала, что увижу
Друга дорогого, —
Молча б вытерпела муки
За одно то слово.
Ты прости, прости, голубка,
Может, согрешила,

Может, бог меня карает,
Что я полюбила,
Полюбила молодого.
И что тут поделать?
Полюбила, как умела,
Как сердце велело.
Не за себя, не за батька
Молилась в неволе,—
За него молилась богу,
Чтоб дал ему долю.
Карай, боже, карай, правый,
Все скажу, что было:
Страшно молвить, чуть я душу
Свою не сгубила.
И наверно б, на себя я
Руки наложила,
Да как вспомню сиротину,—
Боже ты мой милый!
Кто ж его на белом свете
Приветит, не бросит?
Кто про долю, про недолю,
Как я, порасспросит?
Кто обнимет крепко-крепко,
Как я, горевого,
Кто подарит сиротине
Ласковое слово?
Так я думала, бабуся,
И сердце смеялось:
Я сама на свете круглой
Сиротой осталась.
Только он один на свете,
Один меня любит.
Как узнает, что решилась,—
И себя загубит.
Так я думала, молилась,
Ждала, поджидала.
Нет и нету — не приходит,
Одна я осталась!»
И заплакала. Черница
Склонилась над нею,
Опечалилась.
«Бабуся,
Скажи ты мне, где я?»

«В Лебедине, моя пташка,
Ты лежишь больная».
«В Лебедине? А давно ли?»
«Третий день, родная».
«Третий, третий... Погоди-ка...
Пожар над водою...
Лейба... Вечер... Майдановка...¹⁸
Зовут Галайдою...»
«Галайдой себя, Яремой
Называл, родная,
Тот, что спас тебя...»

«Где? Где он?!

Теперь все я знаю!..»
«На неделе обещался
За тобой явиться».
«На неделе! Близко! Близко!
Будет мне томиться!
Вышел, вышел срок, бабуся,
Несчастной судьбине!
Тот Галайда — мой Ярема!..
По всей Украине
Его знают! Я видала,
Как села пылали!
Я видала — каты-ляхи
Все дрожмя дрожали,
Как услышат про Галайду!
Знают они, знают,
Кто такой он и откуда,
За что их карает.
Отыскал меня в неволе,
Орел сизокрылый!
Прилетай же, мой соколик,
Голубочек милый!
Ах, как весело на свете,
Как весело стало!
Сколько дней прошло, бабуся?
Еще три осталось?
Ах, как долго!..
«Загребай, мама, жар, жар,—
Будет тебе дочки жаль, жаль...»
Ах, как весело на свете!
А тебе, бабуся?»

«На тебя гляжу я, пташка,
Гляжу, веселюся».
«Что ж, бабуся, не поешь ты?»
«Бывало, певала...»
Тут к вечерне зазвонили,
Оксана осталась.
А черница, помолившись,
В храм заковыляла.

Через три дня там И с а й я,
Л и к у й! возглашали:
Утром рано там Оксану
С Яремой венчали.
А под вечер мой Ярема,
Хлопец аккуратный,
Чтоб не сердить атамана,
Поскакал обратно
Ляхов резать. И с Максимом
В Умани справляет
Пир кровавый. А Оксана
Сидит поджидает,
Поджидает, не едет ли
С дружками Ярема:
Чтоб из кельи взять Оксану
И ехать до дому.
Не тоскуй, молися богу,
Поджидай, Оксана.
А покамест — на пожары,
На Умань ¹⁹ я гляну.

ГОНТА В УМАНИ

Похвалялись гайдамаки,
На Умань идучи:
«Из китайки да из шелка
Будем драть онучи».

I

Проходят дни, проходит лето,
А Украина знай горит;
Сироты плачут. Старших нету,
Пустуют хаты. Шелестит

Листва опавшая в дубровах,
Гуляют тучи, солнце спит;
И слова не слышать людского,
Лишь воют волки у села,
Останки панские таская:
Кормились ими серых стаи,
Пока метель не занесла
Объедки волчьи...

Но и вьюга не укрыла
Палачей от кары.
Ляхи мерзли, а казаки
Грелись на пожарах.
Землю, спавшую под снегом,
Весна разбудила,
Муравой-травой одела,
Цветами покрыла.
В поле жаворонок звонкий,
Соловей на вербе
Пробужденную встречают
Землю песней первой.
Рай цветущий! Для кого же?
Для людей? А люди?..
Ходят мимо — и не смотрят,
Посмотрят — осудят.
Кровью надобно подкрасить,
Осветить пожаром
Рай земной — тогда и будет
Хорошо, пожалуй...
Чего нужно? Люди, люди,
Когда же вам будет
То, что есть на свете, мило?
Чудные вы, люди.

Не смирила весна злобы,
Не уняла крови.
Страшно видеть, а как вспомнишь,—
Так было и с Троей.
Было, будет.

Гайдамаки

Гуляют, карают,
Где пройдут — земля пылает,
Кровью подплывает.
Не родной хоть он, не кровный

Сынок у Максима —
Поискать такого надо
Хорошего сына.
Батько режет, а Ярема
Не режет — лютует,
Со свяченым на пожарах
Днюет и ночует,
Не милует, не минует —
Карает сурово,
За ктитора платит ляхам,
За отца святого,
За Оксану... холодеет,
Вспомнив об Оксане...
А Максим: «Гуляй, Ярема!
Пока доля встанет,
Погуляем!»

Погуляли

Казачи до срока.
От Киева до Умани
Легли ляхи впокот.

Словно туча, гайдамаки
Умань обступили,
До рассвета, до восхода
Умань подпалили.
Подпалили, закричали:
«Карай ляхов снова!»
Покатились, отступая,
Бойцы *paradowi*²⁰.
Побежали старцы, дети,
Хворые, калеки.
«Гвалт! Ратуйте!» Полилися
Кровавые реки.
Море крови. Атаманы,
Стоя средь базара,
Кричат разом: «Добре, хлопцы!
Кара ляхам, кара!»
Но вот ведут гайдамаки
С езуитом рядом
Двух подростков. «Гонта! Гонта!
Твои, Гонта, чада.
Раз католиков ты режешь,
То зарежь и этих.

Что же смотришь? Твои, Гонта,
Католики-дети.
Подрастут, тебя зарежут —
И не пожалеют...»
«Пса убейте! А щенят я —
Рукою своею.
Признавайтесь перед всеми,
Что веру продали!»
«Признаемся... Мать учила...
Мать... А мы не знали!..»
«Замолчите! Боже правый!..»
Собрались казаки.
«Мои дети — вражьей веры...
Чтобы видел всякий,
Чтоб меня не осудили
Братья гайдамаки,—
Не напрасно присягал я
Резать ляхов-катов.
Сыны мои! Мои дети!
Малые ребята!
Что ж не режете вы ляхов?»
«Будем резать, будем!..»
«Нет, не будете, не верю:
Проклятою грудью
Вы кормились. Католичка
Вас на свет родила.
Лучше б ночью вас приспала,
В реке б утопила!
Греха б меньше. Умерли бы,
Сыны, не врагами,
А сегодня, сыны мои,
Отцу горе с вами!
Поцелуйте ж меня, дети,
Не я убиваю,
А присяга». И свяченный
На них подымает! ²¹
Повалились, захлебнулись.
Кровь, слова глотали:
«Тату... Тату... Мы — не ляхи!
Мы...» И замолчали.
«Закопать бы?..» — «Нет, не нужно —
Католики были.
Сыны мои! Мои дети,

Что вы не убили
Мать родную, католичку,
Что вас породила,
Ту, проклятую, что грудью
Своей вас кормила!
Идем, друже!»

Взял Максима,

Побрели базаром.
Снова вместе закричали:
«Кара ляхам, кара!»
И карали: страшно-страшно
Умань запылала.
Ни в палатах, ни в костеле
Ляхов не осталось,
Все легли. Такое видеть
Прежде не случалось.
Пламя в небо полыхает,
Умань освещает.
Католическую школу
Гонта разрушает.
«Ты моих детей учила
На позор, измену!
Ты учила неразумных,—
Разносите стены!
Бейте! Жгите!»

Гайдамаки

Стены развалили.
Головами об каменья
Езуитов били,
А школяров — тех в колодцах
Живьем утопили.

До ночи глубокой палили и били;
Души не осталось, кого бы казнить.
«Где вы,— кричит Гонта,— людоеды,

скрылись?»

Детей моих съели, постыло мне жить!
Тяжело мне плакать, не с кем говорить!
Сынов моих милых навеки не стало;
Где вы, мои дети? Крови, крови мало!
Шляхетской мне крови хочется испить!
Хочу, хочу видеть, как она темнеет,
Как она густеет... Что ветер не веет,
Ляхов не навеет! Постыло мне жить!

Тяжело мне плакать! Звезды в небе ясном!
Сокройтесь за тучу — не нужен мне свет!
Я детей зарезал! Горький я, злосчастный,
Куда притулиться? Нигде места нет!»
Так метался Гонта.

А среди базара
Столы гайдамаки накрывают в ряд.
Мед несут, горилку, с яствами спешат.
Над лужами крови, в зареве пожаров
Пир идет последний.

«Гуляйте, сыны!

Пейте — пока пьется! Бейте — пока
бьется! —

Максим возглашает. — А ну-ка, кобзарь,
Ахни плясовую — пусть земля трясется
От гульбы казачьей, — такую ударь!»

И кобзарь ударил:

«А мой батько был шинкарь,

Чеботарь;

А мать была пряха

Да сваха.

Братья-соколы росли,

Привели

И корову из дубровы

И мониста принесли.

А я себе — Христа

В монисте;

На паневе листься

Да листься,

Черевики да подковы.

Пойду утром я к корове,

И корову напою,

Подою,

Да с хлопцами постою,

Постою».

«Ой, гоп среди круга!

Не журишь, моя старуха,

Закрывают, дети, дверь,

Стели, старая, постель!»

Все гуляют. Где же Гонта?
Что он не гуляет?

Что не пьет он с казаками?
Что не подпевает?
Нету Гонты. Не до песен
Ему — не иначе...
А кто поздно по Умани
В кирее казачьей
Ходит-бродит одиноко,
Как тень на кладбище,
Груды мертвых разрывает,
Все кого-то ищет?
Отыскал два детских тела
И пустым базаром,
Пробираясь через трупы,
В зареве пожаров,
Их уносит. Это Гонта,
Горем удрученный,
Сыновей несет, укрывши
Киреею черной,
Чтоб предать земле казачье
Тело по порядку.
Переулками проходит
Темными украдкой.
Пусть никто того не видит
И никто не знает,
Как сынов хоронит Гонта
И как он рыдает.
Вынес в поле, от дороги
В сторону шагает.
И ножом копает яму.
А Умань пылает,
Озаряет степь, могилу,
Детям в лица светит...
Будто спят в одежде мирно,
Набегавшись, дети.
Что же Гонту в дрожь кидает,
Будто клад скрывает
Гонта ночью? По Умани
Его окликают.
Как не слышит — роет Гонта
Ножом, что лопатой.
Сыновьям в степи готовит
Просторную хату.
Приготовил. Кладет рядом

Сыновей в ту хату.
Слышит Гонта, снова слышит:
«Мы не ляхи, тату!»
Кумачовый из кармана
Платок вынимает.
Крестит их, целует в очи,
Платком покрывает.
Покрывает по закону
Головы казачьи.
Приоткрыл, взглянул еще раз...
Горько-горько плачет...
«Сыны мои! Поглядите
На мать Украину.
За нее и вы погибли,
И я тоже сгину.
А кто меня похоронит?
В чужедальнем поле
Кто заплачет надо мною?
Доля моя, доля!
Несчастливая, лихая,
Горькая судьбина,
Для чего детей послала,
Меня не убила?
Лучше б меня проводили,
Как я провожаю».
Осенил крестом последним,
Землей засыпает:
«Почивайте, мои дети,
В могиле унылой.
Для сынов другой постели
Мать не постелила.
Без цветов в земле холодной
Почивайте, дети.
За меня молитесь бога:
Пусть на этом свете
Покарает страшной карой —
Иного не чаю.
Только вы меня простите,
Я вам все прощаю».
Закопал, сровнял с землею,
Чтоб не видно было,
Чтоб никто не знал на свете
Сыновей могилы.

«Почивайте. Поджидайте:
Скоро постучуся.
Не дал вам дожить я веку —
Сам не заживуся.
И меня убьют. Скорей бы!
Да кто закопает?
Гайдамаки! Напоследок
С ними погуляю!»

И пошел понуро Гонта,
Идет, спотыкнется,
Глянет Гонта на пожары,
Глянет, усмехнется.
Страшно, страшно усмехался,
На степь озирался...
Вытер слезы... Будто канул —
В дыму затерялся...

ЭПИЛОГ

Давно это было, как я, босоногий,
В одежде убогой, ребенком блуждал
По родной Украине, по тем по дорогам,
Где Гонта когда-то с Максимом гулял.
Давно это было, как теми путями,
Где шли гайдамаки, и я со слезами
Бродил сиротою, годами был мал,
Добру поучиться людей я искал.
Припомнил — и жалко, что горе минуло,
А с горем и юность. Когда б ты вернулась,
Нынешнюю б отдал за тебя судьбу.
Вспоминаю детство, хату, степь без края,
Вспоминаю батька, деда вспоминаю.
Дед еще гуляет, а батько в гробу.
Как в праздник, Миней закрывши, бывало,
И выпив с соседом по чарке по малой,
Попросит от деда, чтоб тот рассказал
Про то, как Украина пожаром пылала,
Про Гонту, Максима, про все, что застал.
Столетние очи, как звезды, сияли,
Слова находились, текли в тишине:
Как Смела пылала, как ляхов карали...

И слезы соседи порой утирали,
Мальчонкою плакать случалось и мне
О ктиторе бедном. В ту пору, однако,
Никто и не видел, как маленький плакал.
Спасибо, дедуся, что ты приберег
В памяти столетней славу гайдамаков —
А я ее внукам передал, как мог.

Не судите меня, люди,
Кому не по нраву,
Что писал я не по книгам
Про казачью славу.
Дед рассказывал когда-то,
Я за дедом следом.
Не знал старый и не ведал,
Что его беседу
Люди книжные услышат.
Ученые люди.
Прости, дедусь! Ну, да пусть их
Как хотят, так судят.
Я к своим вернусь покамест,
Доведу — не кину,
Да хотя б во сне увижу
Свою Украину,
Где гуляли гайдамаки
С святыми ножами;
Те дороги, где ходил я
Босыми ногами.

Погуляли гайдамаки,
Славно погуляли:
Чуть не целый год шляхетской
Кровью заливали
Украину. Да и стихли,
Ножи притупили.
Нету Гонты²², и креста нет
На его могиле.
Поразвевал буйный ветер
Степью прах казачий.
Кто о нем молиться станет,
Кто о нем поплачет?
Только брат, хоть не родной он,
Не кровный, да лучший,

Услыхал, какою мукой
Гонта был замучен,—
В первый раз, быть может, сроду
Никто б не подумал!
Зализняк заплакал горько
И от горя умер.
Доконала весть лихая
В чужедальнем поле.
В чужом поле схоронили —
Такая уж доля!
Грустно, грустно гайдамаки
Батька схоронили.
Холм насыпали высокий,
Навеки простились.
Поплакали — разошлись,
Кто откуда взялся...

Лишь Ярема, опершись
На посох, остался
У могилы. «Спи, мой батько,
Средь чужого поля!
В родном поле нету места,
Нету нашей воли.
Почивай, казак, далеко
От родного края».

И пошел Ярема степью,
Слезы утирая.
Все оглядывался хлопец,
Пока видно было.
А потом — одна осталась
Средь степи могила.

Посеяли гайдамаки
На Украине жито.
Только жито вражьи коням
Легло под копыта...
Кривда выросла, а правда
Не выросла — нету.
Разошлись гайдамаки
Кто куда по свету.
Под мостами на дорогах
Засели иные,

А про всех такая слава²³

Живет и доньне.
Той порой и Сечь былую
Дотла разорили.
На Кубани, на Дунае
Кзаки укрылись.
А днепровские пороги
В степи завывают:
«Схоронили сынов наших
И нас разрывают».
Ревут себе, вспоминают
Про то, что минуло.
И навеки Украина,
Навеки уснула.

С той поры в степях широких
Жито зеленеет,
Ни пальбы, ни криков бранных,—
Только ветер веет.

Низко вербы нагибает,
Ковыль в чистом поле.
Все затихло, замолчало,—
На то божья воля.

Только деды-гайдамаки
Под вечер проходят
Над Днепром-рекой и песню
Давнюю заводят:

«У нашего Галайды— богатая хата!
Гей, море! Славно, море!
Славно будет, Галайда!»

ПРИМЕЧАНИЯ Т. ШЕВЧЕНКО

1

² Вильшана, или Ольшана,— местечко в Киевской губернии Звенигородского уезда; между Звенигородкою и Вильшаной, по старой дороге, Боровиков хутор и корчма, в которой Ярема Байстюк, а потом Галайда, был у еврея батраком (от старых людей).

³ Неуниатов ляхи называли схизматами.

⁴ Про конфедератов так рассказывают очевидцы; и не удивительно — это ведь была все шляхта з honorem, без дисциплины; работать не хочется, а есть надо.

⁵ Анахронизм: ктитора ляхи замучили зимою, а не летом.

⁶ За гайдамаками ходил кобзарь; его называли слепым Валахом (дед рассказывал).

⁷ Черный шлях начинался у Днепра между устьями речек Сокировка и Носачовки и шел через Запорожские степи, через воеводства Киевское, Подольское и Вольнское на Червонную Русь до Львова. Черным он назван потому, что татары ходили по нему в Польшу и своими табунами вытаптывали траву.

⁸ Павла Наливайка заживо сожгли в Варшаве, Ивана Острицу и тридцать казацких старшин после страшной муки четвертовали и развезли их тела по всей Украине. Зиновий Богдан и сын его Тимофей были похоронены в Субботове около Чигирина; Чарнецкий, коронный гетман, не взяв Чигирина, со злости сжег их трупы (Георгий Конисский).

⁹ Полковник Богун потопил ляхов в Ингуле, Зиновий Богдан вырезал сорок с чем-то тысяч ляхов над Росью в Корсуне. Тарас Трясило вырезал ляхов над Альтою, и ночь, в которую это случилось, называется Тарасовой, или кровавой (Бантыш-Каменский).

¹⁰ Так про чигиринский праздник рассказывают старые люди.

¹¹ Тарасова и Варфоломеева ночи одна другой стоят, к стыду римской тиары.

¹² Третьи петухи — сигнал; рассказывают, что есаул Зализняка, не дожидаясь третьих петухов, поджег Медведевку — местечко между Чигирином и Звенигородкой.

¹³ До унии казаки с ляхами жили мирно, и если бы не иезуиты, то, быть может, и не резались бы; иезуит Поссевин, папский легат, первый начал унию на Украине.

¹⁴ Кереливка, или Кирилловка, — село Звенигородского уезда. Червонец, который дал Зализняк пареньку, и до сих пор хранится у сына этого паренька, я сам его видел.

¹⁵ Село Будовища, недалеко от Кирилловки; в овраге озеро, и над озером небольшой лес, называемый Гупаливищиною за то, что там Зализняк сбивал ляхов с деревьев. Погреба, где было спрятано шляхетское добро, существуют и поныне, но уже разрушаются.

¹⁶ Лысянка — местечко Звенигородского уезда, над речкой Гнилым Тикичем; здесь встретились Гонта с Зализняком и разорили старинный замок, построенный едва ли не Богданом.

¹⁷ Лебедин — девичий монастырь между Чигирином и Звенигородкой.

¹⁸ Майдановка — село недалеко от Лысянки.

¹⁹ Умань — уездный город Киевской губернии.

²⁰ Kawaleria Narodowa — так назывались польские драгуны; их тогда было в Умани 3000, и все были побиты гайдамаками.

²¹ В Умани Гонта убил своих детей за то, что их мать, католичка, помогла иезуитам обратить их в католичество. Младанович, товарищ сыновей Гонты, видел с колокольни, как они умерли и как школярюв базилианской школы Гонта утопил в колодце. Он много написал о гайдамачине, но напечатано ничего не было.

²² Вероломством взяли ляхи Гонту и страшно замучили. Привезли его в кандалах в польский лагерь недалеко от Балты с отрезанным языком и правою рукой; Браницкий, польский генерал, велел так сделать, чтоб он чего-нибудь не сказал про него. Потом палачи раздели его, как мать родила, и посадили на раскаленное железо; потом сняли двенадцать полос кожи со спины. Гонта повел глазами и страшно глянул на Браницкого; тот махнул рукой — и розняли Гонту на четыре части, развезли тело и прибили на перекрестках дорог. Зализняк, услышавши, что так страшно поляки замучили Гонту, заплакал, захворал и умер; его гайдамаки схоронили в степи над Днестром и разошлись.

²³ Вор, разбойник или гайдамак — такими остались гайдамаки после Колиивщины, такими они слывут и до сих пор.

ПРЕДИСЛОВИЕ

После слова — предисловие. Можно бы и без него. Так вот, видите ли: все, что я видел напечатанного, — только видел, а прочитал очень немного, — все имеет предисловие, а у меня нет. Если бы я не печатал своих «Гайдамаков», то было бы не нужно и предисловие. А если уж выпускаю в свет, то надо с чем-нибудь, чтоб не смеялись над оборванцами, чтоб не сказали: «Вот какой! Разве деды да отцы глупее были, что не выпускали в свет даже букваря без предисловия!» Да, ей-богу, да, извините, надобно предисловие. Только как же его скомпоновать? Чтобы, знаете, не было ни неправды, ни правды, а так, как все предисловия komponуются. Хоть убей, не умею: надо бы хвалить, — да стыдно, а хулить не хочется.

Начнем же уже начало книги сице: весело посмотреть на слепого кобзаря, когда он сидит с хлопцем, слепой, под тыном, и весело послушать его, когда он запоет думу про то, что давно происходило, как боролись ляхи с казаками, весело, а... все-таки скажешь: «Слава богу, что миновало», —

а особенно когда вспомнишь, что мы одной матери дети, что все мы славяне. Сердце болит, а рассказывать надо: пусть видят сыновья и внуки, что отцы их ошибались, пусть братаются вновь со своими врагами. Пусть, житом, пшеницею, как золотом, покрыта, не размежевана останется навеки от моря и до моря славянская земля.

О том, что происходило на Украине в 1768 году, рассказываю так, как слышал от старых людей, напечатанного и критикованного ничего не читал, ведь, кажется, и нет ничего. Галайда наполовину выдуман, а смерть ольшанского ктитора правдива, — ведь есть еще люди, которые его знали. Гонта и Зализняк — атаманы этого кровавого дела, может, выведены у меня не такими, какими они были, — за это не ручаюсь. Дед мой, доброго ему здоровья, когда начинает рассказывать что-нибудь такое, что не сам видел, а слышал, то сперва скажет: «Если старые люди врут, то и я с ними».

ГОСПОДА СУБСКРИБЕНТЫ

«Видим, видим, что надул, да еще и хочет отбрехаться!» Вот так вы вслух подумаете, прочитав моих «Гайдамаков». Господа почтеннейшие, ей-ей, не брешу. Вот видите что! Я думал, и очень хотелось мне напечатать ваши казацкие имена рядышком, хорошенько; уже было и нашлось их десятка два, три. Слушаю, выходит разноречиво: один говорит — «надо», другой говорит — «не надо», третий ничего не говорит. Я думал: «Как тут быть?» Взял да и протрынькал хорошенько те деньги, что надо было заплатить за листок напечатанного, а вам и ну писать эту цидулу! Все бы это ничего! Что не случается на веку! Всякое бывает, как на долгой ниве. Да вот — горе мое! Есть еще и такие паньчи, что стыдились свою благородную фамилию (Кирпа-Гнучкошиенко — в ъ) и напечатать в мужицкой книжке. Ей-ей, правда!

Т. ШЕВЧЕНКО

(Петербург, 1841)

СОН

КОМЕДИЯ

Дух истины, егоже мир
не может прияти, яко
не видит его, ниже знает его.

Иоанна, глава 14, стих 17

У всякого своя доля
И свой путь широкий:
Этот строит, тот ломает,
Этот жадным оком
Высматривает повсюду
Землю, чтобы силой
Заграбастать и с собою
Утащить в могилу.
Третий в карты, словно липку,
Обдирает свата,
Тот тихонько в уголочке
Точит нож на брата.
А тот, тихонький да трезвый,
Богобоязливый,
Как кошечка, подкрадется,
Выждет несчастливый
День для вас, да как запустит
Когтища в печенку,—
Не разжалобят злодея
И слезы ребенка!
А тот, щедрый, храмы строит.
Тысяч не жалеет,
А уж родину так любит,
Так душой болеет
За нее, так из сердешной
Кровь, что воду, точит!..
Молчат люди, как ягнята,
Вытаращив очи!
Пускай: «Может, так и надо?» —

Скажет люд убогий.
Так и надо! Потому что
Нет на небе бога!
Под ярмом вы падаете,
Ждете, умирая,
Райских радостей за гробом.
Нет за гробом рая!
Образумьтесь! Поглядите:
Все на этом свете —
И нищие и царята —
Адамовы дети!
Тот... и тот... А что же я-то?
Я, добрые люди,
Лишь гуляю да пирую
И в праздник и в будень.
Вам досадно? Сетуете?
Слушать не хочу я!
Не бранитесь! Я свою пью,
А не кровь людскую!
Так, вдоль плетней тропой знакомой
Идя с пирушки в час ночной,
Болтал я пьяный сам с собой,
Покуда не добрел до дому.
Нет у меня детей; жена
 Не бранит, встречая.
 Дом отрадней рая,—
Кругом такая тишина
 И в сердце и в хате...
 Вот и лег поспать я...
А если пьяный да заснет,
Пусть хоть орудья катят,—
 Он усом не моргнет.
И сон же, сон на диво дивный
 В ту ночь мне снился.
Тут и непьющий бы напился,
Последний скряга дал бы гривну,
Чтоб глянуть, хоть едва-едва...
 Да — черта с два!
Вот вижу: вроде как сова
Летит над балками, прудами и лугами,
 Над оврагами и рвами,
 Над широкими степями
 И пустырями.

А я за нею поднимаюсь,
Лечу, лечу, с землей прощаюсь.
«Ты прощай, земля родная,
Край скорби и плача!
Мои муки, злые муки
В облаках я спрячу.
Ты ли стонешь, Украина,
Вдовой бесталанной!
Прилетать к тебе я стану
Полночью туманной.
Для печально-тихой речи
На совет с тобою
Буду падать в полуночи
Свежею росюю.
Побеседуем, покамест
Утро не настанет,
Пока твои малолетки
На врага не встанут.
Так прощай, земля родная,
Отчий край убогий!..
Расти деток: жива правда
У господа бога!»

Летим... Гляжу — уже светает,
Край неба пылает,
Соловейко в темной роще
Солнышко встречает.
Видно — степи голубеют,
Тихо ветер веет;
Меж ярами над прудами
Вербы зеленеют.
Разрослись сады густые.
Тополя на воле
Встали, словно часовые,
Беседуют с полем.
Вся страна моя родная
Сияет красою,
Зеленеет, умываясь
Чистою росюю.
Хорошеет, умываясь,
Солнышко встречая,
Не видать ее просторам
Ни конца, ни края!

Не убьет ее, не сломит
Никакая сила...
Душа моя! Ты о чем же
Снова загрустила?
Душа моя! Ты о чем же
Горько зарыдала?

Чего тебе жалко? Иль ты не видала,
Иль ты не слыхала рыданий людских?
Гляди же! А я — улечу я от них
За синие тучи высоко, высоко;
Там нету ни власти, ни кары жестокой,
Ни горя, ни радости там не видать,
А здесь — в этом рае, что ты покидаешь,
Сермягу в заплатках с калеки снимают,
Со шкурой дерут, — одевать, обувать
Княжат малолетних. А вон — распинают
Вдову за оброки; а сына берут, —
Любимого сына, единого сына, —
В солдаты отраду ее отдают.
А вон умирает в бурьяне под тыном
Опухший, голодный ребенок! А мать
Угнали пшеницу на барщине жать.

А вон видишь? Очи, очи!
Куда деться с вами?
Лучше бы вас высушило,
Выжгло бы слезами!
То покрывка вдоль забора
С ребенком плетется, —
Мать прогнала, и все гонят,
Куда ни толкнется!..
Нищий даже сторонится!..
А барчук не знает:
Он, щенок, уже с двадцатой
Души пропивает!

Видит ли господь сквозь тучи
Наши слезы, горе?
Видит он да помогает,
Как и эти горы
Вековые, облитые
Кровию людскою!
Душа моя мученица,
Горе мне с тобою!

Так уьемся горьким ядом,
Уснем под снегами,
Пошлем думу прямо к богу;
Там, за облаками,
Спросим: долго ль кровопийцам
Царствовать над нами?

Лети ж моя дума, моя злая мука!
Возьми эту ношу мучений и зла —
Друзей своих верных! Ты с ними росла,
Ты с ними сроднилась; их тяжкие руки
Тебя пеленали. Бери ж их, лети
И по небу всю их орду распусти!

Пускай чернеет, багровеет,
Пламенем повеет,
Пускай лютый змей всю землю
Трупами усеет!

А пока ты не вернешься,—
Я, сердце скрывая,
Белый свет пройду до края,
Не найду ли рая.

И вновь я над землею рею,
И вновь прощаюся я с нею.

Тяжко бросить мать-старуху
Без крова, без хаты,

Но страшнее видеть всюду
Слезы да заплаты.

Лечу, лечу, а ветер веет,
Передо мною снег белеет;
Глухие, топкие места,
Туман, туман и пустота.
Безлюдье, глушь, не знать и следу
Злой человеческой ноги.

Враги мои и не враги,
Прощайте! В гости не приеду.

Упивайтесь и пируйте,
Не услышу боле,—
Я один себе навеки
Заночую в поле...

И пока вы не узнали
О крае далеком,
Где не льются кровь и слезы,
Я усну глубоко.

Я усну...

Но вдруг я слышу —
Под землей неясно
Цепи звякнули... Я глянул...
О народ несчастный!
Ты откуда, чем ты занят?
Чего ищешь, роясь
Под землю?.. Нет, должно быть,
Я от вас не скроюсь
Даже на небе!.. За что же
Мне такие муки?
Кому что я сделал злое?
Чьи тяжкие руки
В теле душу заковали,
Грудь испепелили
И, как тучи галок,
Думы распустили?
За что, не знаю, а карают,
И тяжко карают,
Иль не будет этим мукам
Ни конца, ни краю?
Не вижу, не знаю!

Пустыня вдруг зашевелилась...
Земля, как тесный гроб, раскрылась,
И из земли на Страшный суд
За правдой мертвецы встают...
Не мертвы они, не просят
Жалости у судей!
То идут, гремя цепями,
Все живые люди,
Золото из нор выносят,
Чтоб жадности лютой
Заткнуть глотку. А за что ж их
В рудники сослали?
Знает бог... Хотя и сам-то
Знает он едва ли!

Вон — вор, клеймом отмеченный,
Гремит кандалами,
Другой, кнутами сеченный,
Скрежещет зубами —
Друга он зарезать хочет
Своими руками.

А меж ними, злодеями,
Вон — в одежде рваной
Царь всемирный, царь свободы,
Царь, клеймом венчанный!
Цепи носит и не стонет
В муке бесконечной!
Сердце, что добром согрето —
Не остынет вечно!

А где же твои думы в их вешнем расцвете?
Любовно взращенные, смелые дети?
В чьи руки ты, друг мой, судьбу их вручил?
Иль, может быть, в сердце навек схоронил?
Не прячь! Разбросай их, рассыпь их повсюду!
Взойдут, разрастутся, могучими будут!

Еще мытарство? Иль уж будет?
Будет, будет, тут холодно!
Мороз разум будит.
И вновь лечу. Земля чернеет.
И дремлет ум, и сердце млеет.
Гляжу: дома стоят рядами,
Кресты сверкают над церквями,
По площадям, как журавли,
Солдаты на муштру пошли,
Хорошо обуты, сыты,
В цепи накрепко забиты,
Маршируют... Дальше глянул:
Вот в низине, словно в яме,
Город средь болот дымится.
Над ними тучами клубится
Мгла густая. Долетаю...
То город без края!
То ли турецкий,
То ли немецкий,
А быть может, даже русский?
Господа пузаты,
Церкви да палаты
И ни одной мужицкой хаты!

Смеркалося... Огнем, огнем
Кругом запылало —
Тут я струхнул... «Ура! ура!» —
Толпа закричала.

«Цыц вы, дурни! Образумьтесь!
Чему сдуру рады,
Что горите?» — «Экой хохол!
Не знает парада!
У нас парад! Сам изволит
Делать смотр солдатам!»
«Где ж найти мне эту цацу?»
«Иди к тем палатам».
Я пошел. Тут мне, спасибо,
Землячок попался
С казенными пуговками.
«Ты откуда взялся?»
«С Украины». — «Ты ж ни слова
Молвить не умеешь
По-здешнему!» — «Э, нет, братец,
Говорить умею,
Да не хочу!» — «Вот чудак-то!
Я все входы знаю.
Я служу здесь... Если хочешь,
Ввести попытаюсь
Во дворец тебя, но только
Здесь, братец, столица —
Просвещение! Дай полтинку!»
«Тьфу тебе, мокрица
Чернильная!..» Стал я снова,
Как дух бестелесный,
Невидим. Вошел в палаты.
Царь ты мой небесный,
Вот где рай-то! Блюдолизы
Золотом обшиты!
Сам по залам выступает,
Высокий, сердитый.
Прохаживается важно
С тощей, тонконогой,
Словно высохший опенок,
Царицей убогой,
А к тому ж она, бедняжка,
Трясет головою.
Это ты и есть богиня?
Горюшко с тобою!
Не видал тебя ни разу
И попал впросак я,—
Тупорылому поверил

Твоему писаке!
Как дурак, бумаге верил
И лакейским перьям
Виршеплетов. Вот теперь их
И читай, и верь им!
За богами — бары, бары
Выступают гордо.
Все, как свиньи, толстопузы
И все толстоморды!
Норовят, пыхтя, потея,
Стать к *самим* поближе:
Может быть, получают в морду,
Может быть, оближут
Царский кукиш!
Хоть — вот столько!
Хоть полфиги! Лишь бы только
Под самое рыло.
В ряд построились вельможи,
В зале все застыло,
Смолкло... Только царь бормочет,
А чудо-царица
Голенастой, тощей цаплей
Прыгает, бодрится.
Долго так они ходили,
Как сычи, надуты,
Что-то тихо говорили,
Слышалось: как будто,
Об отечестве, о новых
Кантах и петлицах,
О муштре и маршировке...
А потом царица
Отошла и села в кресло.
К главному вельможе
Царь подходит да как треснет
Кулачищем в рожу.
Облизнулся тут бедняга
Да — младшего в брюхо!
Только звон пошел. А этот
Как заедет в ухо
Меньшему, а тот утюжит
Тех, что чином хуже,
А те — мелюзгу, а мелочь —
В двери! И снаружи

Как кинется по улицам
И — ну колошматить
Недобитых православных!
А те благим матом
Заорали да как рывкнут:
«Гуляй, царь-батюшка, гуляй!
Ура!.. Ура!.. Ура-а-а!»
Посмеялся я и — хватит;
И меня давнули
Все же здорово. Под утро
Битые заснули...
Православные все тише
По углам скулили
И за батюшкино здравье
Господа молили.
Смех и слезы! Вот смотрю я
На город богатый.
Ночь как день! Куда ни глянешь —
Палаты, палаты...
А над тихою рекою
Весь каменный берег.
Я гляжу, как полоумный,
И глазам не верю, —
Не пойму, не разумею, —
Откуда взялося
Это диво?.. Вот где крови
Много пролилося
Без ножа! А за рекою
Крепость с колокольней, —
Шпиль, как шило — как посмотришь,
Жуть берет невольню.
И куранты тельнекают...
Кругом озираюсь,
Вот — конь летит, копытами
Скалу разбивает.
Всадник — в свитке и не в свитке,
Без седла, как влитый,
И без шапки, только листом
Голова повита.
Конь ярится — вот-вот реку,
Вот... вот... перескочит!
Всадник руку простирает,
Будто мир весь хочет

Заграбастать. Кто ж такой он?
Подхожу, читаю,
Что написано на камне:
«Первому — вторая»
Поставила это диво.
О! Теперь я знаю:
Этот — *первый*, распинал он
Нашу Украину.
А *вторая* доконала
Вдову-сиротину.
Кровопийцы! Людоеды!
Напились живою
Нашей кровью! А что взяли
На тот свет с собою?
Так мне тяжко, трудно стало,
Словно я читаю
Историю Украины!
Стою, замираю...
В это время — тихо, тихо
Кто-то запекает
Невидимый надо мною:
«Из города из Глухова
Полки выступали
С заступами на линию,
Наказным послали
Гетманом меня в столицу,
Вместе с казаками.
О боже наш милосердный!
О изверг поганый!
Царь проклятый, царь лукавый!
Здесь, в земле пустынной,
Что ты сделал с казаками?
Засыпал трясины
Благородными костями;
Поставил столицу
Ты на их кровавых трупях!
И в темной темнице
Умер я голодной смертью,
Тобою замучен,
В кандалах!.. О царь! Навеки
Буду неразлучен
Я с тобою! Кандалами
Скован я с тобою

На века веков! Мне тяжело
Витать над Невою!
Может быть, уж Украины
Вовсе нет. Кто знает!..
Полетел бы, поглядел бы,
Да бог не пускает.
Может, всю ее спалили,
В море Днепр спустили,
Насмеялись и разрыли
Старые могилы —
Нашу славу. Боже милый,
Сжался, боже милый».
Все замолкло. Вот я вижу:
Туча снегом кроет
Небо серое. А в туче
Зверь как будто воет.
То не туча — птица тучей
Белой закружила
Над тем медным исполином
И заголосила:
«Кровопийца! Мы навеки
Скованы с тобою.
На суде последнем, Страшном
Мы бога закроем
От глазиц твоих несытых.
Ты нас с Украины
Гнал, холодных и голодных,
В снега, на чужбину!
Погубил нас, а из кожи
Нашей багряницу
Сшил ты жилами погибших,
Заложил столицу
В новой мантии! Любуйся ж
На свои палаты!
Веселись, палач свирепый,
Проклятый! Проклятый!»

Рассыпались, разлетелись.
Солнышко вставало.
Я стоял и удивлялся
Так, что жутко стало.
Вот уж голь закопошилась,
На труд поспешая,

Уж построились солдаты,
Муштру начиная.
Заспанные, проходили
Девушки устало,
Но — домой, а не из дому!..
Мать их посылала
На ночь целую работать,
На хлеб заработать.
Я стою, молчу, понурясь,
Думаю, гадаю:
Ох, как трудно хлеб насущный
Люди добывают.
Вот и братия рысцою
Сыплет в дверь сената,
Скрипеть перьями да шкуру
Драть с отца и брата.
Землячки мои меж ними
Шустро пробегают;
По-московски так и режут,
Смеются, ругают
На чем свет отца, что с детства
Трещать не учил их
По-немецки, — мол, теперь вот
Прокисай в чернилах!
Эх ты, пьявка! Может, батько
Продавал корову
Последнюю, чтоб выучил
Ты столичный говор!
Украина! Украина!
Твои ль то родные,
Чернилами политые
Цветы молодые,
Царевою беленою
В немецких теплицах
Заглушены!.. Плачь, Украина,
Сирая вдовица!

Глянуть, что ли, что творится
В царевых палатах?
Как-то там у них? Вхожу я, —
Множество пузатых
Ждет царя. Сопят спросонья,
Все понадувались

Индюками да на двери
Косо озирались.
Вот и двери отворились.
Словно из берлоги
Медведь вылез, еле-еле
Подымает ноги.
Весь опухший, страшный, синий:
Похмельем проклятым
Мучился он. Да как крикнет
На самых пузатых.
Все пузатые мгновенно
В землю провалились!
Тут он выпучил глазищи —
Затряслись, забились
Уцелевшие. На меньших
Тут как заорал он —
И те в землю. Он на мелочь —
И мелочь пропала.
Он — на челядь, и челяди
Словно не бывало.
На солдат, и солдатики —
Только застонали,
Ушли в землю!.. Вот так чудо
Увидал я, люди!
Я гляжу, что дальше будет,
Что же делать будет
Медвежонок мой? Стоит он,
Печальный, понурый.
Эх, бедняжка!.. Куда делась
Медвежья натура?
Тихий стал, ну — как котенок!..
Я расхохотался.
Он услышал да как зыкнет —
Я перепугался
И проснулся...

Вот какой мне
Привиделся странный,
Дикий сон. Такое снится
Разве только пьяным
Да юродивым. Простите,
Сделайте мне милость,
Что не свое рассказал вам,
А то, что приснилось.

* * *

Что же мне так тяжело? Отчего так больно?
Что бедное сердце рыдает, кричит,
Как дитя?.. О сердце, перестань, довольно!
Что тебя тревожит, гложет и томит?
Голод, или жажда, или спать ты хочешь?
Засни, успокойся, замолкни навек!..
Открыто, разбито... А злой человек
Пускай сатанеет. Закрой, сердце, очи!..

* * *

Зачаруй меня, волшебник,
Друг мой седоусый!
Ты закрыл для мира сердце,
Я ж еще боюсь,—
Страшно мне дотла разрушить
Дом свой обгорелый,
Без мечты остаться страшно
С сердцем опустелым.
Может, явится надежда
С той живой водою,
С той целительной отградой —
Светлою слезою.
Может, сжалится, вернется
Вновь на пепелище,
И хотя б внутри побелит
Темное жилище,
И натопит, обогреет,

И огонь засветит;
Может, раз еще проснутся
Мои думы-дети.
Может, с ними, как бывало,
Помолюсь, рыдая,
И увижу солнце правды
Хоть во сне, хоть краем!..
Обмани, но посоветуй,
Научи, как друга,
Что мне, плакать, иль молиться,
Иль виском об угол??:

НАЙМИЧКА

ПРОЛОГ

Воскресенье утром рано
Поле крылося туманом,
И склонилася в тумане,
Словно тополь, на кургане
Молодица молодая.
Что-то к сердцу прижимает,
Горько плачет, причитает:

«Ой, туман мой, ненастье,
Мое горе-злосчастье!
Отчего меня не скроешь
От беды-напасти?
Что меня ты не задавишь
И в землю не вдавишь?
Отчего мне тяжкой доли,
Веку не убавишь?
Нет, не дави, туман белый!
Укрой только в поле,
Чтоб не знал никто, не видел
Горькой моей доли!..
Я не одна: есть у меня
Отец и мать в хате..
Есть у меня.. туман белый,
Туман милый, братец!..
Есть сыночек некрещеный,
Сынок мой родимый!
Не я тебя крестить буду

На горе, любимый.
А чужие крестить будут,
Я и не узнаю,
Как звать сына... Дитя мое!
Богатой была я...
Не брани! Молиться стану,
Слезами своими
Счастья вымолю у неба
Для тебя, родимый!»

Пошла полем, рыдаючи,
В тумане таилась,
И сквозь слезы тихонечко
Запела уныло,
Как вдова в Дунае синем
Детей схоронила:

«У кургана-могилы
Вдова в поле ходила,
Там ходила, гуляла,
Яду-зелья искала.
Яду-зелья не нашла,
Двух сыночков родила,
Китаечкой повила
И на Дунай отнесла:
«Тихий-тихий Дунай!
Моих деток забавляй.
Ты, песочек, их прими,
Моих деток накорми!
Накорми, успокой
И собою укрой!»

I

Жили себе дед да баба.
В роще кудрявой на хуторе старом
Вдвоем весь век свой долгий провели
В тишине, в покое,
Как деточек двое.
Вдвоем ягнят пасли детьми когда-то,
А там обвенчались,
Скотины дождались,

И хуторок приобрели,
И сад и пчельник завели,
И мельницу купили —
В достатке жили.
Лишь деток не дал бог,
А смерть с косою у порога.

Кто же старость их пригреет,
Для них сыном станет,
Похоронит, пожалеет,
Кто душу помянет?
Кто на счастье добро примет,
Трудом нажитое,
Будет помнить благодарно,
Как дитя родное?..
Трудно вырастить ребяток
В непокрытой хате.
А еще труднее в белых
Стариться палатах,
Стариться и дом богатый,
Угол непочатый,
Умирая, чужим детям
Отдать на растрату!

II

Раз в воскресенье, в день погожий,
У хаты в праздничной одеже
Сидели старики вдвоем.
Ни тучки на небе; кругом,
Как бы в раю, так славно было,
На небесах ни тучки!
А в сердце горе затаилось,
Как зверь в лесу дремучем.
В таком раю отчего бы
Старикам грустилось?
Горе ль давнее какое
В хате пробудилось?
Иль заглохшее недавно
Вновь зашевелилось?
Или новое рай светлый
Огнем охватило?
О чем же, сидя у порога,

Они задумались? Как знать,
Уж собралось, быть может, к богу,
Но кто в далекую дорогу
Коней им станет запрягать?

«А кто нас, Настя, в гроб положит,
Когда помрем?»

«Великий боже!

Я о том же размышляла,
Да так горько стало:
В одиночестве старели...
Для кого держали
Добро наше?..»

«Погоди-ка!

Словно плачет, слышишь,
За воротами ребенок!
Побежим-ка!.. Видишь,
Так и знал я, что-то будет!»

И оба вскочили,
Да к воротам... Прибегают —
И оба застыли.
Перед самым перелазом
Младенец повитый —
Но не туго; и новенькой
Свиткою прикрытый.
Видно, мать запеленала,
Хоть лето — укрыла
Последнею одежею!..
Глядели, молились
Дед да баба. А младенец
Словно умоляет:
Ручки выпростал, бедняжка,
И к ним простирает,
Крохотные... и притихнул,
Как будто не плачет,
А чуть хнычет.

«Ну что, Настя?

Видишь! Теперь, значит,
Мы с тобой не одиноки!
Вот судьба, вот счастье!
Ишь какое, чтоб не сглазить!

Бери ж дитя, Настя,
Неси в хату, а я съезжу
Сам за кумовьями
В Городище...»

Чудно, право,
Бывает меж нами!
Один сына проклинает
И прочь выгоняет.
Другой свечечку, сердешный,
Пóтом добывает
И, рыдая, ее ставит
Перед образами —
Нету детей!.. Чудно, право,
Бывает меж нами!

III

Вот три пары на радостях
Кумовьев набрали,
И мальчика окрестили,
И Марком назвали.
Растет Марко: старики же
Души в нем не чают,
Где усадить, где уложить,
Хлопочут — не знают.
Год проходит. Растет Марко,
Дойная корова
Живет в холе, в роскошестве.
Но вот, черноброва,
Молода и белолица,
Пришла молодлица
На тот хутор благодатный
Работать проситься.
«Что ж? — дед молвит. — Возьмем, Настя!»
«Возьмем, Трофим, — нужно ж,
Ведь стары мы и хвораем,
И дитя к тому же.
Хоть подрос Марко немножко,
Но все ж таки надо
Заботиться о ребенке».
«Твоя правда, надо;
Век, мне данный, слава богу,

И я прожил, знаю,—
УходилсЯ. Ну, так как же,
Что возьмешь, родная,
За труды?»

«Да что дадите».

«Э, нет, дочка, что ты!
Это ж плата за работу,
За твою работу.
Говорят: кто не считает,
Тот не наживает.
Вот уж разве так, голубка:
Ни ты нас не знаешь,
Ни мы тебя. А поживешь,
Оглядишься в хате,
Да тогда и сговоримся
С тобою о плате.
Так ли, дочка?»

«Ну что ж, ладно!»

«Так входи же в хату».

Сговорились. Молодица
День встречает песней;
Словно с паном обвенчалась,
Купила поместье.
От рассвета до заката
И в поле, и в хате,
И за скотом ходит Ганна;
А вокруг дитяти
Так и вьется; в воскресенье
И в будни ребенку,
Словно мать, головку моет,
Ему рубашонку
Каждый божий день меняет,
Вместе с ним катает
Повозочки, а уж в праздник
И с рук не спускает.
Старики мои дивятся,
Богу бьют поклоны...
Наймичка же сна не знает,
По ночам со стоном
Свою долю проклиняет,
Плачет горько, тяжко;
Да никто того не знает,

Не слышит бедняжки,
Кроме Марка маленького.
Да и он не знает,
Отчего слезами Ганна
Его умывает;
Отчего его целует
И молится жарко,
Сама не съест и не допьет,
А накормит Марка.
Не знает он. Когда в люльке
Порой среди ночи
Пробудится, шевельнется,
Она сразу вскочит,
Крестит его, баюкает,—
За стеною слышит,
Спит спокойно ли ребенок,
Как во сне он дышит.
Утром Марко к своей Ганне
Ручки стирает —
И наймичку с улыбкою
Мамой величает...
Не знает он. Растет себе,
Растет, подрастает.

IV

Немало лет уже минуло,
Воды немало утекло.
На хутор горе завернуло
И слез немало принесло.
Бабусю Настю схоронили
И еле-еле отходили
Трофима-деда. Пронеслось
Несчастье злое и уснуло —
На хутор снова благодать
Из-за лесов седых вернулась
К Трофиму в хату отдыхать.

Уже Марко чумакует
И осенью не ночует
Ни у хаты и не в хате,—
Кого-нибудь нужно сватать!

Задумался Трофим старый,
Спросить Ганну надо б!
Да к работнице. А Ганна
К королевне б рада
Сватов слать: «Марка спросить бы,
Ему лучше знать-то».
«Ладно, дочка, Марка спросим,
Да и станем сватать».

Расспросили, столковались,
Сватов снарядили.
С рушниками к Марку в хату
Люди воротились,
С хлебом святым, обмененным.
В жупане богатом
Кралечку нашли такую —
Хоть гетману сватай,
Так не стыдно. Вот какое
Выискали диво.

«Спасибо вам! — старик молвит. —
А теперь счастливо
Довести нам нужно дело
До конца бы, люди, —
Обвенчать их. Да еще вот:
Кто ж матерью будет
Посаженой? Нет ведь Насти!..»
И заплакал тяжко.
Только наймичка у двери
За косяк, бедняжка,
Ухватилась и застыла.
Смолкли в хате люди,
Горько наймичка шептала:
«Кто ж матерью будет?..»

V

Время шло. Уж молодицы
Каравай месили
На хуторе. Отец старый,
Не жалея силы,
С молодницами танцует,

И двор подметает,
Да прохожих да проезжих
К себе зазывает,
Варенухой угощает
И на свадьбу просит.
Знай бегаёт — а самого
Еле ноги носят.
Во дворе и в хате хохот
И шум небывалый,
И бочонки выкатили
С громом из подвала.
Прибирают, пекут, варят...
Да только чужие.
Где же Ганна? На святое
Богомолье в Киев
Пошла она. Молил старый.
Просил Марко слезно
Матерью быть посаженной.
«Нет, Марко! Как можно!
Я же наймичка, — неловко
Сидеть-величаться
Мне на свадьбе... Станут люди
Над тобой смеяться.
Пусть господь вам помогает!
Пойду помолюсь я
Святым в Киеве, а там уж
Домой ворочуся
В вашу хату, коль примете.
Пока будут силы,
Потружусь я...»

С чистым сердцем

Крестом осенила
Марка Ганна... Заплакала
И вышла в ворота.

Зашумела свадьба в доме,
И пошла работа
Музыкантам и подковкам,
Столы поливают
Варенухою. А Ганна
Бредет, ковыляет.
Пришла в Киев, у мещанки
Стала, поселилась,

Нанялась носить ей воду —
Денег не хватило,
Чтобы отслужить молебен.
Носила, носила,
Заработала немного
И в лавре купила
Марку шапочку святую
С Ивана святого,
Чтоб голова не болела
У Марка родного.
И колечко от Варвары
Невестке достала
И, всем святым поклонившись,
Домой возвращалась.

Возвратилась. Катерина
И Марко встречают
За калиткой, ведут в хату
И за стол сажают;
Напоили, накормили,
Про путь спросили,
Ей в горнице Катерина
Постель постелила.

«За что они меня любят?
За что почитают?
О боже мой милосердный,
Может, они знают...
Может, они догадались...
Нет, не догадались —
Они добрые...»

И Ганна
Тяжко зарыдала.

VI

Трижды речка замерзала
И трижды вскрывалась;
Трижды в Киев работницу
Катря провожала,
Как мать свою. И в четвертый
Ее проводила

До кургана в поле чистом
И бога молила,
Чтоб скорее возвращалась,
А то пусто в хате,
Словно мать ушла куда-то,
Покинула хату.

В воскресный день после пречистой —
После успенья, дед Трофим,
Надевши брыль, в сорочке чистой
Сидел у хаты. Перед ним
Играл с собакой внучек малый,
А внучка, в кофту нарядясь
В Катрусину, как бы пришла
Проведать дедушку. Смеясь,
Старик с шалуньей говорил,
Как с настоящей молодежи:
«А что же ты без паляницы?
Иль по дороге кто стащил?
Или забыла взять из хаты?
А может, вовсе не пекла?
Э, стыдно как! Ну, хороша ты!..»
Вдруг — глядь! — работница вошла
Во двор. Со стариком внучата
Бегут встретить свою Ганну.
«А Марко?» — в тревоге
Деда спрашивает Ганна.
«Все еще в дороге».
«А я нынче утомилась,
Дошла к вам насилу.
Не хотелось на чужбине
Ложиться в могилу!
Только б Марко мне дожждаться...
Так тяжело вдруг стало!»
И внукам из узелочка
Гостинцы достала —
Дукатики, и крестики,
Да бусы цветные
Яриночке, да из фольги
Образки святые;
Карпу глиняную птичку
И лошадок пару,
И четвертый уже перстень

От святой Варвары
Катерине. Деду свечки
Из воска святого,
Лишь себе с Марком подарка
Ганна никакого
Не принесла, не купила,
Денег не хватило,
А работать не могла уж.
«А тут где-то было
Полбубличка!»
По кусочку
Детям раздавала.

VII

Вошла в хату. Катерина
Ей ноги помыла
И полдничать усадила.
Не до того было
Старой Ганне.
«Воскресенье
Когда?» — вдруг спросила.
«Через день». — «Молебен нужно
Справить — помолиться
Николаю-чудотворцу,
Вынуть бы частицу, —
Что-то долго Марка нету...
Сохрани нас боже, —
Он в пути не заболел ли,
Вернуться не может?»
Заплакала работница,
Еле-еле встала
Из-за стола.
«Катерина!
Не та уж я стала:
Состарилась, силы нету
На ноги подняться.
Тяжко, Катря, в чужой хате
Смерти дожидаться».
Захворала, несчастная.
Уж и причащали
И соборовали Ганну,

Да легче не стало.
Возле хаты Трофим старый
Как убитый бродит.
Катерина ж от болящей
На шаг не отходит;
День и ночь она над Ганной
Очей не смыкает,
А сычи на крыше ночью
Худое вещают.
Ни минуты болящая
Покоя не знает,
Все спрашивает Катрю:
«Катруся родная!
Что, Марко не воротился?
Ох, если б я знала,
Что дождусь его, увижу,
Может, легче б стало».

VIII

Идет Марко с чумаками.
Идет, распевает,
Не спешит, волов пастися
В степи отпрягает.
Везет Марко Катерине
Сукна дорогого.
Шелком шитый пояс красный
Для отца седого.
Красный с белою каймою
Платочек для Ганны,
А еще ей на очипок
Парчи златотканой.
А для деточек сапожки,
Фиг и винограду,
А всем вместе им — красного
Вина из Царьграда
Ведро три везет в бочонке,
Доброй икры с Дона,—
Всего везет, да не знает,
Что творится дома.
Идет Марко, не горюет.
Пришел — слава богу!

И ворота отворяет,
И молится богу.
«Слышишь ли ты, Катерина?
Марко воротился!
Беги встречать. Скажи ему,
Чтоб поторопился!..
Слава тебе, Христе-боже!
Дождалась насилу!» —
И *Отче наш* тихо-тихо,
Как сквозь сон, твердила.

Старик волов распрягает
И ярма снимает
Узорные. А Катруся
Марка обнимает.
«Где же Ганна? Не спросил я
Про нее ни слова...
Да жива ли?»

«Жива, Марко,
Только нездорова,
Худо ей. Пойдем скорее,
Пока распрягает
Отец. Давно тебя, Марко,
Ганна ожидает».

Пошел Марко с Катериной
И стал у порога
Испуганный... Ганна шепчет:
«Слава... слава богу!
Иди, Марко... Слышишь, Катря,
Ты выйди, родная:
Расспросить его должна я,
Поведать, что знаю».

Тихо вышла Катерина,
А Марко к постели
Подошел и наклонился.
Ганна молвит еле:
«Марко, в лицо погляди мне,
Видишь, какой стала.
Я не Ганна, не наймичка,
Я...»

И замолчала.

Марко плакал и дивился,
Вновь глаза открылись,
Грустно, грустно поглядела —
Слезы покатались.
«Прости меня. В чужой хате
Свой век прожила я...
Прости меня... я, сыночек,
Твоя мать родная».
И умолкла...

Марко обмер,
Земля содрогнулась.
Очнулся он... к ней — к родимой,
А мать уж заснула!

КАВКАЗ

*Искреннему моему Якову
де Бальмену*

Кто даст главе моей воду и
очесем моим источник слез, и пла-
чуся и день и ночь о побивенных.

Иеремии, глава 9, стих 1

За горами горы, тучами повиты,
Засеяны горем, кровию политы.
Спокон веку Прометей
Там орел карает,
Что ни день долбит он ребра,
Сердце разбивает.
Разбивает, да не выпьет
Крови животворной —
Вновь и вновь смеется сердце
И живет упорно.
И душа не гибнет наша,
Не слабеет воля,
Ненасытный не распашет
На дне моря поля.
Не скует души бессмертной,
Не осилит слова,
Не охает славы бога,
Вечного, живого.

Не нам с тобой затеять распря!
Не нам дела твои судить!
Нам только плакать, плакать, плакать
И хлеб насущный замесить
Кровавым потом и слезами.
Кат издевается над нами,
А правде — спать и пьяной быть.
Так когда ж она проснется?
И когда ты ляжешь
Опочить, усталый боже,
Жить нам дашь когда же?
Верим мы творящей силе
Господа-владыки.
Встанет правда, встанет воля,
И тебя, великий,
Будут славить все народы
Вовеки и веки,
А пока — струятся реки...
Кровавые реки!

За горами горы, тучами повиты,
Засеяны горем, кровию политы.
Вот там-то милостивцы мы
Отняли у голодной голи
Все, что осталось, — вплоть до воли, —
И травим... И легло костями
Людей муштрованных немало.
А слез, а крови? Напоить
Всех императоров бы стало.
Князей великих утопить
В слезах вдовиц. А слез девичьих,
Ночных и тайных слез привычных,
А материнских горьких слез!
А слез отцовских, слез кровавых!
Не реки — море разлилось,
Пылающее море! Слава
Борзым, и гончим, и псарям,
И нашим батюшкам-царям
Слава!
Слава синим горным кручам,
Подо льдами скрытым.
Слава витязям великим,
Богом не забытым.

Вы боритесь — поборете,
Бог вам помогает!
С вами правда, с вами слава
И воля святая!

Чурек и сакля — все твое,
Не выпрошенное мольбами,
За хлеб, за жалкое жильё
Не окуют тебя цепями.
У нас же... Грамотеи мы,
Читаем гóспода глаголы!..
И от казармы и тюрьмы
Вплоть до высокого престола
Мы ходим в золоте — и голы.
К нам в обученье! Мы сочтем,
Научим вас, хлеб-соль почем,
Мы христиане; храмы, школы,
Вся благодать, сам бог у нас!
Глаза нам только *сакля* колет:
Зачем она стоит у вас,
Не нами данная; и то,
Что солнце светит вам бесплатно,
Не нами сделано! зато
Чурек не кинем вам обратно,
Как псам! И хватит. Мы не турки —
Мы христиане. В Петербурге
Мы малым сыты!.. А зато
Когда б вы с нами подружились,
То многому бы научились!
У нас же и простор на то, —
Одна сибирская равнина...
А тюрем сколько! А солдат!
От молдаванина до финна
На всех языках все молчат:
Все благоденствуют! У нас
Святую Библию читает
Святой чернец и поучает,
Что царь свиней когда-то пас,
С женой приятеля спознался,
Убил его. А как скончался,
Так в рай попал! Вот как у нас
Пускают в рай! Вы не учены,
Святым крестом не просвещены.

Но мы научим вас!.. Кради,
Рви, забирай —
И прямо в рай,
Да и родню всю приводи!
Чего мы только не умеем?
Считаем звезды, гречку сеем,
Браним французов. Продаем
Или за карточным столом
Проигрываем крепостных —
Людей крещеных... но *простых*.
Мы не плантаторы! Не станем
Мы краденое покупать,
Мы поступаем по закону!

По апостольским заветам,
Любите вы брата,
Суесловы, лицемеры,
Господом прокляты!
Возлюбили вы не душу —
Шкуре братней рады.
И дерете по закону:
Дочке на наряды,
На житье сынкам побочным,
Жене на браслетки,
А себе на что, не знают
Ни жена, ни детки!

За кого же был ты распят,
Сын единый божий,
В искупленье нам? За слово
Истины?.. Иль, может,
Чтоб глумленье не кончалось?
Так оно и случилось!

Часовни, храмы, да иконы,
И жар свечей, и мирры дым,
И перед образом твоим
Неутомимые поклоны.
За кражу, за войну, за кровь
Ту братскую, что льют ручьями,—
Вот он, даренный палачами,
С пожара краденный покров!..
Просветились! И решаем
Свет открыть и этим
Показать им солнце правды —

Сим незрячим детям!
Все покажем! Только дайтесь
В руки нам, и тут же —
Как прочнее строить тюрьмы,
Плеть нагайки ту же,
Кандалы ковать, носить их
В сибирскую стужу, —
Все поймете, лишь отдайте
Родимые взгорья.
Остальное мы забрали —
И поле и море!

И тебя загнали, друг и брат единый,
Яков мой хороший! Не за Украину —
За ее тирана довелось пролить
Столько честной крови. Довелось испить
Из царевой чаши царевой отравы!
Друг мой незабвенный, истинный и правый!
Ты на Украине душою витай,
Вместе с казаками мчись над берегами,
Старые курганы в степи озирай.
Закрепи слезами дружбу с казаками,
Меня из неволи в степи поджидай.

А покуда — мои думы,
Лютые невзгоды,
Буду сеять я. Пусть крепнут
В споре с непогодой.
Украинский тихий ветер
Принесет с росой
К дорогому другу думы
Братскою слезою.
И когда на них ты взглянешь
И читать их станешь,
Вновь курганы, степи, горы
И меня помянешь.

**И МЕРТВЫМ, И ЖИВЫМ, И НЕРОЖДЕННЫМ
ЗЕМЛЯКАМ МОИМ, НА УКРАИНЕ И НЕ
НА УКРАИНЕ СУЩИМ, МОЕ ДРУЖЕСКОЕ
ПОСЛАНИЕ**

Аще кто речет, яко люблю
бога, а брата своего ненавидит,
ложь есть.

*Соборное послание Иоанна, гл. 4,
ст. 20*

И темнеет, и светает,
И ночь наступает.
Люд, измученный работой,
И все засыпает.
Лишь я плачу, как проклятый,
Дни и ночи сидя
На распутьях многолюдных.
И никто не видит
Слез моих! Ослепли, видно,
Не слышат — не знают;
Святой правдою торгуют,
Цепь на цепь меняют,
Насмеваются над богом, —
В ярмо запрягают
Человека. Пашут горе,
Бедой засевают,
Что ж вырастет? Погодите,
Увидите всходы!
Опомнитесь! Спohватитесь,
Нелюди, юроды!
Поглядите на рай тихий,
На мать-Украину,
Полюбите чистым сердцем
И ее руины!
Сбросьте цепи, станьте снова
Братьями, а где-то
На чужбине не ищите
Того, чего нету
И на небе, а не только
Что на чужом поле.
В своем доме — своя правда,
И сила, и воля.
Другой нигде нет Украины,

Нигде другого нет Днепра.
А вы? Вы рветесь на чужбину
Искать великого добра,
Добра святого. Воли! Воли!
И братства братского! Нашли.
Несли, несли с чужого поля
И на Украину принесли
Великих слов запас немалый —
И все тут. Вы кричите всем,
Что бог вас создал не затем,
Чтоб вы неправде поклонялись!
Чем были вы, тем и остались,
Вы гнетесь. С тех, кто слеп и нем,
Дерете с братьев гречкосеев
Три шкуры вживе... и опять
Спешите к немцам поскорее
За правдою!.. Вот если б взять
И скарб свой вы могли с собою,
Добытый кражей с давних пор,
Тогда б остался сиротою
Днепр со святой семьею гор!

О, если б вы больше к нам не возвращались,
А сдохли, забившись в чужие углы!
Не плакали б дети, мать бы не рыдала,
Не слышали б вашей на бога хулы.
Дыханьем воздух вы б не отравляли
В степях, что свободны, чисты и светлы,
И люди б не знали, что вы за орлы.
Они бы с презреньем на вас не кивали.
Опомнитесь! Будьте люди,
Иль горе вам будет.
Скоро разорвут оковы
Скованные люди.
Суд настанет, грозной речью
Грянут Днепр и горы!
Детей ваших кровь польется
В далекое море
Сотней рек. Вам ниоткуда
Помощи не будет:
Брат от брата отречется
Сын про мать забудет;
И дым тучею закроет

Солнце перед вами,
И прокляты вы будете
Своими сынами!
Умойтесь! Образ божий
Грязью не поганьте,
Дурь в голову детям вашим
Вбивать перестаньте,
Что они — паны по крови:
Мужицкое око
Им заглянет прямо в душу
Глубоко! Глубоко!
Чья на вас надета шкура,
Дознаются люди,—
И немудрые премудрых
Навеки осудят!

Когда б учились вы, как надо,
И мудрость бы была своя.
А то залезть на небо рады:
«И мы — не мы, и я — не я,
И все-то видел, все-то знаю,
И нет ни ада, и ни рая,
И бога нет, есть только я.
Да куцый немец с постной рожей,
И больше никого...» — «Добро же!
А кто ж ты сам?»

«Пускай немец

Скажет; мы не знаем». —
Так-то учитесь вы, в чуждых
Странах разъезжая!
Немец скажет: «Вы монголы!»
«Монголы, монголы!»
Золотого Тамерлана
Внуки, только голы!
Немец скажет: «Вы славяне!»
«Славяне? Какие?»
Славных прадедов великих
Потомки дрянные!
Изучаете Коллара
Изо всей-то силы,
И Шафарика, и Ганку
И в славянофилы
Так и претесь. Все языки

Славян изучили,
О своем же, о природном,
Языке забыли.
Будет время — и свой вспомним,
Коль немец укажет
Да историю сначала
Нашу нам расскажет.
Тут-то мы распетушимся!..
И распетушились
По немецкому указу:
Так заговорили,
Что не понял даже немец,
Учитель великий,
Где уж тут понять народу!
А шуму, а крику!
«И гармония и сила,
Музыка — и полно.
А история! Поэма
Народности вольной!
Что там Рим? Какие Бруты?
Жалкое явление...
Те Коклесы, Бруты — мусор
С нашими в сравненье!
У нас воля вырастала,
Днепром умывалась,
Под голову горы стлала,
Степью укрывалась!»
Кровью она умывалась,
Спать ложилась, плача,
На обкраденные трупы,
На тела казачьи!
Еще раз пересмотрите,
Прочитайте снова
Книгу славы. Да читайте
От слова до слова;
Все проверьте: и все титлы,
И все запятые,
И тогда себя спросите:
Кто же мы такие?
Чьи мы дети? Кем? За что мы
Закованы в путы?..
И увидите, какая
Цена вашим Брутам.

Рабы, холопы, грязь Москвы,
Варшавский мусор ваши паны,—
И гетманы и атаманы!
Так чем вы чванитесь, вы!
Сыны сердешной Украины!
Что ловко ходите в ярме,
Ловчее, чем отцы ходили?!
Не чваньтесь: с вас дерут ремень,
Ну, а из них и жир топили.

Иль гордитесь, что казаки
Веру защитили?
Что в Синопе, в Трапезунде
Галушки варили?
Правда, вам лишь не досталось
Ни капли, ни крошки,
А на Сечи мудрый немец
Вырастил картошку
И вам продает. Берите,
Ешьте на здоровье,
Прославляйте Запорожье!
А чьей жаркой кровью
Та земля была полита,
Что картсшку родит,—
Все равно вам, лишь бы овощь
Росла в огороде!
А хвáлитесь, что когда-то
Польшу повалили!
Правда ваша: пала Польша
И вас раздавила!

Так вот как кровь пришлось отцам
Лить за Москву и за Варшаву
И дать в наследство сыновьям
И цепи, и былую славу!

Доборолась Украина...
И за что страдает:
Хуже ляха свои дети
Ее распинают.
Вместо пива праведную
Кровь из ребер точат;
Просветить хотят сыночки
У матери очи

Современными огнями.
Чтобы шла за веком,
Шла за немцами слепая
Бедная калека.
Что ж, ведите, указуйте
Путь! А мать родная
Пусть прозреет, сыновей тех
Новых узнавая.
Укажите! И не бойтесь —
Наградит вас честно
За науку мать родная:
Слепота исчезнет
В глазах ваших ненасытных;
Увидите славу,
Вживе славу ваших дедов
И отцов лукавых.
Так не лгите ж сами себе!
Учитесь, читайте —
И чужому научайтесь,
И свое познайте,
Кто про мать свою забудет,
Того бог карает,
Того собственные дети
В хату не пускают,
И чужие прогоняют.
Не найдется злomu
На всей земле бесконечной
Ни ласки, ни дома.
Тяжело мне, только вспомню
Печальные были
Дедов наших. Что мне сделать,
Чтоб о них забыл я?
Я бы отдал за забвенье
Жизни половину.
Такова-то наша слава,
Слава Украины.
И вы также прочитайте,
Чтоб неспящим снились
Все неправды, чтоб могилы-
Курганы раскрылись
Перед вашими глазами,
Чтоб вы расспросили
Мучеников: где, какого

И за что убили?
Обнимите ж меньших братьев,
Как братья родные,—
Мать пусть ваша улыбнется
За века впервые!
Всех детей своих обнимет
Твердыми руками
И деточек поцелует
Вольными устами,
И забудется позора
Давняя година,
Оживет иная слава,
Слава Украины,
И свет ясный невечерний
Тихо засияет...
Обнимитесь, братья мои,
Прошу, умоляю!

ХОЛОДНЫЙ ЯР

Каждому свои напасти,
Да и мне нет счастья,
Хоть не свои, а пришлые,
Но все же напасти.
К чему, скажем, вспоминать бы,
Что давно минуло,
Будить старое, бывшее!
Ладно, что заснуло,
Взять хоть этот Яр; ведь ныне
К дикому оврагу
Даже тропки не осталось;
Кажется, и шагу
Там никто вовек не делал,
А вспомнишь — путь старый
От монастыря Матрены
До страшного Яра.
В Яру этом гайдамаки
Лагерем стояли,
Самопалы проверяли,
Копья заостряли.
Шли туда по всем дорогам,
Будто с креста сняты,

Отец с сыном и брат с братом
Для страшной расплаты,
Чтобы сгинул лях жестокий
От того удара.
Где же ты, идущий к Яру
Путь широкий, старый?
Сам зарос ты лесом темным
Или засадили
Палачи другие, чтобы
Люди не ходили
За советом, что им делать
С добрыми панами,
Людоедами — со злыми
Новыми врагами?
Вам не скрыть пути! Над Яром
Зализняк витает
И на Умань взор бросает,
Гонту поджидает.
Вы не прячьте, не топчите
Святого закона,
Не зовите преподобным
Лютого Нерона.
Вы святой войны царицей
Не кичитесь славой.
Ведь вы сами не знаете
Царских дел кровавых.
А кричите, что кладете
И душу и шкуру
За отечество!.. Ей-богу,
Овечья натура;
Дурень шею подставляет,
Сам за что не зная,
Да еще бесчестит Гонту —
Вот ведь мразь какая!
«Гайдамаки — не воины,
Разбойники, воры,
Пятно в нашей истории...»
Врете, людоморы!
За святую правду-волю
Разбойник не встанет,
Не раскует народ темный,
Что вами обманут
И закован; не зарежет

Лукавого сына;
Не отдаст живое сердце
Он за Украину!
Нет! Вы сами разбойники,
Хищные вороны!
По какому праведному,
Святому закону
И народом замученным,
И землей, всем данной,
Торгуете? Берегитесь:
Грянет долгожданный
Грозный суд!.. Детей дурачьте,
Темный люд убогий,
Самим себе, чужим лгите,
Но не лгите богу.
Знайте: в светлый день над вами
Разразится кара,
Снова запыхает пламя
Холодного Яра.

ТРИ ГОДА

И день — идет и не идет,
А года стрелою
Пролетают, забирают
Доброе с собою,
Добрые уносят думы,
Сердце разбивают
О холодный, острый камень,
Аминь распевают,
Аминь всему веселому
Отныне до века,
И бросают на распутье
Слепое калеку.
Незаметные три года
Даром пролетели,
Но немало мне худого
Причинить успели.
Бедное, опустошили
Сердце молодое,
Погасили все доброе,
Разожгли все злое.

Лютым холодом, морозом
Ту думу сковало,
Что в московскую дорогу
Катрю провожала,
Что молилась с казаками
В турецкой неволе
И звезду мою, Оксану,
Счастливую долю,
Горючими умывала...
Пока не подкралась
Злые годы да все это
Сразу не украли.
Горько, тяжело утратить
Родителей милых,
Жаль супругу молодую
Опускать в могилу,
Тяжело растить, лелеять,
Братья мои, братья,
Малых деток неумытых
В нетопленной хате —
Горе им, но как же горько
Глупому такому,
Что женой обзаведется,
А она другому
За три гроша продается
Да еще смеется.
Вот где горе! Вот где сердце
Тотчас разорвется!
Вот такое злое лихо
И со мною было:
Сердце людям доверяло
И людей любило,
И они его встречали,
Хвалили, ласкали...
А года тихонько крались,
Слезы осушали,
Слезы искреннего сердца;
И прозрели очи
У меня тогда... Как глянул —
Молвить нету мочи!
Вкруг меня не люди — змеи,
Только змеи злые...
И высохли мои слезы,

Слезы молодые.
И теперь я свое сердце
Ядом злым врачую,
Не пою теперь, не плачу,
А совой кричу я.
Так-то, люди. Поступайте,
Как вы там хотите:
То ли громко осуждайте,
То ль тайно хвалите
Мои думы, будь как будет,
Не вернутся снова
Мои годы молодые,
Веселое слово
Не вернется... И я сердцем
К вам не возвращуся.
И не знаю, где я буду
И где я приткнуся,
Кто поговорит со мною,
Кого успокою,
Перед кем родные думы,
Не боясь, открою?
Думы мои! Годы мои,
Три тяжелых года.
Кто ж детей моих пригреет —
Злых и невеселых?
Не ищите, где погреться,
Спите дома, дети...
Я ж собрался встретить новый,
Год четвертый встретить.
Здравствуй, в свитке прошлогодней
Новый год! Четвертый!
Что несешь ты Украине
В котомке потертой?
«Благоденствие, что бедным
С манифестом снится».
Ну что ж, иди, да не забудь
Нужде поклониться.

ЗАВЕЩАНИЕ

Как умру, похороните
На Украине милой,

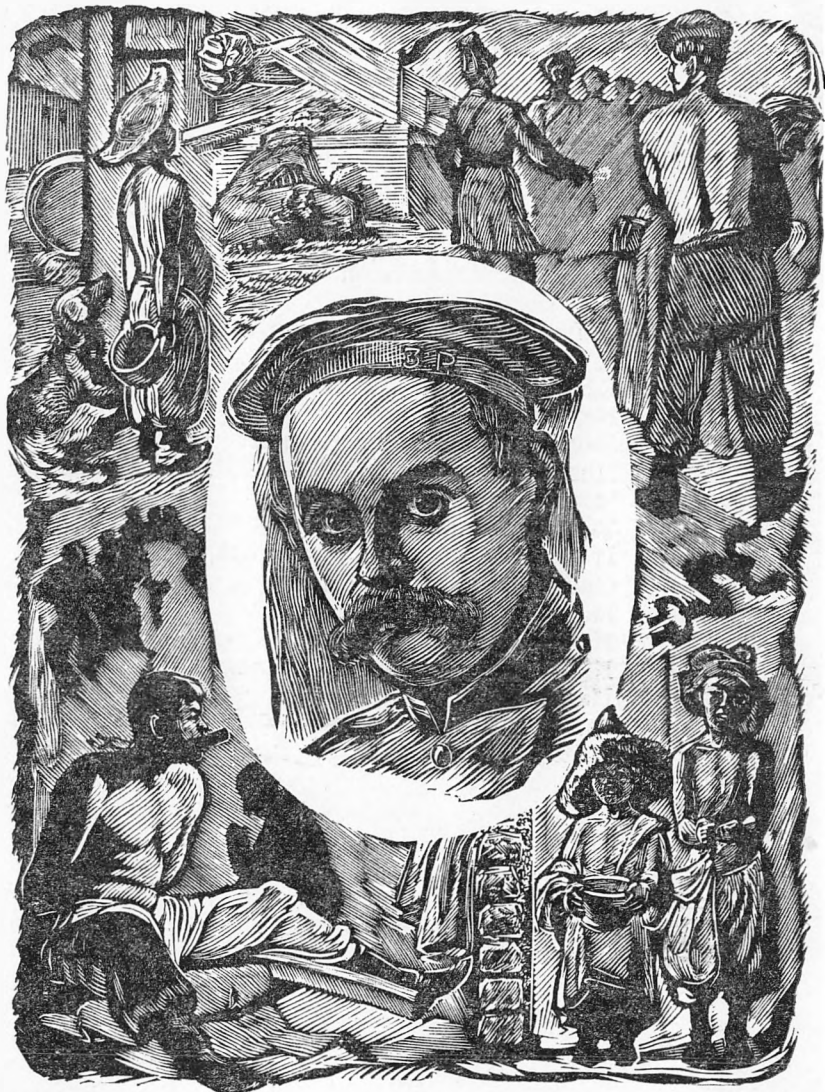
Посреди широкой степи
Выройте могилу,
Чтоб лежать мне на кургане,
Над рекой могучей,
Чтобы слышать, как бушует
Старый Днепр под кручей.
И когда с полей Украины
Кровь врагов постылых
Понесет он... вот тогда я
Встану из могилы —
Подымусь я и достигну
Божьего порога,
Помолюся... А покуда
Я не знаю бога.
Схороните и вставайте,
Цепи разорвите,
Злою вражескою кровью
Волю окропите.
И меня в семье великой,
В семье вольной, новой,
Не забудьте — помяните
Добрим, тихим словом.

ЛИЛЕЯ

«За что меня, как росла я,
Люди не любили?
За что меня, как выросла,
Бедную, убили?
За что они теперь меня
В дворцах привечают,
Царевною называют,
Очей не спускают
С красоты моей? Дивятся,
Меня убажуют!
Брат мой, цвет мой королевский,
Ответь, умоляю!»
«Я, сестра моя, не знаю», —
И, сестру жалея,
Королевский цвет склонился;
Наклонился, рдея,
Он к белому, поникшему

Личику лилеи.
И заплакала лилея
Росою-слезою...
Заплакала и сказала:
«Братец мой! С тобою
Мы давно друг друга любим,
А не рассказала,
Как была я человеком,
Сколько я страдала...
Мать моя... о чем она,
О чем так скорбела,
На меня, на свою дочку,
Смотрела, смотрела
И плакала... Я не знаю,
Мой любимый братец,
Кто принес ей столько горя?
Я была дитятей,
Я играла, забавлялась,
А она все вяла
Да нашего злого пана
Кляла-проклинала.
И умерла... А меня пан
Воспитал, проклятый.
Я росла и подрастала
В хоромах, в палатах
И не знала, что я дочка,
Дочь его родная.
Пан уехал в край далекий,
Меня покидая.
И проклиjali его люди,
Хоромы спалили...
А меня, за что — не знаю,
Убить не убили,
Только длинные мне косы
Остригли, накрыли
Меня, стриженую, тряпкой,
Еще и смеялись.
А евреи — и те даже
На меня плевали.
Так-то вот на свете, брат мой
Со мной поступали.
Молодого, короткого
Мне дожить не дали

Люди веку. Умерла я
Зимою под тыном,
А весною расцвела я
Цветком при долине,
Цветком белым, как снег белым!
Лес развеселила.
Зимой люди... о, боже мой!
В хату не пустили.
А весною, словно диву,
Мне они дивились,
Я девушек украшала,
И для них я стала
Лилеею-снегоцветом;
И я расцветала
И по рощам, и в теплицах,
И по светлым залам.
Скажи ты мне, милый братец,
Королевский цветик,
Зачем же бог меня сделал
Цветком на сем свете?
Чтоб людей я веселила,
Тех, что погубили
И меня и мать?.. Всещедрый,
Святой боже милый!..»
И заплакала лилея,
И, ее жалея,
Королевский цвет склонился;
Наклонился, рдея,
Он к белому, поникшему
Личику лилеи.

В ТЮРЬМЕ И ССЫЛКЕ

(1847—1857 гг.)

В КАЗЕМАТЕ

Моим союзникам посвящаю

* * *

Припомним, братия моя...
Чтоб той беде не возвратиться!
Как потихоньку вы и я
Глядели из окна темницы
И, верно, думали: «Когда
Сойдемся для беседы снова,
В какие на земле суровой
Мы снова встретимся года?»
Нет, братья, ни в какие годы
Не встанем вместе над Днепром!
А разойдемся, разнесем
Степям, лесам свои невзгоды,
Еще недолгий срок в свободу
Поверуем — и жить начнем
Среди людей, как люди...
А пока то будет,
Друг друга вы, друзья мои,
Украину любите,
И за нее, несчастную,
Господа молитесь!
А его забудьте, други,
И не проклиняйте;
И меня в неволе лютой
Порой вспоминайте.

I

Ой, одна я, одна,
Как былиночка в поле,
Позабыл меня бог,
Не дал счастья и доли.
Только дал мне красу,
Дал мне карие очи,
Но их слезы сожгли
В одинокие ночи.
Я не знала родных,
Я не знала участия,
Я росла средь чужих
И не ведала счастья!
Где же он, где дружок,
К чьей груди мне прижаться?
Никого... Я одна,
А дружка — не дожждаться!

II

За оврагом овраг,
А там степь да могила.
И выходит казак
Из могилы унылый.
Он выходит в ночи,
В степь идет, идучи
Песню грустную тянет:
«Наносили земли
Да по хатам пошли,—
Нас никто не помянет;
Нас тут триста пришло,
В поле чистом легло!
Ни один и не встанет.
Гетман, славный наш пан,
В рабство сдал христиан.
Мы их гнали, как стадо.
Кровь в родимом краю
Мы разлили свою
И зарезали брата.
Пили кровь твою, брат,
И легли все подряд

Здесь в могиле проклятой».
Замолчал, унялся,
На копье оперся,
На кургане-могиле
Стал и Днепр озирал;
Тяжко плакал, рыдал,
Волны выли, голосили.
Через Днепр из села
Эхо ночь донесла,
Петухи закричали,
Провалился казак,
Задрожал весь овраг,
А могила застонала.

III

Мне, право, все равно, я буду
На Украине жить иль нет.
Забудут или не забудут
Меня в далекой стороне —
До этого нет дела мне.
В неволе вырос, меж чужими,
И, не оплаканный своими,
В неволе, плача, я умру
И все в могилу заберу.
Не вспомнят обо мне в кручине
На нашей славной Украине,
На нашей — не своей земле.
Родной отец не скажет сыну
О том, как я в неволе жил:
«Молился, сын, за Украину,
Когда-то он замучен был».
Мне все равно, молиться будет
Тот сын иль нет... и лишь одно
Мне было бы не все равно:
Коль Украину злые люд.,
Лукавым убаюкав сном,
Ограбят и в огне разбудят,
Ох, это мне не все равно!

«Мать не бросай!» — тебе сказали
Ты бросила ее, ушла;
А мать искала — не нашла,
Искать с годами перестала
И, плача, умерла. Давно
Все стихло там, где ты играла;
Собака со двора пропала,
И в хате выбито окно;
В заросшем садике ягнята
Весь день пасутся, а в ночи
Колдуют совы и сычи,
Соседские тревожа хаты.
И твой барвиночек крещатый
Зарос крапивою, в тиши
Тебя напрасно поджидает,
И пруд прозрачный высыхает,
Где маленькой купалась ты;
А рощи грустные пусты,
И пташка там не распевает —
Ее с собой ты унесла.
В яру криница завалилась,
Засохла верба, наклонилась,
Тропа, которой ты ходила,
Колючим терном поросла.
Куда направилась, где скрылась?
На что ты дом родной сменила?
В чужой семье, в чужом краю
Кого ты радуешь? Кому же,
Кому вручила жизнь свою?
И чует сердце, что в палатах
Роскошествуешь, и не жаль
Тебе твоей родимой хаты...
Молю я бога, чтоб печаль
Тебя вовек не разбудила,
Чтобы в палатах не нашла,
Чтоб бога ты не осудила
И матери не прокляла.

«Зачем ты ходишь на могилу? —
 В тревоге мать ей говорила.—
 Зачем напрасно горевать?
 Зачем тебе ночей не спать,
 Моей голубке сизокрылой?»
 «Так, мама, так!» И вновь ходила,
 А мать в слезах ждала опять.

Не сон-трава на могиле
 В ночи расцветает —
 То дивчина, то невеста
 Калину сажает.
 И слезами поливает,
 И господу просит,
 Чтоб послал дожди ночами
 И густые росы,
 Чтоб калина принялася,
 Распустила ветви.
 «Может, пташкой вернется
 Милый с того света.
 Совью ему я гнездышко,
 Прилечу и сяду
 Вместе с милым на калине,
 Защебечем рядом.
 Будем плакать, изнывая,
 Тихо напевая,
 Вместе утром раным-рано
 На тот свет летая».

И калина принялася,
 Ветки распустила,
 И три года на могилу
 Дивчина ходила.
 На четвертый... Не сон-трава
 В ночи расцветает —
 То невеста с калиною
 Говорит-рыдает:
 «Широкая, высокая,
 Калина моя,
 Не водою до рассвета
 Поливанная!

Широкие реки-слезы
Тебя полили,—
Их славою лукавою
Люди доняли.
Обижают подруженьки
Подругу свою,
Обижают высокую
Калину мою.
Обвей мою головушку,
Росою умой
И ветками широкими
От солнца укрой!
Утром найдут меня люди,
Меня осмеют;
Широкие твои ветви
Дети оборвут».
Раным-рано при долине
Пташка щебетала,
Под калиною дивчина
Спала, не вставала;
Утомилась молодая,
Навек опочила...

Вставало солнце над могилой,
Все принимались за дела,
А мать уснуть и не пыталась,
Домой все дочку дожидалась
И слезы тяжкие лила.

VI

Ой, как вместе три широких
Дороги сошлись...
С Украины на чужбину
Братья разошлись.
Мать покинули родную;
Тот жену покинул,
Тот — сестру, а самый младший
Милую дивчину.
Посадила мать-старуха
Три ясеня в поле,
А невестка — стройный тополь
На степном раздолье.

Три явора посадила
Сестра при долине...
А дивчина молодая —
Красную калину.
Ой, засохла та калина,
Яворы пропали.
Не поднялся стройный тополь,
Ясени завяли.
Не идут назад три брата,—
Плачет мать родная,
Жена плачет, плачут дети,
Долю проклиная.
А сестра искать уходит
Братьев на чужбину...
А дивчину молодую
Кладут в домовину.
Не идут назад три брата,
По свету блуждают.
Три широкие дороги
Терном зарастают.

VII

Н. КОСТОМАРОВУ

Играя, солнышко скрывалось
В весенних тучках золотых.
Гостей закованных своих
Тюремным чаем угощали,
Да часовых в тюрьме сменяли,
Синемундирных часовых.
И с дверью запертой, с проклятой
Решеткой на моем окне
Немного свыкся я... И мне
Не вспоминались ни утраты,
Ни горечь пролитых когда-то
Моих кровавых, тяжких слез,
А их немало пролилось
На поле сирое. Ни мяты,
Ни чахлой травы не взошло.
И вспомнил я свое село...
Кого со мною разлучили?
Отец и мать мои в могиле...

И грустью сердце запеклось:
Никто меня не вспоминает.
Вдруг вижу, брат: твоя родная
Старуха мать, черней земли,
Как снятая с креста, шагает...
И стал я господу хвалить.
Хвалить его я буду снова
За то, что не с кем мне делить
Мою тюрьму, мои оковы!..

VIII

Вишневый садик возле хаты,
Хрущи над вишнями снуют.
С плугами пахари идут,
Идут домой, поют дивчата,
А матери их дома ждут.

Все ужинают возле хаты,
Звезда вечерняя встает,
И дочка ужин подает.
Ворчала б мать, да вот беда-то:
Ей соловейко не дает.

Мать уложила возле хаты
Ребятку маленьких своих,
Сама заснула возле них.
Затихло все... Одни дивчата
Да соловейко не затих.

IX

Рано встали, выступали
Новобранцы из села,
Вместе с ними — молодыми —
Девушка одна ушла.
Измаялась мать седая,
Дочку в поле догоняя...
Догнала и привела,
Упрекала, говорила
И свела ее в могилу,
А сама с сумой пошла.

И годы протекли, село
Не переменялось.
Только крайняя пустая
Хата покосилась;
Лишь солдат на деревяшке
Одинок бродит,
Он на край села приходит,
С хаты глаз не сводит...
Брат, напрасно! Не выглянет
Дочка молодая,
Не покличет мать седая,
Ужин собирая!
А уже для них в деревне
Полотенца ткались
И узорами, шелками
Платки вышивались.
Думал — будут жить в согласье
Да господу славить,
А пришлось ему навеки
Надежды оставить.
И сидит он возле хаты,
Пусто в хате, глухо.
Сумерки. Глядит в окошко
Сова, как старуха.

Х

В неволе тяжко — хоть и воли
Изведать тоже не пришлось.
Но все же кое-как жилось,
Хоть на чужом, а все ж на поле.
Теперь и этой — жалкой — доли,
Как бога, ждать мне довелось.
И жду ее, и к ней взываю,
Свой глупый разум проклиная,
Что нас позволил с толку сбить,
Свободу в луже утопить.
Подумаю — и сердце стонет,
А вдруг не дома похоронят,
Не на Украине буду жить,
Людей и господу любить.

ХІ

КОСАРЬ

Он полями идет,
 Не покосы кладет,
 Не покосы кладет — горы.
 Стонет суша, стонет море,
 Стонет и ревет.

Косаря средь ночи
 Повстречали сычи,
 А косарь не отдыхает;
 Никого не замечает —
 Проси, не проси.

Не моли, не проси;
 Он не точит косы,—
 То ли пригород, то ль город,—
 Бреет он без разговора
 Все, что на пути:

Мужика, шинкаря,
 Сироту-кобзаря;
 Подпевая, старый косит,
 Горáми кладет покосы,
 Найдет и царя.

И меня в мой черед
 На чужбине найдет,
 За решеткою задавит,
 Креста никто не поставит —
 И память пройдет.

ХІІ

Сойдемся ли мы с вами снова?
 Или навеки разошлись?
 И по степям и дебрям слово
 Любви и правды разнесли.
 Пускай и так!.. Мать не родную,
 Пришлось нам уважать — чужую!
 То — воля божья! Нужно ждать!

Смиряться, и молиться богу,
И, отправляясь в путь-дорогу,
Друг другу обещанье дать
Любить свою Украину... В годы
И тяжкие часы невзгоды
Ее в молитвах поминать!

* * *

Не спится мне, а ночь — как море...
Душа и ум угнетены
Неволей. Для глухой стены
Рассказа не начнешь про горе
И про младенческие сны!
Ворочаюсь и жду рассвета,
А часовые у дверей
Толкуют о судьбе своей,
Припоминая то да это.

Первый

Такая баба — ой-ой-ой!
И меньше белой не дарила.
А барин бедненький такой!
Меня-то, слышь ты, и накрыли,
Свезли в Калугу и забрили.
Так вот те случай-то какой!

Второй

А я... со страхом вспоминаю!
Ведь я в солдаты сам пошел.
Я девушку в селе нашел.
К ней зачастил. Соединяет
Нас мать-вдова, благословляет,
Но пан проклятый не дает:
Твердит — мала, пускай дождусь я.
Я ж знай хожу к своей Ганнусе.
Год кончился — я за свое:
Мы с матерью пошли с поклоном,
А он — все просьбы ни к чему,
Пятьсот рублей давай ему... —
Не верит ни слезам, ни стонам:
Где ж взять-то столько! Занимать?

Никто не даст, хотя б и были...
Трудом пошел их добывать.
Где только ноги не носили!..
Пока я деньги раздобыл,
Пожалуй, года два ходил
По Черноморью и по Дону...
Подарков разных накупил
Своей Ганнусе... Возвращаюсь
В деревню к девушке в ночи,—
Но лишь старуха на печи,
И та, бедняга, умирает.
Хатенка жалкая гниет.
Я к матери бегу со страхом...
А от нее уж веет прахом,
Она меня не узнает!
Я — за попом, бужу соседа...
Привел попа, да опоздал,—
Мертва старуха. Нет и следа
Моей невесты. Но узнал
Я у соседа про Ганнусю:
«Ты разве до сих пор не слышал?
В Сибирь несчастная ушла.
Она ведь к паньчу ходила,
Потом ребенка родила
И здесь в колодце утопила!»
Меня — как жажда обожгла...
Шатаясь, вышел я из хаты...
С ножом в господские палаты
Я шел, не чувствуя земли...
Но паньча уж отвезли
Учиться в Киев... Вот как, друже!
Отец и мать мои все тужат,
А я сюда пошел служить.
Хотел, со страхом вспоминаю,
Я дом господский подпалить
Иль самого себя убить,
Но бог помиловал... А знаешь,
К нам паньча перевели
Из армии, видать.

Первый

Так что же?

Ну вот, теперь и приколи!

Второй
Зачем? Господь забыть поможет:
Те дни давно уже прошли.

Солдаты долго говорили.
Я на рассвете стал дремать;
И тут мне паньчи приснились
И не дали, злодеи, спать.

* * *

Думы мои, думы мои,
Самые родные!
Хоть вы меня не покиньте
В эти годы злые.
Прилетайте сизокрылой
Стаей голубиной
Из-за Днепра широкого
Погулять в пустыне
С киргизами убогими.
Хоть они убоги,
Хоть и голы... Но на воле
Они молят бога.
Прилетайте ж, мои думы!
Тихими речами
Приголублю вас, как деток,
И заплачу с вами.

N.N.

Солнце заходит, горы чернеют,
Пташечка молкнет, поле немеет,
Отдых находят люди под кровом.
А я гляжу... и думами снова
Мчусь на Украину, в садик вишневый;
Мчусь к ней мечтами, в мечтах витаю,
И будто сердцем я отдыхаю.
Чернеет поле, и лес, и горы,
Звезда блеснула в синем просторе.
Звездочка! свет мой! — и слезы каплют.

Взошла ль уже ты на Украине?
Карие очи ищут, нашли ли
Звездочку в небе? Или забыли?
Если забыли, дай бог, чтоб спали,
Про мою долю и не слышали.

N.N.

Тогда мне лет тринадцать было,
За выгоном я пас ягнят.
И то ли солнце так светило,
А может, просто был я рад
Невесть чему. Все походило
На рай небесный...
Уже давно на полдник звали,
А я в бурьяне, в тишине,
Молился богу, и едва ли
Хоть раз еще на свете мне
Так сладко, радостно молилось,
Так сердце весело цвело,
Казалось, небо, и село,
И даже стадо веселилось,
И солнце грело — не пекло!
Да не долго солнце в небе
Ласковое было:
Поднялось, побагровело,
Рай мой опалило.
Осмотрелся, как спросонок:
Село почернело,
Божье небо голубое
И то потемнело.
На ягнят я оглянулся —
Не мои ягнята!
Оглянулся я на хату —
Нет у меня хаты!
Ничего господь мне не дал!..
Горький и убогий,
Я заплакал!.. А девушка
Рядом у дороги
Посконь дергала, родная.
Она услышала,
Увидала, что я плачу,

Пришла, приласкала,
Слезы вытерла ребенку
И поцеловала.
И снова солнце засияло,
И словно все на свете стало
Моим... дуброва, поле, сад!..
И мы шутя, смеясь погнажи
На водопой чужих ягнят.

Пустяк! А вспомню, и сегодня
Тоска наполнит грудь мою,—
Ведь не пришлось в таком раю
Мне жить по милости господней.
Пахал бы я родное поле,
Не слыл юродивым, своей
Не знал бы горемычной доли,
Не проклял бога и людей!..

* * *

Не греет солнце на чужбине,
А дома слишком уж пекло.
Мне было очень тяжело
И там — на славной Украине:
Любви и ласки я не знал,
Я сам от многих отдалился,
Блуждал тихонечко, молился,
Панов-злодеев проклинал.
Передо мною проходили
Глухие, давние лета:
Тогда повесили Христа,
Его бы и теперь казнили!
Теперь мне счастья нет нигде,
А может, счастья и не будет
И на Украине нашей, люди,
Как на чужбине! Как везде!
Но мне хотелось бы другого:
Чтоб люди сделать не могли
Мне гроб из дерева чужого...
Чтобы хоть горсточку земли
Ко мне из-за Днепра святого
Святые ветры принесли,

И это все. Вот так-то, люди,
Хотелось бы... Да что гадать...
Зачем и бога утруждать,
Когда по-нашему не будет!

СОН

Горы мои высокие!
Вы не так высоки,
Как прекрасны, голубые,
В дымке, издалека —
С переяславских просторов,
С Выблого кургана,
Вы виднеетесь, как тучи,
За Днепром туманным.

Иду я тихо над рекою,
Любуюсь — вот передо мною,
Как будто призраки всплывают,
Из тучи тихо выступают
Обрыв высокий, лес, овраг;
И хатки белые мелькают,
Как дети в жмурки на лугах
В рубашках беленьких играют;
А понизу седой казак,
Наш Днепр, среди лугов сверкает.
А дальше, дальше за Днепром,
Часовней малою маяча,
На горке церковка казачья
Стоит с покривленным крестом.

Все стоит и ожидает
Запорожца с Луга...
Днепр широкий окликает,
Жалуется другу.
И тускнеют окна храма,
Как мертвец упрямо
Даль степную озирает
Из могильной ямы.
Обновленья ждешь в печали?
Не дождешься славы!
Твои люди ограблены,
А панам лукавым

Нету дела до великой
До казацкой славы!..

И Трахтемиров под горою
Свои хатенки вдоль реки
Раскинул горестной рукою,
Как нищий пьяненький куски.
Монастырище — вон, когда-то
Казацье старое село.
А так ли было, так ли шло?..
Все отдано царям проклятым:
И Запорожье, и село,
И монастырь, и все богатства:
Все осквернили, разнесли!..
А вы, вы, горы, не спасли!!
Дай бог вовек не любоваться
На вас, проклятые!.. Нет, нет...
Не вам проклятье!.. Окаянным
Магнатам, гетманам поганым!..
Простите же, простите мне,
Высокие и голубые,
На свете самые святые!
Простите! Богу помолюсь...
Я так, я так ее люблю,
Украину, мой край убогий,
Что прокляну святого бога
И душу за нее сгублю!

Над Трахтемировом, высоко,
На круче, будто сирота,
Что ищет гибели в глубоком
Днепровском омуте, вот так
Белеет хата из-за тына...
Видна из хаты Украина
И гетманщина вся кругом.
Старик столетний возле хаты
Сидит, а солнышко к закату
Уже склонилось над Днепром.
Сидит старик, и зреют думы,
И слезы капают. «Ай-ай! —
Промолвил старый. — Недоумы!
Испакостили божий рай!..

Гетманщина!!» И старое
Сердце загрустило...
Может, чем-то тяжким-тяжким
Вылиться просилось?
И не вылилось...

«Блуждал я по свету немало,
Носил и свитку и жупан.
На что уж худо за Уралом
Киргизам бедным, но и там,
Ей-же-богу, жить привольней,
Чем нам на Украине.
Может, потому — киргизы
Всё не христиане?..
Зла принес Христос немало,
А переиначил
Людей божьих? Ведь катились
Глупые казаچی
Наши головы за правду,
За веру Христову,
Упивались и своею
И чужою кровью!..
Разве лучше стали? Где там!
Куда хуже стали.
Без ножа и аутодафе
Людей заковали
И терзают... Ой, ой, паны,
Паны христиане!..»

Затих мой старый, убит тоскою,
Поник седою буй-головою.
Под вечер солнце лес золотило
И Днепр и степи золотом крыло;
Собор Мазепы в лучах сияет,
Курган Богданов вдали мерцает;
Где путь на Киев, там сиротливо
К холмам Трёх Братьев склонились ивы,
Трубайло с Альтой между речною
Слились осокой, как брат с сестрою,
И все-то, все-то радует очи,
А сердце плачет, взглянуть не хочет!

Солнце светлое простилось
С черною землею;

Выступает ясный месяц
С сестрою-звездой;
Веселея и яснея,
Тучи расступились.
А старик на небо глянул,
Слезы покатались...
«Я хвалю тебя, мой боже,
Господи великий!
Что не дал ты мне погибнуть,
Небесный владыко!
Что вложил ты в сердце силу
Пересилить горе
И привел меня, седого,
На святые горы —
Одинокو поселиться
И тебе молиться,
И твоею красотой
Тихо насладиться...
И, прибитое грехами
Тяжкими, людскими,
Схоронить на кручах сердце
И витать над ними...»
Вытер слезы огневые,
Хоть не молодые,
И припомнил, старый, годы
Давние, благие...

Где, как, зачем и что творилось?
Что было въявь, а что приснилось?
Моря какие повидал?
Он вспомнил темную дуброву
И очи юной, чернобровой,
И месяц между звезд сиял,
И соловейко на калине
То затихал, то распевал,
Святого бога восхвалял;
И это все на Украине!..
И усмехнулся старый дед..
Знать, некуда ту правду деть,
Что справить свадьбу собирались,
Да разошлись, не повенчались..
Ушла, и он на склоне лет
Один и помнит все утраты.
Старик мой снова загрустил;

Ходил в раздумье до заката,
Потом молитву сотворил
И тихо спать поплелся в хату,
А полог туч луну прикрыл.

Вот такой мне на чужбине
Нынче сон приснился.
Будто снова я на волю,
На свет народился.
Дай мне, боже, приютиться
В старости глубокой
На тех кручах ограбленных
В хате одинокой,
Чтоб замученное сердце,
Выжженное горем,
Принести перед кончиной
На Днепровы горы.

ИРЖАВЕЦ

Было время, добывали
Себе шведы славу,
Убегали с Мазепою
За Днепр из Полтавы,
А за ними Гордиенко...
Раньше бы учиться,
Как повыкосить пшеницу,
К Полтаве пробиться.
Выкосили б, если б дружны
Меж собою были,
Да с фастовским полковником
Гетмана сдружили,—
У Петра тогда б, у свата,
Копий не забыли
И, с Хортицы убегая,
Силу б не сгубили.
Их не предал бы прилуцкий
Полковник поганый...
Не плакала б мать божья
В Крыму об Украине.
Когда бежали день и ночь,
Когда бросали запорожцы

Родную мать-Сечь и прочь
Спешили, только мать божью
С собою взяли, и пошли,
И в Крым к татарам принесли,
К другому горе-Запорожью.
Туча черная, густая
Белую закрыла.
Пановать над казаками
Орда порешила.
Хоть позволил хан селиться
Им на голом поле,
Только церковь запорожцам
Строить не позволил.
И поставили икону
В шатре одиноком,
И украдкой молились...

Край ты мой далекий!
Роскошно цветущий, прекрасный, богатый!
Кто только не мучил тебя? Если взять
Да вспомнить злодеяния любого магната,
То можно и пекло само испугать.
Последний приказчик большого вельможи
И Данта жестокостью б мог поразить.
И все, мол, все беды — от бога! О боже,
Зачем тебе нужно невинных губить?
Замучены дети Украины сердешной.
За что они гибнут и в чем они грешны?
И ты ль осудил их оковы носить?

Кобзари про войны пели,
Битвы и пожары,
Про тяжкое лихолетье,
Про лютые кары,
Что терпели мы от ляхов,—
Обо всем пропели.
А что было после шведов!..
Словно онемели
С перепугу горемыки,
Слепые умолкли.
Так Петровы воеводы
Рвали нас, что волки..
Издалека запорожцы

Ухом уловили,
Как в Глухове зазвонили,
Как пушки палили;
Как людей погнали строить
Город на трясине.
Как заплакала седая
Мать о милом сыне,
Как сыночки на Орели
Линию копали,
Как в холодном финском крае
В снегу погибали.
Услыхали запорожцы
В Крыму на чужбине,
Что и гетманщина гинет,
Неповинно гинет.
Услыхали горемыки,
Да только молчали,
Потому что рты им крепко
Мурзы завязали.
Убивалися, бедняги,
Плакали, и с ними
Заплакала мать божья
Слезами святыми.
Заплакала пресвятая,
Словно мать над сыном.
Бог увидел эти муки,
Пречистые муки!
Отдал он Петра-злодея
Лютой смерти в руки.
Воротились запорожцы,
Принесли чудесный,
Чудотворный старый образ
Царицы небесной.
И в Иржавце ту икону
Поставили в храме.
И доньне она плачет
Там над казаками.

N.N.

О думы мои! О слава злая!
Из-за тебя я напрасно страдаю,
Терзаюсь, мучаюсь... но все ж не каюсь.

Люблю, как подругу, как дорогую,
Бедную Украину свою родную!
Что хочешь делай с темным со мною,
Не покидай лишь,— я за тобою
Готов хоть в пекло.
. Ты принимала
Нерона лютого, Сарданапала,
Ирода, Каина, Христа, Сократа.
О, непотребная! Кесаря-ката
И грека доброго ты полюбила —
Всех одинаково... они платили.
А я, убогий, что принесу я?
Меня за что же ты поцелуешь?
За песню, что ли? Пели напрасно
Певцы получше, чем я, несчастный.
И лишь подумаю, грусть подступает:
Буйные головы ведь с плеч слетают
Все из-за славы... Как псы, грызутся
Родные братья — не разойдутся!
А эта слава с ее дурманом —
В шинке блудница, а люди пьяны!

* * *

Когда мы были казаками,
Еще до унии,— тогда
Как весело текли года!
Поляков звали мы друзьями,
Гордились вольными степями;
В садах, как лилии, цвели
Дивчата, пели и любили,
Сынами матери гордились,
Сынами вольными... Росли,
Росли сыны и веселили
Печальной старости лета,
Покуда с именем Христа
Ксендзы, придя, не подпалили
Наш край, пока не потекли
Моря большие слез и крови...
Сирот же именем Христовым
Страданьям лютым обрекли...

Поникли головы казачьи.
Как будто смятая трава,
Украина плачет, стонет-плачет!
Летит на землю голова
За головой. Палач лютует,
А ксендз безумным языком
Кричит: *Te Deum! Аллилуйя!*..
Вот так, поляк, и друг и брат мой!
Жестокие ксендзы, магнаты
Нас разлучили, развели,—
Мы до сих пор бы рядом шли.
Дай казаку ты руку снова
И сердце чистое отдай!
И снова именем Христовым
Мы обновим наш тихий рай.

* * *

Ой, строчечку да к строчечке,
Работаю три ноченьки,
Работаю, вышиваю,—
В воскресенье погуляю.
Ой, клеточки на плахточке,
Любуйтесь-ка, дивчаточки,
Любуйтесь-ка, пареньки,
Запорожцы-казаки.

Ой, любуйтесь, ласкайтесь,
С другими же венчайтесь,—
Уж отданы рушники..
Вот так-то вот, казаки!

ПЛАТОК

Иль на то господня воля?
Иль такая ее доля?
Росла внаймах, век трудилась,
Сиротину полюбила.
Был бедняк, как голубь, с нею,
С бесталанною своею.
От зорюшки до зорюшки
Сидят себе у вдовушки,

Сидят себе рассуждают,
Пречистую поджидают.
Дождалися... Из Чигрина
По всей славной Украине
Колокола реветь стали,
Чтобы все коней седлали,
Чтобы сабельки точили
Да на свадьбу выходили,
На веселое гулянье,
На кровавое свиданье.

В воскресеньице да ранехонько
Горны-трубы заиграли,
В поход, в дорогу славных компанейце
До рассвета провожали.
Провожала вдова своего сына
На далекую чужбину.
Провожала сестра своего брата,
А сироту сиротина
Провожала: пить коню давала
До денницы из криницы.
Выносила сбрую, саблю золотую
И тяжелую рушницу.
Провожала три мили, три поля,
Прощалася у раздолья.
Вышитый шелком платочек дарила,
Чтоб не позабыл, говорила.

Ой, платок ты, платочек мой,
Узорами шитый!
Вся и слава казацкая —
В седельце покрытом.

Возвращалась, тосковала,
На дорогу взгляд бросала,
Наряжалась, прибиралась,
Каждый день все дожидалась.
В воскресенье раным-рано
Поджидала у кургана.

Год прошел, другой и третий —
И летят с чужбины
Преславные компанейцы,
Дети Украины.

Идет войско и другое,
А за третьим вскоре —
Не смотри, не жди, бедняга! —
Везут тебе горе:
Гроб казачий расписанный,
Китайкой покрытый,
А за гробом с старшиною
Идет знаменитый
Сам полковник в черной свитке,
Характерник с Сечи,
За ним идут есаулы.
Идут они, плачут,
Несут паны есаулы
Казацкую сбрую:
Литой панцирь порубленный,
Саблю золотую,
Три тяжелые рушницы
И три самопала...
На оружие... казацкая
Кровь позасыхала.
Ведут коня вороного,
Разбиты копыта...
И седельце казацкое
Платочком покрыто.

А. О. КОЗАЧКОВСКОМУ

Бывало, в школе я когда-то,
Лишь зазевается дьячок,
Стяну тихонько пяточок.
Ходил я весь тогда в заплатках,
Таким был бедным — и куплю
Листок бумаги. И скреплю
Я ниткой книжечку. Крестами
И тонкой рамкою с цветами
Кругом страницы обведу,
Перепишу Сковороду
Или «Три царие со дары».
И от дороги в стороне,
Чтоб обо мне кто не судачил,
Пою себе и плачу.
И довелось снова мне
Под старость с виршами таиться,

Опять исписывать страницы,
И петь, и плакать в тишине.
И тяжело плакать. Я не знаю,
За что меня господь карает?
Учеником я в муках рос,
Учеником сесть пришлось,
Учеником и закопают.
Все это из-за пяточка,
Украденного у дьячка.
Вот так господь меня карает.

Слушай же, мой голубь сизый,
Орел мой, казак мой!
Как страдаю я в неволе,
Как томлюсь на свете.
Слушай, брат, и накажи ты
Своим малым детям.
Накажи, чтоб с малолетства
Стихов не писали.
Если же кому придется,—
Чтоб люди не знали,
Пусть себе он в уголочке
И плачет и пишет,
Чтоб и бог его не видел,
Чтоб и ты не слышал,
Чтоб ему не привелось
Маяться, страдая,
Как страдаю я в неволе
Без конца, без края.

А в день воскресный я за валами,
Как вор, прокрадываюсь в поле.
Талами выйду я вдоль Урала
В простор широкий, как на волю.
И разбитое, больное
Сердце встрепенется,
Словно рыбка над водою,
Тихо усмехнется.
И полетит голубкою
Над чужим раздольем,
И я словно оживаю
На поле, на воле.
И на гору высокую

Взойти тороплюся,
Вспоминаю Украину
И вспомнить боюся.
И там степи, и тут степи,
Да тут не такие —
Все рыжие, багряные,
А там голубые,
Зеленые, расшитые
Нивами, полями,
Высокими курганами,
Темными лугами.
А тут — талы, песок, репей...
Хоть где б нибудь курган-могила
О давнем прошлом говорила.
Здесь будто не было людей.
С начала мира и поныне
Таилась от людей пустыня,
Но все же добрались мы к ней.
Остроги возвели повсюду,
А значит, и могилы будут,
Теперь дела пойдут быстрее!
О, край родной мой! Моя судьбина!
Когда я вырвусь на Украину?
Иль, может, о боже,
Тут я и сгину!
И почернеет красное поле...
«Айда в казармы! Айда в неволю!» —
Как будто крикнет кто надо мною.
И вдруг очнусь я, и под горою
Крадуся вором я за валами
И возвращаюсь вновь вдоль Урала.

Вот так-то праздную в мученье
Я здесь святое воскресенье.

А понедельник?.. Но куда
Всю ночь в казарме душной будут
Тревожить думы. Разобьют
Надежду, сердце вместе с нею
И то, что вымолвить не смею...
И все на свете разметут.
Ночь остановят. И веками
Часы глухие потекут,

И я кровавыми слезами
Не раз подушку омочу.

Дни и года пересчитаю,
Кому добро я сотворил?
Кого я, где, когда любил?
Добра не делал, любви не знаю.
Как будто по лесу ходил!
Была когда-то воля, сила,
Долгами силу задавило,
А воля пьяной напилась,
У Николая очутилась...
И напиваться зареклась.

Не поможет, милый боже,
Не дождешься. «Кайся,—
Так говорит пословица,—
Да не зарекайся».

Молю я бога, чтоб светало,
И, как свободы, солнца жду.
Сверчок замолкнет; зорю бьет.
Молю я бога, чтоб смеркалось,—
Ведь дурня старого ведут
Солдатским шагом поле мерить,
Чтоб знал он, как в свободу верить
Чтоб знал, что дурня всюду бьют.

Пора минула молодая,
Минуло счастье, но святая
Надежда силу придает.
А горе вновь меня терзает,
Покоя сердцу не дает.
А может, все ж увижу волю?
Слезами горе перевою
Да из Днепра воды напьюсь,
К тебе, товарищ мой, вернусь.
И обниму тебя, родного,
И в нашей старой хате снова
Мы время проведем. Боюсь!
Боюсь о том промолвить слово!
Совершится ли все это,
Иль с небес высоких
Я взгляну на Украину,

На тебя, мой сокол?
А иногда так бывает,
Что слез вдруг не станет,
И просил бы я о смерти...
Так ты и Украина,
Днепр с крутыми берегами,
Надежда святая,
Господа просить о смерти
Мне не позволяют.

* * *

Привыкнет, говорят, собака за
телегой бежать, так побежит и за
санями.

Вот так и я теперь строчу:
Бумагу порчу да чернила...
А прежде! Врать вам не хочу,—
Лишь вспомню — так и накатило:
До слез, бывало, доходило.
И словно вдруг перелечу
На час хоть тайно на Украину,
Взгляну, увижу, умилюсь —
И словно чью-то жизнь продлю:
Душе легко необычайно.
Добро б сказать, что не люблю,
Что Украину забываю,
Что недругов я проклинаяю
За все, что я теперь терплю;
Ей-богу, братья, все прощаю
И милосердному молюсь:
Не поминайте лихом, братцы!
Хоть я вам и не делал зла,
Но с вами жил,— и ведь могла
Заноза где-нибудь остаться.

* * *

А ну-ка, вновь стихи писать!
(Тишком, конечно.) Ну-ка снова,
Покуда пряжа на основе,
Старинку божью лицевать.

А сиречь... Как бы вам сказать,
Чтоб не солгать... А ну-ка, снова
Людей и долю проклинать!

Людей — чтобы нас узнали

Да нас уважали;

Долю — чтоб она не спала

Да нас охраняла.

А то глянь, что натворила:

На распутье кинув,

Прочь ушла — и горя мало,

А он, сиротина,

Молодой да седоусый,

Все еще мальчонка!

Он побрел себе тихонько

Чужою сторонкой

За Урал. И очутился

В пустыне, в неволе...

Как тебя не проклинать мне,

Лукавая доля?

Проклинать тебя не стану,

А буду скрываться

За валами да тихонько

Песней утешаться,

Тосковать и дожидаться,

Как гостя, в неволю

Из-за Днепра широкого

Тебя, моя доля!

* * *

Топор был за дверью у господа бога.

(А бог тогда с Петром ходил

И чудеса везде творил.)

Беды-кары строгой

Кайсак не предвидел,

Топор он похитил

У господа бога

И решил в дуброве

Дровец заготовить;

Наметил дерево — и тюк!

Как вырвется топор из рук —

И страх и горе: косовица

Тут началась, и валиться

Деревья разные пошли,
Дубы столетние легли,
Как травы под косой; а пламя
И дым закрыли облаками
Святое солнце от земли —
И стала тьма, и от Урала
И до Тингиза, до Арала¹
Кипела в берегах вода.
Пылают села, города,
Рыдают люди, звери воют,
Спешит укрыться все живое
В снега сибирские. Семь лет
Косьба господня бушевала,
Пожарище не угасало
И мерк от дыма божий свет.

В воскресный день восьмого лета
Над степью в дольней дали этой
Святое солнышко взошло,
Все в белом, как дитя, одето.
Где город был или село —
Теперь их и в помине нету,
И пепел ветром разнесло,
Пустыня, как цыган, чернела;
Но, колыхаясь, зеленело
В пустыне дерево одно.
И краснеет средь пустыни
На обожженной красной глине
Колючий всяческий сорняк,
Да кое-где ковыль с осокой
Чернеют в рытвине глубокой,
Да дикий изредка кайсак
Проедет в гору на убогом,
Измученном верблюде тут.
И сразу чудеса пойдут:
Заговорит пустыня с богом,
Верблюд заплачет, а кайсак
Нахмурится и грустно взглянет
На степь и на Кара-бутака².
Сингич-агач³ кайсак помянет,

¹ Аральское море. (Прим. Т. Шевченко.)

² Небольшая река. (Прим. Т. Шевченко.)

³ Одно дерево. (Прим. Т. Шевченко.)

Тихонько спустится с горы
И сгинет в глиняной пустыне...
Лишь одинокое в долине,
В степи, при дороге,
Дерево стоит большое,
Позабыто богом,
И топором не тронута
И божьим пожаром,
И шепчется с долиною
О времени старом.
И кайсаки почитают
Дерево святое,
Любоваться приезжают
Зеленой листвою
И молятся под деревом,
Его умоляя,
Чтобы поросли пустило
В их убогом крае.

ВАРНАК

Блуждая по чужой земле,
Я встретил деда над Елеком.
Он дряхлым был — тот наш земляк
И недомученный варнак.
Мы как-то в поле повстречались
Со стариком и заболтались
В то воскресение. Старик
Припоминал Волынь святую
И волю-долю молодую,
Свое минувшее. И мы
Сидели на траве, за валом,
Рассказывали о бывалом,
Делясь друг с другом. «Долог век,—
Старик промолвил,— все от бога!
Все! Ведь без господ немного
Содеет грешный человек!
Лишь одному тебе признаюсь:
Я даром загубил свой век.
Но я живу — не обижаюсь,
Ни от кого я не стараюсь
Чего-нибудь добиться. Так,
Мой сын и друг ты мой единый,

Так и умру в степях чужбины,
В неволе...» И старик варнак
Заплакал, отвернувшись. Братец!
Пока живет надежда в хате,
Пускай живет, не выгоняй.

Пусть холодный кров порою
Согреет в морозы,
Пусть из старых глаз прольются
Молодые слезы;
И, умытое слезами,
Сердце возродится
И помчится, будто птица,
В край родной помчится!

«Да, многого уже не стало! —
Сказал старик. — Воды немало
Из Иквы¹ [в море] утекло.
Над Иквой высилось село,
И в том селе лишь для страданий,
Лишь на погибель вырос я, —
Судьба проклятая моя!..
В селении у старой пани
Два сына славно жизнь вели
(В одних годах они со мною).
И пани старая в покои
Взяла меня к сынкам. Росли,
Росли барчата, подрастали,
Ну как щенята. Искусали
Не одного меня они.
Настали и ученья дни
Для панычей. Я с панычами
Писать учуся — и слезами
Письмо лилось и кровью! Как
Нас, что дешевле их собаки,
Письму учить?!

Молиться богу
Да за плугом спотыкаться —
Вот твоя дорога,
Твой удел, бедняк-невольник,
И вся твоя доля.
Вот так я выучился, вырос,
Прошу себе воли —

¹ В оригинале пропущено.

Не пускает... Хоть в солдаты
Сдала б меня, что ли!
Не сдает. Что делать? Взятся
Я пахать сначала.

А пани деток в гвардию
Поопределяла...
Пора тяжелая настала!
Настали тяжкие лета!
Ходил за плугом я немало.
Я был убогий сирота;
А у соседа подрастала
Батрачка-девушка. И я...
Судьба несчастная моя!
О, господи! она, мой боже,
Была почти дитя. Негоже
Нам осуждать твои дела,
Судить святое провиденье!
Та девушка лишь на мученье
И на погибель мне росла.
Не удалось и наглядеться,
А думал я утешить сердце:
Жениться, жить и не тужить,
Людей и господа хвалить!
А вышло...

Мы обнов купили,
Хмельного пива наварили —
Не довелось только пить.
Друг барыни, старик блудливый,
Украл обновы, розлил пиво,
Пустил покрыткой в божий свет
Ту девушку... Прошло, что было.
И вспоминать не надо. Нет!
Прошло и не вернется боле...
Забросил я и плуг и поле,
Забросил хату, огород,—
Нечистая, должно быть, сила
Стать писарем мне пособила.
То так, то сяк проходит год.
Пишу себе, с людьми братаюсь
Да верных хлопцев подбираю.
Прошел второй. И панычи
На третье лето посъезжались,
Уже засватаны. Мои

Барчата свадьбы дожидались,
Но с картами не расставались
И девушек, как бугаи,
В своем сельце перебирали,—
Известно, паньчи. И мы
Той свадьбы дожидаться стали.
На троицу и обвенчали
Торжественно и пышно их —
Двух паньчей, поляков наших —
В домашнем их костеле. Краше
Венчания и молодых
Сам бог не видывал великий,
А мы и видеть не могли...
Раздались музыка и клики,
Панков с венчанья повели
В их благолепные покои.
А мы навстречу. Паньчей
Зарезали и всех гостей.
Умылась свадьба не простою —
Господской кровью. В этот час
Никто не смог уйти от нас.
Католики, как поросята,
В грязи валялись. Ну, а мы?
Управившись, пошли ребята
Искать убежища. Нашли
Лесную хату что палаты...
Нам в темных рощах и лесах,
В степях широких и ярах
Крутых была повсюду хата!
Там веселились мы когда-то,
И отдыхали тоже там.
Меня хозяином избрали,
И с каждым днем семья росла,
Уже до сотни вырастала.
А поросьячь кровь текла!
Я резал все, что паном звали,
Без милосердия и зла,—
Я просто резал... Сам не знаю,
Чего хотел я в эти дни.
Ходил три года я с ножами,
Ходил, как во хмелю мясник.
К слезам, и крови, и пожарам —
Я ко всему давно привык.

Младенца насадив на пику,
Его я жарил на огне,
Шутил с паненкой белолицой:
Распнешь нагую на коне
И пустишь в степь.
Всего, всего тогда бывало,
И все постылым стало мне...
Изнемог я, тяжело стало
В вертепах томиться.
Думал сам себя зарезать,
Со светом проститься,
И зарезал бы, но диво
Тут со мной случилось.
Для меня, злодея, небо
Зарей озарилось.
Из лесу с ножом я вышел
Раз под Броварами,
Чтоб зарезаться. И вижу
Киев пред глазами.
Будто в воздухе повис он,
Святые сияют
Храмы, словно с самим богом
В беседу вступают.
Я смотрю — и цепенею.
Тихо зазвонили
В Киеве — как бы на небе...
О боже мой милый,
Сколь ты дивен. И я плакал,
До полудня плакал...
И легко мне сразу стало:
И малого знака
Прежней тоски не осталось,—
Как переродился...
Во все стороны я глянул
И перекрестился.
Пошел себе тихо в Киев
Святым помолиться
Да суда просить людского,
Людям поклониться».

* * *

Ой, гляну да погляжу я
На степь и на поле:

Может, даст бог милосердный
Хоть под старость волю?
Пошел бы я на Украину,
К родимому дому,
То-то были б дома рады
Бедняге седому!
Смог бы малость отдохнуть я,
Богу помолиться;
Там бы... да подумать страшно:
Этому не сбыться.
Как в неволе, без надежды
Жизнь прожить? Не знаю.
Друзья мои, научите,—
Голову теряю!

* * *

Не дай ты никому того же,
Что мне, старому, дал, боже,—
На чужбине, без свободы
Понапрасну тратить годы.
По лугам-степям пойду я,
Разгоню кручину злую.
Только вот беда какая —
Погулять-то не пускают.

[ЦАРИ]

Сестрица бога Аполлона!
Когда б случайно вы хоть раз,
Старушка, навестили нас
И, как бывало во дни оны,
Возвысили б свой божий глас
До оды пышно-величавой,
Я тоже начал бы, пожалуй,
Особ высоких воспевать.
А то, уж если вам сказать
Чистосердечно, по-простому,
Мне надоели мужики,
Покрытки все и барчуки;
Хотелось бы мне сбить оскому
На главах батюшек-царей,

На всех помазанниках божьих...
Да не решусь, а коль поможешь,
Покажешь мне, как тех гусей
Ощипывать, то я, быть может,
За чуб схвачу рукой своей
Святопомазанников этих.
Покиньте же святой Парнас,
Побудьте здесь, на грешном свете,
И старенький свой божий глас
Возвысьте, тетенька. И складно
И ладно, ну хотя бы раз,
Хоть на минуту напоказ
Всех венценосцев выставляя
И ничего не пропуская,
О них расскажем. В добрый час
Начнем, советчица родная!

I

Безлюдно и тихо в Иерусалиме.
Врата на запоре, как будто в дома
Давидова града, что богом хранимы,
Чума ворвалася. Но то не чума;
Еще пострашнее лихая година
Сошла на Израиль: царева война!

Собравши немощные силы,
Князья царевы, весь народ,
Закрывши в городе кивот,
На поле брани выходили,
На поле бились, сиротили
Своих покинутых детей.
А в городе молодые вдовы
В светлицах плачут, чернобровы,
От малых чад своих очей
Не отведут они. Пророка
И ненавистного царя,
Клянут Давида-главаря.
А он, уперши руки в боки,
По кровле кедровых палат
В одеждах пурпурных гуляет,
Как кот на сало, взор бросает
На Гурия-соседа сад.

Там под деревьями в прохладе,
В своем веселом вертограде,
Вирсавия купалася,
Как Ева средь рая,
Гурия жена, царева
Раба молодая.
Купалася тихо-мирно,
Грудь белую мыла,
Своего царя святого
Ловко окрутила.

На улице смерклось. И, тьмою объятый,
Тоскует и дремлет Иерусалим.
Давид, как безумный, царские палаты
Меряет шагами... Властитель проклятый
Себе говорит: «Я... Нет, мы повелим!
Я царь над всем народом божьим!
И сам я бог моей земли!
Я — все!..» Давиду позже
Рабы трапезу принесли,
Внесли сикер — питье хмельное,
И царь сказал, чтобы в покои
Рабы рабыню привели
К нему. И как бы ненароком
К святейшему царю-пророку
Сама Вирсавия пришла,
Откушала, питья хмельного
С пророком выпила, пошла,
Чтоб после ужина такого
Прилечь с царем. А Гурий спал.
Ему, бедняге, и не снилось,
Что втайне от него творилось,
Что из дому Давид украл
Не золото, не серебро,
А лучшее его добро —
Его Вирсавию украл.
А чтоб о том он не проведал,
Давид-пророк убил соседа.
И после перед целым светом
Пролил слезу, обворожил
Псалмом седого Анафана...
И, вновь веселый, снова пьяный,
С своей рабыней закутил.

Давид, святой пророк и царь,
Не слишком был благочестивый.
Дочь у него была Фамарь
И сын Амон. Что тут за диво?
Бывает так и у святых,
Да все ж не так, как у простых,
А вот как. Сын Амон счастливый,
Красивый первенец царя,
Хворает, видно, слег не зря.
Давид и стонет и рыдает,
В печали ризу раздирает
И сыплет пепел на главу.
«Я без тебя не проживу,
Мой сын, возлюбленное чадо,
Моя единая отрада!
Умрешь — я солнца не узрю,
Я без тебя умру! Умру!»
И царь спешит, рыдая, к сыну,
Хоть ковыляет, а бежит,
А сын его, как бык здоровый,
Во храмине своей кедровой
Лежит,— и трудно, а лежит.
В душе смеется, а вздыхает,
Отца, рыдая, умоляет,
Чтобы сестра Фамарь пришла.
«Молю отца и государя!
Вели сестре моей Фамари,
Чтоб мне лепешек испекла,
Да чтоб сама и принесла.
А я, вкусивши их, восстану
С одра недуга». Утром рано
Фамарь спекла и принесла
Опреснок брату. Он за руку
Ее хватает, и ведет,
И в темной храмине кладет
Сестру на ложе. В горе руки
Она ломает, из груди
Крик вырвался: «О, пощади,
Амон, о брат мой, брат лукавый!
Мой брат единственный! Я! Я!
Сестра родимая твоя!

Где от дурной я скроюсь славы
И от стыда? Такого брата
И бог и люди проклянут!..»
Не помогло ничуть,— куда там!
Так припеваючи живут
Царевичи на свете,
Запоминайте, дети.

III

И дожил царь Давид на свете
До многолетия.
Одрях совсем; и покрывали
И грели ризами его,
Но ими все ж не согревали
Рабы владыку своего.
Но отроки не оплошали
(Они натуру волчью знали):
Чтоб греть его, девиц нашли,
Царевен лучше красотою,
И к старику их привели —
Да греют кровью молодою
Они царя. И разошлись,
Замкнувши двери за собою.

Облизнувшись, кот старый
Слюни распускает
И к одной сунамитянке
Лапы простирает.
А она, себе на горе,
Лучшая меж ними,
Меж подругами, как будто
Лилия в долине
Меж цветами. Так вот она
Собой согревала
Царя-старца; а девицы
Меж собой играли
Голенькие. Как там она
Грела, я не знаю,
Знаю только, что царь грелся
И... и не позна «ю».

Перед дворцом своим гуляет
 Веселый старый Рогволод.
 Дружина, отроки, народ
 Во злате вокруг него сияют.
 У князя праздник: ожидает
 Литвина — князя-жениха,
 Что сватается за Рогнеду.

Перед богами Лель и Ладо
 Огонь Рогнеда развела,
 Драгим елеем полила
 И сыпала на пламя ладан.
 Вокруг, валькириям подобно,
 Танцуют, тешатся подруги.
 И поют себе:

«Гой, гоя, гоя!
 Новые покои
 Мы украсить рады
 Гостям на усладу».

Встает густая туча пыли
 За Полоцком. И стар и млад
 Навстречу князю поспешили,
 Бояре с челядью спешат.
 Сама Рогнеда с Рогволодом
 Пошла с подругами, с народом.

Не литовский князь ожидаемый,
 Сердцем избранный, хоть неведомый,
 А из Киева туром-буйволом
 Идет веприщем за Рогнедою
 Володимир-князь с киевлянами.
 Пришли, и город обступили
 Кругом, и город подпалили.
 Владимир-князь перед народом
 Убил седого Рогволода,
 Поя народ, княжну поя,
 Отыде в волости своя,
 Отыде с шумом. И растли ю,
 Рогнеду эту молодую,

И прогони ю, и княжна
Блуждает по миру одна...
Кто ей поможет... Вот какие
Те венценосные, святые
Князья-цари!

V

Чтоб палачи их покарали,
Царей, проклятых палачей!
Возни с царями, чтоб вы знали,
Как дурень ходишь вокруг царей,
Как подступиться к ним — не знаешь.
И все никак не угадаешь,
Что делать с поганью? Скажи,
Сестрица бога Аполлона,
Открой, голубка, укажи,
Как пресмыкаться перед тронном.
Тебе, копь денег припасу,
Монисто к пасхе поднесу.
Запишемся с тобой в лакеи,
Наденем новые ливреи,
Да и начнем царей любить.
Карандаши мне жаль тупить.
Где воли нет для человека,
Не будет там добра вовеки.
Зачем себя в обман вводить?
Пойдем в селения — там люди,
А там, где люди, — славно будет,
Там будем жить, людей любить,
Святого господа хвалить.

.

* * *

Когда есть дом родной, а дома
Сестра родная или мать —
Какая это благодать!
Она мне, правда, незнакома,
Ее не знал я никогда,
И кое-как прошли года.

.

Но довелось однажды мне
В чужой далекой стороне
Заплакать, что судьба сурова,
Что ни хозяйки нет, ни крова!

Мы долго в море пропадали.
Пришли в Дарью, на якорь стали.
С Ватаги письма принесли,
И все тихонько их читали,
А мы с коллегою легли,
Беседовали, вслух мечтали,
Я думал: где б ту благодать —
Письмо иль мать — добыть на свете?
«А ты один?» — «Жена, и дети,
И дом есть, и сестра, и мать!
А писем нет...»

ДОЧКА КТИТОРА

То было в давние года,
Когда борцы везде ходили
И девушек с ума сводили,
Всех изводили, хлопцев били
И верховодили всегда,—
Точь-в-точь гусары на постое;
В правленье гетманов святое
То было — в давние года.

Настали праздники в селе.
В корчме, усевшись на столе,
Слепые лирники играли,
А за танец брали грош.
Там пыли облака вставали,
Там девушки плясали
И парни... «Все одно и то ж,
Другой начнем!» — «Хорош и этот!»
И снова лиры залились,
Поют и пляшут щеголихи,
А парни, подбоченясь лихо,
Вприсядку понеслись.

Стоит красавец в серой свите, —
Ну, право, равных нет Никите!
Красавец малый, да байстрюк,
Байстрюк, да и бедняк при этом.
Один, забытый целым светом,
Стоит в корчме, как тот...¹
А плечи потолку подпора.
Он оторвать не может взора
От дочки ктитора... Она
В цветы и ленты убрана,
Как та картинка... Погодите, —
Не на него ль она глядит?
Иль это кажется? Горит,
Горит Никита в серой свите!

Грошик вынимает
И на медный, на последний
Танец нанимает,
Ту богачку, ту гордячку
Плясать приглашает!
«Прочь отсюда, прочь, приبلуда! —
И захохотала
Дочка ктитора.— Батрачек
Для тебя не стало?»
Осрамила, да при людях
Гордячка Никиту,
Осрамила, оттого что
Хлопец носит свиту!
Дочка ктитора, ты будешь
Наказана строго
За насмешку!..

Где ж Никита?
Далекой дорогой
Он ушел. Никто не ведал,
Что с хлопцем случилось...
Только ктиторова дочка
Покоя лишилась.

Домой в слезах она пошла,
И спать в слезах она легла.
Есть не хотела... Сна не знала,
Какой легла, такой и встала,
Как в одури! Что делать ей?

¹ Неоконченная строка в подлиннике.

Как быть? Все мысли — о Никите,
А тот, как сыч нахохлясь, в свите
Стоит все время перед ней!
Вот наважденье! Оказалось,
Что над неровней ты смеялась
В недобрый час. И стало жаль
Тебе его... Тоска, печаль
И стыд — всё душу обступило.
Ты зарыдала. Отчего?
Да оттого, что полюбила
Никиту бедного того!

Диво дивное на свете
С тем сердцем творится.
Кажется, вчера чуралось, —
Сегодня томится.
Так томится, — на край света,
Только прикажите,
А пошло бы!.. Вот на дочку
Ктитора взгляните:
Жить не хочет. Пусть бы в воду,
Но только к Никите!

.....
Берегитесь над неровней,
Девушки, смеяться,
Чтоб и вам, как той гордячке,
С бедой не спознаться!

Она былинкой сохла, вяла,
Отца и мать перепугала, —
На богомолье повезли,
Святые травы ей давали,
И все-таки не помогли!
Взбиралась на курган в печали, —
Дорожку ноги протоптали, —
Глядела вдаль, ждала, ждала...
Травой дорожка поросла;
Слегла красавица в бессилье...
Вот что насмешки натворили!
Он же канул, провалился;
Может, где и бродит, —
Нету вести. Год за годом,
Три года проходит.

На четвертый год настали
Снова праздники в селе.
Снова, сидя на столе,
Лирники в корчме играли.

По грошику брали
И так же играли,
На радость всем, как и когда-то.
И так же девушки плясали,
Как и когда-то.

Вдруг в богатом
Жупане, в синей шапке, в красных,
Как ягоды, штанах атласных,
Вприсядку залетел казак
Да припевал еще вот так:
«Да спасибо батюшке,
Да спасибо матушке,
Что добыли нас.
А как добывали,
Жито рассыпали
В ночи на печи!»

«Эй, водки! Меду! Два стакана!
Где сотский? Нет ли атамана?
Начнем бороться! Погань, падаль,
Борца сегодня вам не надо ль?
Борец пред вами!»

Вот не ждали!
И много дней без перерыва,
Как злой болячке, как нарыву,
Борцу всем миром угождали.
А был разборчив он,— почище
И паныча... Откуда зло
Взялось такое? Все село
Ему не наготовит пищи!
А он поет, гуляет, пьет
Да хлопцам жару задает
Пред девушками. Вот проклятый,—
Он головы вскружил им всем:
Такой хороший и богатый!
Уже не борется ни с кем,
А просто так гуляет
Да садик ктитора нередко
Ночами посещает.

А там красавица встречает
И припевает, прибавляет:
«То не ты ли, Никита?
Не твоя ль эта свита?»
Тот он, тот, кого на смех
Поднимала ты при всех!
А теперь он стал желанным,
Его поджидаешь,
С ним обходишься, как с паном,
Во всем угождаешь.
И не день, не два, как пану,
Ему угождала,
И не день, не два Никиту
В саду поджидала!
Дождалась ты, поджидая:
Нагрянуло горе,—
Не очнулась!

Дни проходят,
Месяц минул вскоре.
И лето минуло, и осень,
Семь месяцев прошло, и восемь,
Пришел девятый за восьмым,—
Пришел он с горюшком твоим!

В садик бедная выходит...
Там, где верба гнется,
Есть колодец. Не напиться
Воды из колодца,—
Нет, в тревоге ищет места,
Где бы хоть немного
И поплакать и подумать:
Будет ли подмога?
Как ей спрятаться от срама?
Где ее дорога?

Зимним вечером, босая
И в одной рубашке,
Дочка ктитора выходит:
Мальчик у бедняжки.
То приблизится к колодцу,
То вновь отступает.
За калиной — взгляд змеиный:
Байстрюк поджидает!

Горемыка на колоду
Положила сына —
И бежать... Кусты калины
Никита раздвинул,
Как щенка, дитя родное
В колодец он кинул!
А сам пошел он к сотскому,
Распевая звонко,
Сказать, чтоб шли отыскивать
Всем миром ребенка!

Рано-рано в воскресенье
Собиралось все селенье.
Ведро в воду опускали
И ребеночка искали.
Воду ведрами тащили,—
Отыскивали в темном иле!
Горемычную в оковы
Заковали в день суровый.
Прегрешенья отпустили,
Мать, отца стыдом стыдили
И блудницу осудили,
А потом ее, живую,
Вместе с сыном закопали
В землю темную, сырую!
Столб высокий воздвигали,
Чтобы все о ней узнали,
Детям правду рассказали,—
Девушки урок получают,
Если мать с отцом не учат.

Борца в селе не стало больше.
А люди повстречались в Польше
С каким-то панычом. Спросил:
«Как дочке ктитора живется,
Всё ль над неровнею смеется?»
То он! Господь его казнил
За грех, свершенный у колодца,
Не смертью, нет! Он будет жить,
И сатаною-человеком

По свету белому бродить,
И девушек с ума сводить
Вовеки.

* * *

Ну что, казалось бы, слова?
Слова и голос — что такое!..
Но вот заслышишь их едва —
И сердце бьется. Может, слово
И голос тот от божества
Явились в мир!..

На борт склоняясь,
Не то чтоб грусти предаваясь,
А так на палубе стоял
И мрачно на море взирал,
Как на Иуду. Из тумана
Тут стала, видите ль, всплывать
Румяноликая Диана...
Я было собирался спать,
Да вот остался: круглолицей
Залюбовался женщицей,
То бишь девицею... Матрос,
Земляк из Островной ¹, тоскуя
В ту ночь глухую —
Он, подневольный, вахту нес, —
Вдруг начал петь, и пел покуда
Негромко: не было бы худа
(Строг капитан, хоть и земляк).
И пел матрос, как тот казак,
Что вырос внаймах сиротою,
Солдатом горемычным стал!..

Когда-то я слышал,
Как под ракитою дивчина
Ту песню старую несмело
Про казака-беднягу пела;
И я, малыш, его жалел,
Что он уморился,
К тыну прислонился,-

¹ Оренбургской губернии. (Прим. Т. Шевченко.)

Люди смотрят и смеются:
«Может быть, напился!»
Я, мальчик, плакал над судьбою,
Над злою долей сироты.

О чем теперь-то плачешь ты?
О чем грустишь, старик? Седого
Какие думы тяготят?
Что счастье от тебя сокрыто?
Что ты и сам теперь солдат?
Что сердце вдребезги разбито?
Что разлилось без следа
Все доброе, что в сердце было?
Что вот и старость наступила?..
Не так ли, голубок мой?..— Да..

* * *

Как за подушным, правый боже,
Ко мне на дальней стороне
Пришли тоска и осень. Что же
Придумать, что же сделать мне,
Что мне затеять? По Аралу
Уж я брожу, тайком пишу
И, стихотворствуя, грешу,
И все, что некогда бывало,
Припоминаю вновь, сначала,
Записываю вновь подряд,
Гоню тоску, чтоб, как солдат,
Не лезла в душу... Стражник лютый,
Не отстает ни на минуту.

[МАРИНА]

Как гвоздь в груди кровоточащей,
Марину эту я ношу.
И написал бы о пропащей,
Так что ж? Сказали б, что грешу,
Что это я по злобе вящей
Такое про господ пишу,
Про то, как душу баре тешат...

Сказали бы, что дурень брешет,—
Ведь сам он крепостной,
Необразованный, простой.
Но, видит бог, мужик не брешет;
Стыдиться ль мне, что я не пан?
Но стыдно мне, стыд сердце гложет
За просвещенных христиан.

.
Зверь сотворить того не может,
Что вы, кладя поклоны,
Творите с братьями.. Законы
Писали палачи за вас..
А вам-то что.. Вы в добрый час
Спешите в Киев, чтоб получше
Грех замолить на всякий случай
У схимника!..

И то сказать,—
Что плакаться буду!
Ведь уже мне не увидеть
Ни добра, ни худа,
А кому, скажу, не видеть,
Все тому едино..
Так спеши ко мне скорее
С милой Украины,
Моя дума пречистая,—
Прилети, поведай,
Верная моя подруга,
О Марине этой:
Что у пана злого с нею,
С беднягою, случилось.
Да шепотом, чтоб чужие
Люди не дознались,
А то скажут, что мы грабить
На дорогах стали..
И сошлют еще подальше—
Поминай как звали..

.
На днях в краю одном
Справляли свадьбу всем селом,
А из костела ехал
Приказчик, пан — кто разберет!
Сменялся пляской хоровод,
За гиком да за смехом

Никто не видел, как проехал
Тот управитель остроглазый.
А он, проклятый, сразу
Приметил молодую!
Что ж не придавит небосвод
Дрянную тварь такую,
Как этот лях! Второй лишь год,
Как он с немецкими плугами
Худым приехал из худых
Сюда, а девушек простых
Пустил по свету с байстрюками
Немало, хоть женат... К тому же
Имеет миленьких таких
Двух деток — вылитых
Двух ангелочков. Встретить мужа
Выходит пани молодая,
За ручки деточек ведет.
А пан из брички вылезает,
Слугу за новобрачным шлет,
Потом детей своих ласкает,
Жену, голубку молодую,
Три раза, бедную, целует.
Беседуя, домой пошли.
Злодей не ожидает кары.
Вот молодого привели
(Из-под венца — в гусары),
Наутро в город отвезли,
Да и забрили в москали!
Вот так, не долго размышляя,
У нас порой кончают!
А молодая? Что ж без пары
Растратить ей судил господь
Красу и молодость? Как чары,
Распалось все и растеклось...
Так что же, вновь ей довелось
Батрачить? Нет, не довелось! —
При пане место ей нашлось.
Уж не Мариною зовут
Ее — Марысей, не иначе...
Всплакнуть сердешной не дают,
Она ж забьется в угол, плачет,
Чудная! Жжет ее печаль,
Ей мужика простого жаль.

А оглянулась бы, взгляделась —
И рая бы не захотела:
Чего угодно пожелай,
Всего дадут, да и помногу.
«Не надо, скажешь, мне, убогой,
И в хате рай...» И не мечтай,
Самой смекнуть об этом можно...
Смотри, как ходит жеребцом
Вокруг тебя сам пан вельможный:
Как хочешь — худом иль добром, —
А будешь панскою роднею,
Хоть в петлю полезай!.. С мольбою
 В панские палаты
 К пану мать ходила.
 Бить велел, проклятый,
 Гнать старуху силой...
 Что тут делать было?
Рыдаючи, в село пошла.
Одна лишь доченька была —
И та погибла...

.....
Как ворон в поднебесье кричат,
Суля дожди и неудачи,
Так я про слезы да печаль
О тех — без племени, без роду —
Пишу, хотя кому их жаль?

 И слезы лью без счету.
Мне жаль несчастных! Боже милый,
Даруй словам святую силу —
Людское сердце пробивать,
Людские слезы источать,
Чтоб милость душу осенила,
Чтоб тихая легла печаль
На их глаза, чтоб стало жаль
Моих дивчаток, чтоб учились
Путями добрыми ходить,
Святого господя любить
И брата миловать...

Насилу
Домой старуха дотащилась;
Цветы — за образом святым,
И на окне стоят цветы,
На стенах красками кресты,

Как будто добрая картина,
Понамалеваны... Марина!
Марина это, все она.
И нет Марины, мать — одна!
И поплелась она из хаты,
Чтоб вновь на барский дом проклятый
С пригорка глянуть: подошла
К хоромам, подле тына села
И всю-то ноченьку сидела
И плакала! Вот из села
Отару пастухи погнали,
А мать сидела и рыдала;
Уже и солнышко взошло,
Зашло, и сумерки стустились —
Все не идет она в село,
Сидит под тыном... Гнали, били,
Собаками ее травили,
Сидит — и все тут...

А Марина в платье белом
Невестой Христовой
Плачет под замком, возносит
К всеблагому слово.
Никому войти в светлицу
Пан не позволяет,
Сам ей пить и есть приносит.
Просит, умоляет,
Чтобы на него взглянула,
Чтоб утерла очи...
И взглянуть она не хочет,
Пить и есть не хочет.
Приступиться к ней не может,
Бесится, проклятый.
А Марина вянет, сохнет
В палатах богатых.
Уже лето миновало,
Зима наступила,
А Марина сидит себе,
Все слова забыла
И уже не плачет даже...
Вот так втихомолку
Пан допек ее, а все же
Не добился толку.

Хоть зарежь ее — упряма,
Горда не по чину...
Поздно вечером зимою
Глядела Марина,
Как за черным лесом в небе
Красною бадьею
Луна всходит... «И я тоже
Была молодою», —
Прошептала, задумалась,
А потом запела:

«Хата — что палаты.
Гости пришли в хату,
Расплетали косы,
Ленты вынимали,
А пан просит сала,
А черт хлеба просит.
А гуси, гусята
В теплый край куда-то
За море стремятся!..»

Собаки лают, злятся,
Гогочут на дворе псари,
А пан побагровел, горит
От ярости, идет к Марине,
Как Кирик пьяный...

А у тына,
Не чуя стужи, мать Марины,
Как в хате, знай себе сидит.
Совсем старуха одурела,
Мороз от ярости трещит.
Луна из красной стала белой,
С опаской сторож в било бьет —
Не потревожить бы господ...
Ан глядь, хоромы запылали.
Пожар! Пожар! Повырастали
Тут люди — как из-под земли.
А может, здесь они росли,
Как будто волны, прибывали
И не напрасно удивлялись! —
Ведь было видно людям тем:
Марина, голая совсем,
Со старой матерью плясала
Перед хоромами и — страх! —

Запела вдруг, держа в руках
Нож окровавленный...

«То не та ли, кумася,
Так разубралася!..

Как была я пани,
Ходила в жупане,
Паны увивались,
Руку целовали!»

(Матери.)

«А вы с того, должно быть, света,
Марину обвенчать пришли?
Уже мне косу расплели,
Да пан приехал... Гуси это!
Совсем не гуси, а паны
Летят в края, где стужи нету,—
Их в пекле ждут у сатаны.
Гей, тега-тега! Слышишь? Слышишь?
Все церкви в Киеве звонят.
Смотри, а там огонь горит,
А пан лежит себе, читает
И просит пить... А ты не знаешь,
Ведь я зарезала его?..
А он, хоть обгорел, хохочет...
Смотри,— вон, на трубе!.. Чего,
Чего глядит, как будто хочет
Сожрать тебя! Мать, берегись!
Нá, выкуси, нá, подавись!»
(Показывает кукиш и поет.)

«Я москалика люблю,—

Даже сердце веселю!

Москали, москали

Юбок нам навезли,

Барчуки —

Денежки,

А сыночки поповы —

Ожерелья, обновы!..

В колокол бей!

Тучи развей,

Неси яром

К злым татарам,

А солнышко — к христианам!

В колокол бей!»

М а т ь

Мариночка, пора домой!

М а р и н а

Пора домой, ведь завтра рано
Мне надо в церковь: глянь, поганый
Вновь лезет, тянется за мной,
На... выкуси!..

М а т ь

Пора домой.

(К людям.)

Ой, люди добрые, спасите!

М а р и н а

Берите же меня, вяжите,
Скорее в дом ведите к пану!
А ты не хочешь разве глянуть,
Какою панною Марина
В палатах под замком сидит?
Как гибнет, гибнет неповинно,
Как вянет, сохнет беспричинно
Твоя Мариночка...

(Поет.)

«Ой, тега-тега, серые гуси,
Тева, на Дунай!

Повязала головоньку,—
Теперь думай да гадай».

И пташкам воля в чистом поле,
И пташкам весело летать,
А я завяла в злой неволе.

(Плачет.)

Мне ожерелье бы достать,
Да и повеситься... Иначе
Теперь беда... хоть утопись!
Чего же ты, голубка, плачешь?
Не плачь, родимая, взглядись,
Здесь я, Мариночка твоя!
Взгляни-ка: черная змея
Ползет по снегу... Захочу,
На юг, как пташка, полечу,
Ведь я уже кукушкой стала...
А на побывке он и не был?

Убили, может, на войне?
А знаешь, что приснилось мне?
Что в небе днем луна сияет,
А мы над морем с ним гуляем.
И вдруг гляжу — не понимаю:
Все звезды покатались в воду,
Лишь одинешенька-одна
Осталась на небе, а я-то,
Как бы рассудка лишена,
Бреду, ищу в Дунае броду,
В лохмотьях с байстрюком бреду:
Смеются люди надо мною,
Зовут покрыткой и чудною...
И ты смеешься, а я плачу,
Да нет, не плачу, хохочу...
Взгляни: сейчас я полечу,
Ведь я сова...—
И замахала,
Как будто крыльями, руками
И тотчас убежала прочь,
Завыв, как волк, в глухую ночь.
Заковыляла мать за нею,
За дочкой бедною своею.
Все баре смерть в огне нашли,
Изжарились, как поросята.
Сгорели белые палаты,
А люди тихо разошлись.
Марины с матерью не стало.
Уже весной, когда пахали,
Два трупа на поле нашли
И на кургане закопали.

* * *

И сонные волны, и мутное небо,
На берегу в далекой мгле
Камыш, как бы навеселе,
Без ветра гнется. Боже! Где бы
Узнать, придется ль долго мне
В моей незапертой тюрьме
Над никудышным этим морем
Тоской томиться, мыкать горе?

Молчит засохшая трава,
Лишь гнется, будто бы жива,
Не хочет правду мне открыть...
А больше некого спросить.

* * *

И вырос я в краю чужом,
И на чужбине доживаю,
И в одиночестве своем
Я не могу назвать, не знаю
На свете лучшего, чем Днепр
И чем родная Украина...
Но хорошо лишь, где нас нет,—
Я вижу. В тяжкую годину
Недавно как-то довелось
Заехать мне на Украину,
В то благодатное село,
Где мать качала, пеленала
Меня, младенца, и в ночи
На свечку богу добывала,
Поклоны тяжко кладучи,
Перед иконою молила,
Чтоб доля добрая любила
Ее ребенка... Счастье, мама,
Что ты так рано спать легла,
А то бы бога прокляла
За мой удел.

Ах, как же страшно
Все в благодатном том селе.
Земли чернее, по земле
Блуждают люди; оголились
Сады зеленые; в пыли
Погнили хаты, покосились;
Пруды травю заросли.
Село как будто погорело,
Как будто люди одурели,—
Без слов на барщину идут
И за собой детей ведут!

И я заплакал, и назад
Поехал снова на чужбину.

И не одно лишь то село,—
Везде на славной Украине
Крутое панство запрягло
Людей в ярмо... И гибнут, гибнут
В неволе рыцарей сыны!
А прогоревшие паны
Ростовщикам — друзьям хорошим —
Несут последние штаны...

.
И очень тяжело, страх как тяжело
В пустыне этой пропадать!
Еще трудней на Украине
Все видеть, плакать и молчать!
Пока не видишь, как ужасно
То зло, все кажется прекрасно
На Украине с давних пор,
И старый Днепр меж тихих гор,
Как будто в молоке младенец,
Красуется, любит
На всю Украину.
А над ним в садах зеленых
Широкие села,
А в веселых этих селах
Жизнь людей веселых.
Так оно бы, может, стало,
Если б не осталось
Панского следа в Украине!

.
* * *

Ой, наточу товарища —
Да за голенище,
Да пойду искать я правды
И доли почище.
Ой, пойду я не лугами
И не берегами,
Не привычными путями,
Другими путями!
Поговорю с кабатчиком,
Да с богатым паном,
Да со шляхтичем поганым
В жупане поганом,

Да с монахом, коль случится,
Пускай не гуляет,
Жития святых читает,
Людей поучает,
Чтоб друг друга не резали
И не обирали,
Сына вдовьего в солдаты
Чтоб не отдавали.

* * *

На улице снег и ветер,
Метель завывает.
По улице вдоль забора
Вдова ковыляет.
И пошла она на паперть,
И просить пошла-то
У тех самых, у богатых,
Что сына в солдаты
Позапрошлый год забрили.
Думалось иное:
Хоть в старости у невестки
Пожить на покое.
Не пришлось. Вот вымолила
Копейку с поклоном...
Да за сына поставила
Свечку пред иконой.

* * *

Во граде Вильно достославном
Вот что произошло недавно...
Тогда стоял... Но трудно мне
В поэму втиснуть это слово...
Тогда в просторный и суровый
Он превращен был лазарет,
А бакалавров разогнали
За то, что шапок не ломали
Пред Острой брамой... Что дурак,
Заметно сразу, но никак
Назвать не смею, правый боже,
Того студента — ну, так что же?
То был сын ясновельможный
Литовской графини:

Мать заботилась о милom,
Единственном сыне.
Не как пан дитя училось
И шапку снимало
В Острой брaме; было б лaдно,
Да беда настaлa!
Он влюбился не на шутку,
Был молод, сердешный,
Выбрал юную еврейку
И хотел, конечно,
Тайну соблюдая,
Чтоб не знала мать родная,
На красавице жениться.
Вот была кака́я —
Та еврейка. Все сидела
До глубокой ночи
Пред окном и утирала
Печальные очи...
И она его любила,
И страх как любила.
На бульвар гулять ходила
И в школу ходила
Все с отцом. И что тут делать
С долею проклятой?
А банкир один из Любска¹
Еврейку сватал.
Что же делать тут влюбленным,—
Идти в Закрет детям?
Утопиться? Без еврейки
Не житье на свете
Юноше. Старик проклятый
Знать того не знает,
Дочь единственную крепко
Дома запирает.
Как идет он утром в лавку,—
Сторожила б строже,
Нанимает Рухлю. Что же!
Рухля не поможет.
Где девушка эту книгу,
Где роман читала —
С тонкой лестницей из шелка,—
И Рухля не знала.

¹ Любск — замок над Вилией. (Прим. Т. Шевченко.)

Может, сама догадалась,
Только так случилось,
Что себе сплела такую ж
И в ночи спустилась
Вниз, на улицу, к студенту.
Тут бы им скрываться,
А они (понятно — дети)
Сразу — целоваться
У ворот немедля стали.
А отец тут вскоре
Как безумный выбегает
С топором. Ой, горе,
Горе матери несчастной!
Сына не зови ты:
На улице валяется
Сынок твой убитый.
Он погублен изувером.
Горе приключилось!
Евреечка (что за сила
В девушке открылась?)
Бросилась, топор схватила
И по обух живо
В грудь отцовскую всадила.

Вот такое диво
В старом городе преславном,
В Вильне приключилось.
И дивились долго люди,
Где же притаилась
Евреечка та, гадюка,
Что отца убила?
В Вилии она тихонько
Ночью утопилась.
И нашли ее в Закрете;
Там и закопали.
А графиня без сыночка
Осталась в печали,
В Рим уехала, я слышал,
Да там и осталась,
Да с маркизом неким нищим,
Молвят, обвенчалась.
Может, люди лгут — не знаю,—
На то они люди,

И вдовицу не забудут
И всегда осудят!

* * *

Из похода не вернулся
Гусарик-москаль.
Что ж он так мне приглянулся?
Что ж мне его жаль?
Оттого ль, что черноусый,
Что в жупан одет он куцей,
Что Машею звал?
Нет, не это грусть наводит,—
Красота моя уходит,
Замуж не берут.
А дивчата, как сойдутся,
Всё, проклятые, смеются,
Гусаркой зовут.

* * *

Как чумаки, тащась в степях,
Столбы минуют верстовые,
Уходят годы прожитые.
Мне что! На памятных листках
Строчу — стихами наполняю
За книжкой книжку. Разгоняю
Кручину о глухой судьбе
И кандалы кую себе
(Коль эти господа узнают).
Да хоть на крест, будь их приказ,
А без стихов я жить не в силах.
Два года в книжечках строчил их,
Начну и третий в добрый час.

* * *

В светлый праздник на соломе
Крашенки катали
Дети на припеке в полдень
И хвалиться стали
Обновами. Той рубашку

С вышивкою сшили
К празднику. А этой — ленту,
Той тесьму купили.
Кому шапку из мерлушки,
Сапожки с подковкой,
Кому свитку. Лишь сиротка
Сидит без обновки,
В рукава ручонки прячет
И глядит уныло.
«Мне обнову справил батько».
«Мне мама купила».
«А мне крестная рубашку
Гладью вышивала».
«У попа я обедала», —
Сиротка сказала.

* * *

Бывало, думаю, гуляю,
Сижу за работой,
Все о милом вспоминаю
И страшусь чего-то.
Глупа была молодая
И все дожидалась —
Вот придет за мною сватов...
И не догадалась,
Что смеялся он над глупой.
А сердце болело,
Будто знало, что так будет,
Сказать не умело.
Если бы оно сказало,
Его не любила б,
К роднику тогда, быть может,
В рощу не ходила б.
А то утром и вечером
Ходила туда я...
Доходилась. Одинокой
Вяну, увядаю.
Стариться в отцовской хате
Жребий мой проклятый,
А своих уже не будет
Ни двора, ни хаты!
Вот и нынче за работой

Сижу иль гуляю,
Все о милом вспоминаю
И сама не знаю,
Что я думала, зачем я
В рощу ту ходила?
И за что его так долго,
Так тяжело любила?

* * *

Бывает, иногда старик
Негаданно помолодеет,
И пусть от пенья он отвык,
Но даже петь старик затеет...
И встанет ясно перед ним
Надежда ангелом святым,
И словно молодость к нему
Вернется и крылом своим
Его овеет. Что же с ним?
Чему же рад старик? Тому,
Что дело доброе задумал
Он, видите ли, совершить.
Вдруг совершит? Как славно жить
Тому, кто и душой и думой
Умеет доброе любить!
Не раз он радоваться станет,
Не раз барвинком расцветет.
Не так ли вот в глухую яму
Святое солнышко заглянет,
И в ней, глухой, на вызов тот
Трава зеленая взойдет.

* * *

Не самому ль мне написать
Послание себе в отраду
И дочиста в нем рассказать
Все то, что надо и не надо.
Ведь не дождешься ты его,
Того писания святого,
И нет нигде живого слова,
И правды нет ни у кого!

Уж, кажется, и срок настал.
Уж десять лет свой круг свершили,
Как свой «Кобзарь» я людям дал,
А им как будто рот зашили.
Молчат, не споря, не кляня,
Видать,— и не было меня.
Не похвалы я жду от света,—
И без нее свой путь найду,—
А только доброго совета;
Да, верно, ссыльным я сойду
В могилу, прежде чем дождусь!
Бывало, сердце так болело,—
О боже правый, как хотелось,
Чтобы мне кто-нибудь сказал
Хотя бы слово; чтоб я знал,
Кому пишу я песни с жаром,
За что Украину люблю,—
Огонь святой не трачу ль даром?
Я, верно, прежде стану старым,
Чем буду знать, за что терплю.
Чтобы напрасно не томиться,
Пишу порою просто так,
А иногда седой казак
Почудится или приснится;
Усатый, видится он мне
На черном вороне-коне!
А больше ничего не знаю,
Хотя за то и погибаю
Теперь в далекой стороне.
Иль так судьба моя сложилась?
Иль богу мать не помолилась,
Как понесла меня,— что я
В степи, как лютая змея,
Лежу, растоптан, издыхая,
Заката солнца ожидая?
Вот так живу я, и терплю,
И смерти жду, в степи страдая.
За что? Ей-богу, сам не знаю.
А все-таки его люблю —
Простор Украины широкий,
Хотя там был я одиноким
(Ведь пары там я не нашел)
И вот до гибели дошел.

Пустое, братец, не томися!
Себя в железо ты закуй
Да хорошенько помолился,
На свет же, на людей наплюй,—
Они глупей капусты. Впрочем,
Ты, братец, поступай как хочешь.
Есть ум, так сам все обмозгуй.

* * *

Мы чванные, пустые люди,
Где б ни были,—езде и всюду!
А хвалимся, что вот-де мы
И над землею и водою,
И от дворцов и до тюрьмы —
Везде цари, а над собою —
Тираны — до того цари,
И на престоле и в неволе.
И это все — по доброй воле,
По воле разума горит,
Как бы маяк в открытом море,
То есть в житейском. Точно так
И в черепае, как на просторе,
Горит сияющий маяк,
А мы лишь масло подливаем
Да песни тянем, напеваем
И при удаче и в напасть.

Все сизокрылые орлы вы,
Пока вам горе не приснилось,
Хоть маленькое, хоть на час!
А там — опять в шинок спешите,
Под лавкой пьяные лежите.
И тот огонь святой погас,
И тот маяк уже не светит,
И свиньи, будто бы из клетки,
Как в лужу, в череп ваш бегут.
Ну, и прекрасно, что куют
Для вас железные оковы
И чарки в руки не дают
Или ножа, а то бы снова
Вы с горя напились вина,
А после от тоски рыдали,

Родителей своих спьяна,
Своих вы крестных проклинали,
А после — нож... И потекла б,
Кровь потекла бы, как смола,
Из туши вашей поросычьей.
А после?..

* * *

Мне золотую, дорогую
Свою судьбу совсем не жаль,
Не жаль мне долю молодую;
А все же иногда печаль
Найдет такая, что заплачу!
Когда еще, к тому в придачу,
Мальчишку встречу. Одинок,
Как с ветки сорванный листок,
Сидит он, прислонившись к тыну,
Одетый в рваную холстину,—
И мнится мне, что это я,
Что это молодость моя!
И мнится мне: в суровой доле
Он не увидит вольной воли,
Священной воли... И вот так —
Напрасно — прахом пролетят
Все лучшие его года.
Нигде не сыщет он привета
И, побродив по белу свету,
Пойдет батрачить... Ну, а тут —
Чтоб он не плакал, не грустил,
Чтоб как-нибудь пристроен был —
Его в солдаты отдадут.

* * *

.
Мы вместе некогда росли,
Друг друга мы детьми любили,
А наши матери твердили,
Следя за малыми детьми:
«Поженим их». Да вот скончались
Не в срок они, а мы расстались;

Как в детстве разлучились мы,
Да так и не встречались боле.
Меня по воле и неволе
Носило всюду! Принесло
Уже седым к родному дому.
Когда-то ясное село
Теперь казалось мне, седому,
Каким-то темным и немым,
Таким же, как я сам, седым.
Казалось (мне уж так казалось),
Ничто в селенье не менялось
За эти долгие года,
Все выглядело как всегда:
Равнины, тополи-раины,
Овраг и верба предо мной,
Склонившаяся над водой
Как бы под бременем кручины.
Вот пруд, плотина и ветряк
За рощей крыльями мелькает.
А дуб зеленый, как казак,
Из рощи вышел и гуляет;
И темную листву свою
Раскинул сад над той горою,
Где старики мои в покое
Лежат в тени, как бы в раю.
Кресты склонились, позабыты,
Слова с крестов дождями смыты.
И не дождями, не слова —
Сатурн все начисто стирает...
Пусть со святыми почивают
Мои родители!.. «Жива
Оксана?» — к брату обращаюсь.
«Какая?» — «Маленькая та,
Что с нами некогда играла.
Кудрявенькую позабыл?
Ты что же, братец, загрустил?»
«Да нет, я не грущу нимало.
Ушла Оксаночка в поход
С солдатами, да и пропала;
Вернулась, правда, через год,
Да вот беда: вернулась с сыном,
Острижена. Она в ночи,
Бывало, все сидит под тыном,

Кукушкой стонет и кричит
Или чуть слышно напевает
И словно косы расплетает.
Потом она опять ушла;
Куда ушла, никто не знает,
Ума лишилась и блуждает...
А что за девушка была —
Красавица! Счастливой доли
Ей не дал бог...» А может, дал,
Да только кто-нибудь украл
И обманул господню волю.

* * *

Готово! Парус распустили;
Баркас с байдарой заскользили
Меж камышами в Сыр-Дарью,
Плывут по голубой дороге.
Прощай же, Кос-Арал убогий!
Два года злую грусть мою
Ты все же развлекал умело.
Спасибо! Сам себя хвали,
Что люди и тебя нашли
И знали, что с тобою сделать.
Прощай, мой друг! Твоей земли
Не славлю я, не проклинаю.
Быть может, вновь тоску узнаю,
Изведенную в этом крае,
Но от него уже вдали.

* * *

Считаю в ссылке дни и ночи —
И счет им теряю.
О, господи, как печально
Они уплывают!
А года плывут меж ними,
И тихо с собою
Доброе они уносят
И уносят злое!..
И не спросят, все уносят
В дальнюю дорогу!

Не молись — твоя молитва
Не дойдет до бога.

В болотах тусклыми струями
Меж камышами за годами
Три года грустно протекли;
Всего немало унесли
Из горницы моей унылой
И морю тайно обрekli;
И море тайно проглотило
Мое не золото-серебро,—
Мои года, мое добро,
Мои незримые скрижали,
На них в часы моей печали
Незримым я писал пером.
Пускай унылыми струями
Текут себе меж камышами
Года невольничьи... А я!
Таков обычай у меня!
И посижу, и погуляю,
На степь, на море погляжу,
Былое вспомню, напевая,
И в книжечке всю пищу
Как можно мельче. Начинаю.

* * *

Запели мы и разошлись
Без горьких слез, без слова.
Сойдемся ли мы снова,
Чтоб снова песни полились?
Сойдемся, может... Но какими?
И где? И запоем о чем?
Не здесь и, верно, не такими!
И не такую запоем!
И здесь невесело певали,
И здесь печально время шло,
Но как-то все-таки жилось,—
Здесь мы хоть вместе тосковали,
Веселый вспоминая край,
И Днепр могучий, крутогорый,
И молодое наше горе!..
И молодой наш грешный рай!

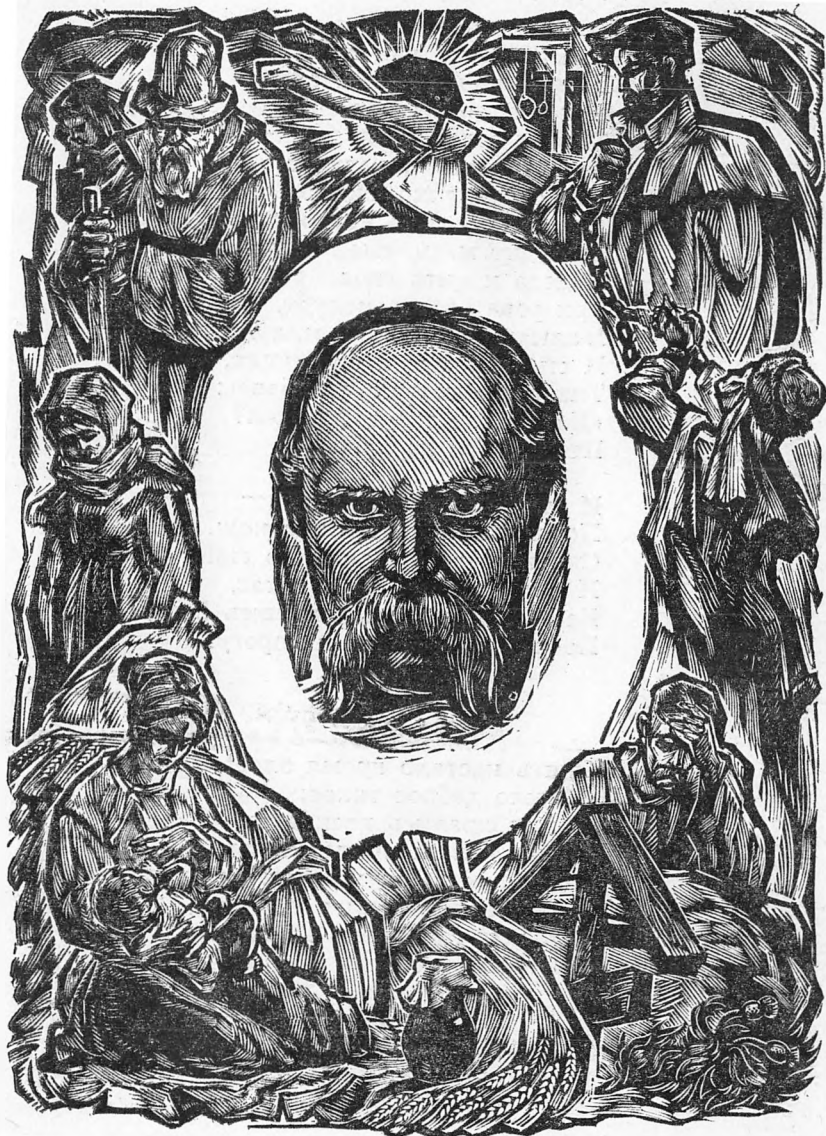
* * *

Все снится мне: вот под горою
Белеет хатка над водою,
В тени под вербами стоит.
И все я вижу: дед сидит
Совсем седой и забавляет
Дитя кудрявое, ласкает
Родного внучка своего.
Все снится мне: неторопливо
Выходит мать, смеясь счастливо,
И деда и дитя свое
Три раза весело целует,
Малютку кормит, и милует,
И спать несет; а дед сидит,
Тихонько молвит, улыбаясь:
«Да где же это доля злая?
Печали эти да враги?»

И старый шепотом читает,
Перекрестившись, *Отче наш*.
Сквозь вербы солнышко сияет
И тихо гаснет. День погас,
Все смолкло. Помолвившись богу,
Побрел себе и дед к порогу.

* * *

Опять настало время злое!..
А было доброе такое;
Мы собирались расковать
Своим невольникам оковы..
Но глянь!.. Опять струится кровь
Мужичья! Палачи в коронах,
Как псы голодные, за кость
Грызутся снова.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПЕРИОД

(1857 — 1861 гг.)

ЮРОДИВЫЙ

Во дни фельдфебеля-царя
Капрал Гаврилович Безрукий
Да унтер пьяный Долгорукий
Украиной правили. Добра
Они изрядно натворили,—
Немало в рекруты забрали
Людей сатрапы-унтера.
Особенно капрал Гаврилыч
Вдвоем с ефрейтором своим,
Отменно шустрым и лихим,
Так весь народ замуштровали,
Что сам фельдфебель любовались
Муштровкою и всем другим
И «благодарны пребывали
Всегда к ефрейторам своим».
А мы смотрели и молчали,
Да молча мы скребли чубы,—
Немые, подлые рабы,
Холопы царские, лакеи
Капрала пьяного! Не вам,
Не вам, расшитые ливреи,
Доносчики и фарисеи,
За правду пресвятую встать
И за свободу! Распинать,
А не любить учились брата!
О род презренный и проклятый,
Когда издохнешь ты? Когда
И мы дождемся Вашингтона
И правды нового закона?

Дождемся, верю! Будем ждать!
Не сотни вас, а миллионы
Полян, дулебов и древлян
Гаврилыч гнул во время оно;
А вас, почтенных киевлян,
И ваших милых киевлянок
Отдал своим профосам пьяным
В батрачки тот сатрап-капрал,—
Вам горя мало! А меж вами
Нашелся все же некий малый,
Такой чудак-оригинал,
Что в церкви... в морду дал капралу,
И зажило — как не бывало,
Как на собаке.

Так-то так!

Нашелся все ж один казак
Из многотысячного люда,
Что всю империю смутил,
Сатрапу в морду закатил.
А вы, юродствуя, покуда
Был не совсем здоров капрал,
Юродивым тут нарекли вы
Святого рыцаря. А бывший
Фельдфебель ваш Сарданапал
Послал на каторгу святого,
А для побитого, седого
Сатрапа «вечно» пребывал
Преблагодарным...

И другого

Не вышло ничего. И драму
По закоулкам темным самым
На свалку вынесли. А я...
О ясная звезда моя!
Меня из пут освобождая,
Ведешь на свалку к Николаю,
Над этой ямой выгребной
Огонь ты разливаешь свой
Животворящий. В смрадном хламе
Передо мной встают столпами
Его безбожные дела...
Безбожный царь, источник зла,
Гонитель правды, кат жестокий,
Что натворил ты на земле!

А ты, всевидящее око!
Знать, проглядел твой взор высокий,
Как сотнями в оковах гнали
В Сибирь невольников святых?
Как истязали, распинали
И вешали?! А ты не знало?
Ты видело мученья их
И не ослепло?! Око, око!
Не очень видишь ты глубоко!
Ты спишь в киоте, а цари...
Да чур проклятым тем неронам!
Пусть тешатся кандальным звоном,—
Я думой полечу в Сибирь,
Я за Байкалом гляну в горы,
В пещеры темные и норы
Без дна, глубокие, и вас,
Поборников священной воли,
Из тьмы, из смрада и неволи
Царям и людям напоказ
Вперед вас выведу, суровых,
Рядами длинными, в оковах...

ДОЛЯ

Ты не лукавила со мною,
Ты другом стала и сестрою
Мне, бедному. Меня взяла
Ты за ребяческую руку,
И к пьяному дьячку свела,
И отдала ему в науку.
«Учись! Когда-нибудь, малыш,
И выйдем в люди», — ты сказала.
Я и послушался, глядишь —
И выучился. Ты ж солгала.
Да что! Куда уж в люди нам!
Мы не лукавили с тобою,
Мы прямо шли, и ни зерна
У нас неправды за собою.
Пойдем же, долюшка моя!
О друг мой бедный, нелукавый!
Пойдем же дальше, дальше слава,
А слава — заповедь моя.

МУЗА

А ты, пречистая, святая,
Подруга Феба молодая!
Меня ты на руки взяла
И в даль степную унесла,
И на кургане среди поля,
Как волю, чистое раздолье
Седым туманом повила,
И пеленала, и ласкала,
И чары деяла... И я...
Мой друг, волшебница моя!
Ты мне повсюду помогала,
Заботой нежной окружала.
 В степи, безлюдной и немой,
 В далекой неволе
 Ты сияла, красовалась,
 Как цветок средь поля!
 Из казармы душной, грязной
 Чистою, святою
 Пташечкою вылетела
 И вдруг надо мною
 Полетела и запела...
 Золотые крылья
 Животворною водою
 Душу окропили.
И я живу, и надо мною
Своею божьей красотой
Сияешь ты, звезда моя,
Моя наставница святая!
Моя ты доля молодая!
Не оставляй меня. В ночи,
И днем, и в утреннем тумане
Ты надо мной витай, учи,
Учи нелживыми устами
Вещать лишь правду в наши дни,
Молитвой сердце облегчая.
Когда ж умру, моя святая,
Моя родная! — схорони
Сама ты горемыку-сына
И хоть слезу, мой друг единый,
Из глаз бессмертных урони.

СОН

Она на барском поле жала
И тихо побрела к снопам —
Не отдохнуть, хоть и устала,
А покормить ребенка там.
В тени лежал и плакал он.
Она его распеленала,
Кормила, нянчила, ласкала
И незаметно впала в сон.
И снится ей житьем довольный
Ее Иван. Пригож, богат,
На вольной, кажется, женат
И потому, что сам уж вольный.
Они с лицом веселым жнут
На поле собственном пшеницу,
А детки им обед несут.
И тихо улыбнулась жница.
Но тут проснулась... Тяжко ей!
И, спеленав малютку быстро,
Взялась за серп — дожать скорей
Урочный сноп свой до бурмистра.

* * *

Я, чтоб не сглазить, не хвораю,
Но за собою замечаю —
Неладно с сердцем у меня.
Как бы голодное дитя,
Чего-то ждет оно, рыдает,
Не спит. Быть может, ожидает
Дурного? Доброго не жди —
Напрасно воли поджидаем:
Придавленная Николаем,
Заснула. Чтобы разбудить
Беднягу, надо поскорее
Всем миром закалить обух
Да наточить топор острее
И вот тогда уже будить.
А то, пожалуй, так случится —
До Страшного суда заспится!
Паны помогут крепко спать:

Всё будут храмы воздвигать
И своего царя хмельного
Да византийство прославлять,
И не дождемся мы другого.

N.N.

Как ты, лилеею такую ж
Когда-то дева расцвела
На Иордане и несла
Святое слово над землею.
Когда б и ты, днестровский цветик...
Нет, нет! Помилуй бог! Распнут.
В Сибирь в оковах поведут,
И ты, мой беззащитный цветик...
Не вымолвить...

Веселый рай
Пошли ей, господи, подай!
Ей счастье дай на этом свете,
Иного ей ты не давай.
Да не бери ее весною
В небесный рай, но в нашей мгле
Ты дай твоею красотою
Налюбоваться на земле!

ФЕДОРУ ИВАНОВИЧУ ЧЕРНЕНКО

На память 22 сентября 1859 г.

Ой, на горе яр-хмель цветет,
А под горой казак идет,
Узнать казак пытается:
Где же счастье скрывается?

То ли в шинках с богачами?
То ли в степях с чумаками?
То ли ветром в чистом поле
Развеяно по раздолью?

Не там, не там, друг-приятель,—
У дивчины, в чужой хате,

В полотенце да в холстине
Запрятано в новой скрыне.

* * *

Ой, мама, мама, как я страдаю!
Есть очи ясные, а я не знаю,
С кем обменяться мне взглядом, не знаю!

Ой, мама, мама, беда какая!
Есть руки белые, да не ласкаю,
Да никого-то вот я не ласкаю.

Ой, мама, мама ты дорогая!
Есть ноги легкие, да вот, родная,
С кем танцевать-то мне, мама родная?

СЕСТРЕ

Я проходил по нищим селам,
Днепровским селам невеселым,
И думал: где приют найду,
Где скроюсь я, за что страдаю?
И мне приснился сон: в саду
Одна, цветами обвитая,
Как будто девушка, стоит
На горке невысокой хата,
И Днепр наш, водами богатый,
Родной, сияет и горит!
И вижу я — в саду тенистом
Одна под вишнею ветвистой
Моя родимая сестра.
Многострадальная, святая,
В прохладе рая почивает,
Из-за широкого Днепра
Меня, бедняга, поджидает,
И чудится ей: челн мелькает,
Над волнами взлетает челн
И вновь скрывается меж волн...

«Мое ты счастье! Брат!» Но боле
Не длится этот сон, и ты...
На барщине, а я в неволе!..
Вот так с младенчества иди
Пришлось нам по колючим нивам!
Молись, сестра! Коль будем живы,
Его нам поможет их пройти.

МАРКО ВОВЧКУ

На память 24 января 1859

Недавно за рекой Уралом
Скитаясь, небо я молил,
Чтоб наша правда не пропала,
Чтоб наше слово не смолкало;
И вымолил. Господь явил
Тебя нам, кроткого пророка
И обличителя жестоких
Несытых катов. Свет ты мой!
Моя ты зоренька святая!
Моя ты сила молодая!
Гори, сияй и надо мной,
И, неукрытое, простое,
Согрей ты сердце мне больное,
Голодное... И оживу
И думу вольную на волю
Из гроба к жизни воззову,
И думу вольную... О доля!
Моя ты дочь! Поборник воли!
Твоею думу назову.

МОЛИТВА

Царям, всесветным шинкарям,
Дукаты, талеры, рубли
И путы лютые пошли!

Рабочим головам, рукам
Средь обокраденной земли
Свою ты силу ниспошли.

Мне ж, сыну горестной земли,
Подай любовь, сердечный рай
И больше благ мне не давай!

* * *

Царей, кровавых шинкарей,
Ты в цепи крепкие закуй,
В глубоком склепе замуруй!

Рабочим людям, всеблагий,
Сынам ограбленной земли
Свою ты силу ниспошли!

А чистых сердцем — возле них
Поставь ты ангелов своих,
Чтоб чистоту их соблюли!

Мне ж, господи, любовь подай
К заветам праведным земли
И друга верного пошли!

* * *

Злоначинающих сдержи,
Ты их в оковы не закуй,
В глубокий склеп не замуруй!

А доброзидущим рукам
И укажи и помоги,
Святую силу ниспошли!

А чистых сердцем? Возле них
Постави ангелов своих
И чистоту их соблюди.

А всем нам, детям сей земли,
Единомыслие подай
И братолюбие пошли.

* * *

В былые дни, во время оно,
Помпилий Нума, римский царь,
Тишайший, кроткий государь,
Уставши сочинять законы,
Пошел однажды в лес гулять,
Чтоб там, для отдыха поспавши,
Додумать, как бы заковать
Всех римлян в цепи. И, нарвавши
Лозы зеленой по пути,
Из прутьев петлю стал плести
На чью-то шею. Вдруг неожиданно
Он видит, что в тени платана
Спит девушка среди цветов...
Дриады стройные лесов
Померкли пред ее красою,
Перед богинею такою!
Пред ней Эгерия в тоске
Повисла в петле на суке.
Но на цветы взирая Нума
И на девицу, мудр и тих,
А в голове одна лишь дума:
«Как подданных сковать своих?»

* * *

Ненасытным очам,
Тем царям-божествам
Корабли и плуги,
Все богатства земли,
И хвалы, и псалмы —
Этим мелким божкам!

Работающим умам,
Работающим рукам —

Целину поднимать,
Думать, сеять, не ждать,
Что посеяно — жать
Работающим рукам.

Кротким сердцем простым
Миролюбцам святым,—
Царь небес и земли,—
Долголетье живым,
А усопшим твоим
Рай небесный пошли.

Все на свете — не нам,
Все богам, все царям!
Корабли и плуги,
Все богатства земли,
Друг мой милый... А нам...
Нам любовь меж людьми.

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

В Путивле-граде утром рано
Поет и плачет Ярославна,
Поет кукушкою, скорбя,
И скорбью мучает себя.
Молвит: «Полечу зегзицею,
Сизой чайкою-вдовицею
Я вдоль по Дону полечу,
Рукав бобровый омочу
В Каяле. И на теле белом,
На теле князьем омертвелом,
Я кровь сухую оботру,
Глубокие омою раны...»

И стонет-плачет Ярославна
В Путивле рано на валу:
«Ты ветер, ветер мой, ветрило!
Ты, господин мой легкокрылый!
Зачем крылом могучим ты
На войско наше с высоты,

На войско князя неустанно
Бросаешь злые стрелы хана?
Не мало ль неба, и земли,
И моря синего? На море
Качай насады-корабли.
А ты прелютый... Горе! Горе!
Мое веселье ты украл,
В степи ковыльной разбросал».

Тоскует, стонет, плачет рано
В Путивле-граде Ярославна
И молвит: «Сильный и седой,
Широкий Днепр! Своей волной
Пробил еси крутые скалы,
Катясь по землям половецким,
Носил еси на байдаках
На половцев, на Кобяка —
Носил дружину Святославлю!..
О мой Славутич достославный!
Мое ты ладо принеси,
Чтоб я постель ему постлала
И в море слез не посылала,—
Слезами моря не долить».

И плачет-плачет Ярославна
В Путивле, на воротах града...
Святое солнышко взошло.
И молвит: «Солнце пресвятое
На землю радость принесло
Земле и людям. Надо мною
Одной досель не рассвело.
Ты, господин мой, сжег долины,
Спалил еси траву степей,
Спалил и князя и дружину,
Теперь вдову его убей!
Ты, солнце! Не свети, не грей,—
Мой князь погиб... я тоже сгину!

* * *

С рассвета и до вечера,
А с вечера и до света

Летит стрела каленая,
Гремит сабля о шеломы,
Трещит копьё булатное
Среди незнаемого поля,
Вокруг — земля Половецкая.

Распахана копытами,
Лежит земля изрытая,
Костьми земля засеяна,
Вся кровию политая.
Тоска-печаль на этом поле
Взошла над Русскою землей.

Что там шумит, что там звенит
Пред зорями? То Игорь войско
Вспять возвращает на подмогу
Буй-туру князю Всеволо́ду.

Сражались день,
Другой сражались,
На третий, около полудня,
Поникли Игоревы стяги.
Вот так на берегу Каялы
Расстались братья: недостало
Вина кровавого! Кончала
Дружина русичей тот пир.
Сватов напоили
И полегли рядами
За землю Русскую. В печали
Во прах легла плакун-трава,
Клонились долу дерева,
Клонились долу, тосковали.

* * *

Умре муж велий в власянице.
Не плачьте, нищие вдовицы!
А ты, Аскоченский, восплачь —
Во утрие на тяжкий глас!
И Хомяков — Руси ревнитель,
Москвы, отечества любитель,
Об юбкоборце громко плачь.

И вся — о «Русская беседа»! —
Во глас единый исповедуй
Свои грехи.

И плачь! и плачь!

ГИМН ЧЕРНИЦ

Гром, ударь над божьим домом,
Домом тем, где смерти ждем мы,
Тебя, боже, проклинаям,
Проклиная, распеваем:
Аллилуйя!

Если б не ты, мы б любили,
Замуж мы бы выходили,
Мы бы деточек растили,
Хором пели, выводили:
Аллилуйя!

Обманул нас, бедных, боже,
Обокрал ты нас... Ну, что же!
И тебя мы обманули,
Обманувши, затанули:
Аллилуйя!

Хоть постриг ты нас в черницы,
А мы таки молодницы..
Мы танцуем, припеваем,
Припевая, повторяем:
Аллилуйя!

* * *

Над днепровскою водою
Стоит явор меж лозою,
Меж лозою, меж тонкою,
С калиною и елкою.

Вода берег роет, роет,
Яворовы корни моет.

Наклонился он угрюмо,
Горькую задумал думу.

Так казак грустит, унылый,
Что без счастья и без милой
Он один живет на свете,
Одиноким старость встретит.

Явор молвит: «Наклонюся
Я к Днепру да окунуся».
Казак молвит: «Поголяю,
Любимую повстречаю».

А та елка с калиною,
Вместе с тонкой лозиною,
Как девчата, выступают,
Выступая распевают.

Разубраны, наряжены,
С счастьем-долей повенчаны,
Дум-забот они не знают,
Вьются-гнуется, распевают.

* * *

Играли вместе, подросли;
К веселью в юности остыли,
Как будто вправду разошлись!..
Да вновь сдружились, поженились;
И тихо, весело дошли
С душою непорочной оба,
С сердцами чистыми до гроба.
А по земле ведь оба шли!

Ты дай и нам, всещедрый боже,
Вот так цвести, вот так расти,
Так пожениться и идти,
Не ссорясь меж собой в дороге,
На тот свет тихий перейти.
Не плач, не ярость, не стенанья —

Любви бессмертное дыханье
На тот свет тихий пронести.

* * *

Свете ясный! Свете тихий!
Свете дивный! Свете вольный!
Что ты гибнешь, свете-брате,
В золотой церковной хате,
Обманутый, закованный,
Поруганный, оплеванный,
Багряницами закрытый
И распятием добитый?

Не добитый! Встрепенися
Да над нами засветися!
Засветися... Будем лучше
С багряницы драть онучи,
Из кадил табак курить,
Печь иконами топить...
А кропилом будем, брате,
Подметать пол в новой хате!

ЛИКЕРИИ

На память 5 августа 1860 г.

Моя голубка! Друг мой милый!
Нам не поверит без креста,
Нам не поверит без попа
Невольник или раб унылый!
Заснул в неволе он постылой,
Как боров в луже!! Друг мой милый,
Моя голубка! Не крестись,
И не клянись, и не молись
Ты никому! Солгут все люди,
И византийский саваоф
Обманет! Не обманет бог,—
Карать и миловать не будет:

Мы не рабы его — мы люди!
Моя голубка! Улыбнись
И вольную святую душу
И руку вольную, друг милый,
Мне протяни. И перейти
Нам эту лужу даст он силы,
Поможет горе донести
И скрыть боль горечи тяжелой
В светлице тихой и веселой.

Н. Я. МАКАРОВУ

На память 14 сентября

Барвинок цвел и зеленел,
Стлался, расстилался;
Да морозец предрассветный
К цветам подобрался.

Потоптал он сад веселый,
И цветов не стало...
Жалко, жалко барвиночка
И морозца жалко!

* * *

Ни Архимед, ни Галилей
Вина не ведали. Елей
По нраву чернецам-обжорам.
А вы по всем земным просторам,
Святые вестники, пошли
И горстку зерен понесли
Царям ничтожным. Будет бито
Посеянное ими жито!
А люди вырастут. Умрут
Цари все в мире до одина...
На вновь родившейся земле

Врага не будет, властелина,
А счастье матери и сына
И люди будут на земле.

Л.

Поставлю хату — не палаты,
Зеленый садик посажу;
И посижу и похожу
В моем владенье небогатом.
А в тишине, наедине
С самим собой, так сладко спится;
Во сне приснятся дети мне
И мать веселая приснится,
Давно забытый молодой
Приснится ясный сон... И ты!..
Нет, спать мне вовсе не годится,
Ведь ты приснишься мне. В земной
Мой рай войдешь ты незаметно
И натворишь беды. Заветный
Сожжешь ты рай спокойный мой.

* * *

Нет, бога я не упрекаю,
Я никого не порицаю,
Сам обмануть себя спешу,
Вдобавок с песнею. Пашу
Надел убогий, сею слово
Да урожая жду святого.
Вдруг собираю. Вот так спешу
Я обмануть себя! Но знаю,
Других в обман я не звергаю.

Земля моя, распашися
Ты в степи просторной!
Ты прими в себя, родная,
Ясной воли зерна!
Распашися, развернися,
Расстелися полем!

Ты засейся добрым житом,
Ты полейся долей!
На все стороны раздайся,
Нива-десятина!
Ты засейся не словами,
А разумом, нива!
Выйдут люди. Время жатвы
Настанет счастливой.
Расстелись же, развернись же,
Убогая нива!!!

А может, странным добрым словом
Себя обманываю снова?
Обманываю! Дело в том:
Уж лучше лгать себе, я знаю,
Чем правду разделять с врагом,
Напрасно бога упрекая!

САУЛ

В непробуждаемом Китае,
В Египте темном и у нас,
Над Индом или над Евфратом
Паслись ягнята и телята;
Стада на вольном поле пас
Пастух, живя как в райском крае.
Он, думы-думушки не зная,
Пасет себе, доит, стрижет
Свою скотину, распевая...
Как вдруг сам черт царя несет
С мечом, с законом, с палачами,
С князьями, с темными рабами.
В ночи подкрались, увели
Отары с поля, а пасущих
Шатры, изодранные кущи
И всякие дары земли,
Сестер и жен уволокли,
Растлили все и осквернили,
И оскверненных, слабосильных
И нищих сердцем обрекли
Работе каторжной. Бежали

За днями дни. Рабы молчали.
Цари плодились, и росли,
И Вавилоны созидали...
И маги, бонзы и жрецы
(Как все духовные отцы)
В церквах и пагодах питались.
(Не кабаны ль царям на сало
Иль на колбасы?) А цари
Себе самим сооружали
Кумирни, храмы, алтари —
Рабы немые поклонялись.
Завидно иудеям стало,
Что хоть плюгавого царя,
Навозного хоть алтаря
Нет у сердешных. Попросили
Дряхлеющего Самуила:
Где хочет, чтоб искал не зря.
И дал бы, старый, им царя.
И вот премудрый прозорливец,
Помозговавши, взял елей,
Отняв от козлиц и свиней,
Саула нашего, верзилу,
Помазал сразу же в цари.
Саул, не будучи дурак,
Набрал гарем себе, и стал он
Спокойно царством управлять.
Дивились пастухи немало,
И говорили простаки:
«Видать, и мы не дураки,
Уж если господа святого
Мы умолили дать такого
Нам самодержца». А Саул
Берет и город и аул,
Отроковицу и ягницу,
Из кедра строит он светлицы,
Престол из золота кует,
Благоволенья раздает
Рабам всеподданнейшим голым
И в багрянице долгополой
По храму ходит, одиноч,
Пока (был лоб недаром низок),
Уединясь средь одалисок,
С ума не спятил голубок.

Старейшины сошлись в покоях,
Сказали: «Общество честное,
Что делать нам? Наш мудрый царь,
Самодержавный государь,
Свихнулся, потерял здоровье.
Ну, стоит ли его лечить?
Не лучше ли заполучить
Царя поздоровей?» На слове
На этом встали, разошлись
Печально пастыри.

В кедровых
Палатах новых царь не спит,
Не ест, не пьет и не шумит,
Лишь молча государь могучий
Дерет порфиру на онучи
К лаптям, как будто бы всерьез
Бечевки ладит, надевает.
Про отчего осла вопрос
Он к новым стенам обращает
Иль, скипетр взявши, заиграет,
Как на свирели.

Пастухи,
Вениаминовы внучата,
Тельца лакеям принесли,
Чтоб разрешили, не в палатах,
А хоть в сенях, запеть. Ревет,
Седоборода, волосата,
Родня Саулова, пузата,
И гусяра с собой ведет,
Еще неизвестного Давида.
«И выдет царь Саул, и выдет,—
Пастух поет им,— на войну...»
Саул очухался — и ну,
Что твой солдат, отборным матом
Всех родственников волосатых
И вдоль и поперек честить.
А гусяра того, Давида,
Чуть не убил. Когда бы знал,
Беда какая после выйдет
Из-за лукавого Давида,
Не только б гада растоптал —
И ядовитую б растер

Слюну змеи. Ведь до сих пор
То поле плугом не распашешь,
Проклятое: все заросло
Репьем колючим. Горе наше:
Мельчают люди — и, смотри,—
Растут и высятся цари!

* * *

И молодость моя минула,
И от надежд моих дохнуло
Холодным ветром. Зимний свет!
Сидишь один в дому суровом,
И не с кем даже молвить слова
Иль посоветоваться. Нет,
Ну, никого совсем уж нет!
Сиди один, пока надежда
Тебя, глупца, не засмеет,
Морозом взор не закует
И гордость дум, что были прежде,
Не разнесет, как снег в степи.
А ты сиди в углу, терпи,
Не жди весны счастливой доли,
Она уж не вернется боле
Твой бедный сад позеленить,
Твою надежду обновить
И мысль свободную на волю
Не сможет выпустить. Сиди,
Сиди и ничего не жди!

* * *

Титаривна-Немиривна
Платок вышивает.
И ребенка-солдатенка
Малого качает.
Титаривна-Немиривна
Пред людьми кичилась...
А с военным-прощельгой,
Гляньте-ка, слюбилась.

Титаривна-Немиривна
Хорошего рода...
Ждет-пождет, когда вернется
Юнкер из похода.

* * *

Хотя лежачего не бьют,
Лежать, однако, не дают
Негодному... Тебя ж, о сука!
И сами мы, и наши внуки,
И люди миром проклянут!
Не проклянут, а только плюнут
На тех раскормленных щенят,
Что ты щенила. Мука! Мука!
О скорбь моя, моя печаль!
Когда ты сгинешь? Или псами
Цари с министрами-рабами
Тебя затравят, изведут?
Не изведут! А люди тихо
Без всякого лихого лиха
Царя на плаху поведут.

* * *

Куда ни глянешь — все постыло!
Душа с зарей глаза открыла;
Чуть попряла и прилегла
Вздремнуть, забыв о доле тяжкой,
А воля душу стерегла.
«Проснись, — сказала, — плачь,
бедняжка!
Не встанет солнце. Мир во мгле!
И правды нету на земле!»
Но солгала дурная воля
Тебе, душа: заря встает
И за собою день ведет.
Уже трепещут на престоле
Цари в своем бессильном зле...
И будет правда на земле!..

* * *

О люди, вам ли жить во мраке?
Зачем вам надобны цари?
Зачем вам надобны псари?
Вы ж люди, люди, не собаки!

Снег, холод, улицы пустынные,
Ночная непогода. Нева
Под мостом движется едва
И катит тоненькие льдины.
А я иду в ночи сырой,
Меня замучил кашель злой.
Смотрю: как жалкие ягнята,
Плетутся девочки куда-то,
А инвалид сердешный, дед,
Бредет за ними, ковыляет,
Как бы в овчарню загоняет
Чужое стадо. Где же свет?
Где правда? Горе, горе стонет!
Голодных, чуть не голых, гонят
К усопшей матери сирот
(*Последний долг отдать*), как скот,
Как бессловесную отару.
Где суд? Где правда? Скоро ль кару,
Цари, низвергнет мир на вас?
Да! Солнце, вдруг остановясь
Над оскверненной землею,
Сожжет ее, сровнит с золою.

* * *

Вот если мне бы все же хлеба
Отведать с другом довелось,
Тогда бы мне на свете белом
Хотя бы как-нибудь жилось.
Да не с кем! Свет такой широкий,
Людей на нем не сосчитать,
А доведется одиноко
В холодной хате кривобокой
Или под тыном помирать.

А то... Нет, надобно жениться
Хотя б на чертовой сестре!
Не то один в своей норе
Рехнусь, пожалуй. Рожь, пшеница —
На доброй почве семена
Взошли. А люди — вот те на! —
Пожнут плоды чужой землицы
И скажут: «В дальней стороне
Погиб бедняга». Горе мне!

* * *

И день идет, и ночь идет.
За голову схватившись в муке,
Все думаешь: когда ж придет
Апостол правды и науки!

* * *

Течет вода от явора
Яром на долину.
Красуется над водою
Красная калина.
Красуется калинонька,
Явор молодеет,
А кругом их верболозы,
Лозы зеленеют.

Течет вода из-за леса
Под самой горою,
Там плещутся утяточки
Меж речной травой.
А уточка выплывает
С селезнем за ними,
Ловит ряску, рассуждает
С детками своими.

Течет вода в огороде,
Вода прудом стала.

Пришла девушка брать воду,
Брала, запевала.
Вышли мать, отец из хаты,
В садике гуляют.
Зятем им назвать кого бы,
Думают, гадают.

* * *

Однажды над Невою иду
В глухой ночи... И на ходу
Так размышляю сам с собою:
«Когда б,— я думаю,— когда б
Таким покорным не был раб,
То оскверненных над Невою
Не возвышалось бы палат.
Была б сестра, и был бы брат.
А то лишь слез и горя много,
И нет ни бога, ни полбога...
Псари с псарятами царят,
А мы с ухваткой доезжачих
Борзых собак растим и плачем».
Вот так, шагая над Невою,
И размышлял я сам с собой,
Тяжелой думой озадачен.
А за рекою, как из ямы,
Глаза кошачьи на меня
Глядят,— то фонари горят
Возле апостольского храма.
Тут спохватился и крестом
Я осенился, трижды плюнул
И снова думать стал о том,
О чем все это время думал.

* * *

Сраженья были, распри — все бывало.
Галаганы, и Кисели, и Кочубеи-Ногаи,
Видали мы добра немало.
Минуло все, да не пропало,—

Остались червяки: грызут,
Сверлят и точат сердце дуба,
А от него спокойно, любо
Побеги юные растут
И вырастут; и без секиры
Все загудит и заревет,
Казак безверхий упадет,
Раздавит трон, порвет порфиру,
Низложит вашего кумира,
Людские червяки! Родня,
Друзья отечества чужого,
Не станет идола святого,
И вас не станет. И одна
Крапива, ничего другого
На вашей не взойдет могиле.
Над грудой груды встанет гнили,
Но и навоз зловонный тот,
Развеян ветром, пропадет.
И, не богаты, не убоги,
Молитвой мы прославим бога.

* * *

И встретились, и обвенчались,
Помолодели, расцвели.
Зеленый садик развели
Вкруг хаты. И не горевали,
И дети малые играли,
Росли себе да подрастали...
Солдаты дочерей украли,
А сыновей в солдаты взяли,
А мы как будто разошлись,
Как будто даже не встречались.

* * *

Кума моя и я
Петропольским шли лабиринтом.
Блуждали мы — и тьма, и тьма...

«Заглянем, куме, в пирамиду,
Зажжем лампаду». И вошли.
Елей и миро принесли,
И жрец смазливенький Изиды,
Ее слуга, потупил взор
И скромно длань свою простер,
И хор, по манию лакея,
Или жреца: «Во Иудее
Бысть царь Саул». А после хор
Рванул Бортнянского: «О скорбь,
О скорбь моя! Ты столь велика!..»

* * *

Что ж, не пора ли понемногу
С тобою, спутницей убогой,
Нам вирши слабые бросать
И помаленьку собирать
Телеги в дальнюю дорогу?
На тот свет, к пресвятому богу
Пойдем, бедняга, отдыхать.
Устали мы, поистрепались,
А все ж и разуму набрались.
Довольно с нас — пойдем-ка спать,
В последней хате отдыхать...
Такой еще мы не видали!..
Ой, не надо, друг, не надо,
Рано нам прощаться;
Нам еще ходить бы рядом,
Свету удивляться.
Посмотри же, моя доля,
Он такой широкий,
Он широкий и веселый,
Ясный и глубокий.
Что ж, звезда моя, побродим,
Поднимемся в горы.
Будут звезды — твои сестры —
Светить в эту пору,
Бесконечные, по небу
Поплывут, мерцаая...
Подождем, сестра родная,
Подруга святая!

И правдивыми устами
Помолимся богу.
И пойдем себе тихонько
В дальнюю дорогу.
Над бездонной мутной Летой
Мы пойдем с тобою,
И меня благословишь ты
Славою святою.

14 февраля

Покамест то да се, с поклоном
С тобою запросто пойдем
Мы к Эскулапу на прием:
А вдруг обманет он Харона
И Парку?.. Мы тогда с тобой,
Пока мудрил бы дед седой,
Творили б, лежа, эпопею,
Высоко над землею рея,
Да все б гекзаметры плели
И на чердак стихи снесли,
Чтоб мышцы их на завтрак съели.
Мы прозу бы по нотам пели,
Не как-нибудь. Товарищ мой,
Мой спутник верный и святой!
Пока огонь не гаснет, тлеет,
Пойдем к Харону веселее.
Через волны мутной Леты
Сыщем переправу,
Переплывем, перенесем
И святую славу —
Неизменно молодую...
Впрочем, друг мой милый!
Обойдемся и без славы.
Если ж хватит силы,
То над самым Флегетоном,
Над Стиксом, речкою в раю,
Как над Днепром своим широким,
Я вспомню родину свою, —
Поставлю хату там и садом
Ее веселым окружу.

Ты вечером придешь, и рядом
Тебя, как кралю, посажу.
Мы Днепр, Украину помянем
И хаты белые в садах,
Курганы старые в степях,
И песню весело затынем...

ПОЭЗИЯ ВЕЛИКОГО КОБЗАРЯ

Он тем велик, что он совершенно народный писатель, как наш Кольцов. Но он имеет гораздо большее значение, чем Кольцов, так как Шевченко также и политический деятель и явился борцом за свободу.

А. И. Герцен

Труден и мучителен был жизненный путь Тараса Шевченко. Крепостной, он с детских лет познал тяжелый труд, издевательства господ и нищету. Но необычайная одаренность и трудолюбие помогли ему достичь высот культуры, стать великим народным поэтом — родоначальником украинской литературы, замечательным художником, мыслителем, великим революционером.

* * *

Тарас Григорьевич Шевченко родился 25 февраля (9 марта) 1814 года в селе Моринцы Звенигородского уезда Киевской губернии, в семье крепостного крестьянина. Когда мальчику исполнилось два года, семья переехала в село Кирилловку. У сельского дьячка будущий поэт и художник научился грамоте.

В 1823 году умерла его мать, а в 1825-м — отец. Несколько лет Тарас батрачил у богатых селян, продолжая обучение у сельских дьячков.

В 1828 (или 1829) году подросток попал в дворовые к богатому помещику Энгельгардту. Сопровождая господина, Шевченко побывал в Киеве, Вильно, Петербурге.

Тарас служил комнатным «казачком» и выполнял разные поручения барина. По просьбе юноши помещик отдал Тараса по контракту «живописных дел» мастеру Ширяеву. Тот заметил страсть Шевченко к рисованию и обучал его живописному искусству. Ширяев был лучшим художником-декоратором: ему поручалась внутренняя отделка петербургского Большого театра.

Но Ширяев нещадно эксплуатировал своих учеников. Жили они у него на грязном чердаке.

В белые ночи Тарас ходил рисовать статуи в Летний сад, для чтения использовал всякую возможность. Работы юного живописца

заметил земляк Шевченко — художник И. М. Сошенко, принявший живейшее участие в дальнейшей судьбе талантливого юноши.

Конференц-секретарь Академии художеств В. И. Григорович попросил поэта В. А. Жуковского помочь выкупить Шевченко из крепостной неволи. Для этой цели Карл Брюллов нарисовал портрет Жуковского, который был разыгран в лотерею. За 2500 рублей 22 апреля 1838 года купили Шевченко свободу.

24-летний молодой человек, оказавшись на свободе, тесно сблизился с группой русских писателей и художников, помогавших его быстрому духовному росту. Он много читает произведений русских и западных писателей.

Стихи Шевченко начал писать в середине 30-х годов. До нас дошло лишь одно произведение этого времени — баллада «Порченная». Затем были созданы поэмы «Тарасова ночь», «Катерина», «Гайдамаки», «Слепая» и историческая баллада «Иван Подкова», в которых наряду с изображением прошлого поэт рисует картины из современной ему жизни.

Воспевая борьбу народа против иноземных поработителей и «собственных» панов, Шевченко и в произведениях на исторические темы отвечал на самые злободневные вопросы тогдашней действительности.

В апреле 1839 года отмечены успехи Шевченко в живописи — он получил серебряную медаль Академии художеств.

В апреле 1840 года Шевченко напечатал свой первый сборник — «Кобзарь». Под этим названием будут издаваться впоследствии все его поэтические сборники.

«Кобзарь» вышел на украинском языке и включал в себя всего восемь стихотворений. Они отличались романтическим характером, с преобладанием жанра баллады. В сборнике отразились думы и чаяния украинского народа. Новизной тематики, свежестью языка сборник покориł современников. В нем даны россыпи афоризмов, пословиц и поговорок, конденсировавших народную мудрость.

С момента появления в печати «Кобзаря» слава пришла к Шевченко сразу и навсегда.

Весной 1843 года Шевченко, с целью изучения жизни своего народа, совершает поездку на Украину. По пути он заезжает в Кирилловку, где после четырнадцатилетней разлуки встречается со своими родственниками.

В начале 1844 года поэт возвращается в Петербург (во время остановки в Москве он познакомился с выдающимся актером — выходцем из крепостных М. С. Щепкиным). В этом же году Шевченко начал издавать альбом «Живописная Украина», привлекая к сотрудничеству крупных художников и писателей.

Академию художеств он окончил в 1845 году и снова отправляется в поездку по Украине. Посетил города Каменец-Подольск, Новоград-Волынский, Кременец, Дубно, Почаев, Ковель, Острог.

В Киеве в 1846 году Шевченко познакомился с украинскими либералами Н. И. Костомаровым и другими членами Кирилло-Мефодиевского братства — тайного политического общества, названного именами славянских просветителей — братьев Кирилла и Мефодия.

5 апреля 1847 года за принадлежность к Кирилло-Мефодиевскому братству поэт был арестован вблизи Киева. Арестованного доставили в каземат III отделения у Цепного моста в Петербурге. 28 мая того же года без суда был оглашен приговор: Шевченко отдать в солдаты и сослать в закаспийские степи «за сочинение возмутительных и в высшей степени дерзких стихотворений». На приговоре царь Николай I собственноручно написал: «Под строжайший надзор с запрещением писать и рисовать».

Других кирилло-мефодиевцев наказали значительно мягче: Н. И. Гулаку — три года тюрьмы, Н. И. Костомарову — год, А. А. Навроцкому — 6 месяцев, П. А. Кулищу — 4 месяца с последующей высылкой на службу в разные губернии.¹

ДО АРЕСТА И ССЫЛКИ (1837—1847 гг.)

Глубокая ненависть к самодержавию определила все творчество Шевченко, что проявилось уже в произведениях первого периода.

Молодой поэт выступил в роли обличителя крепостничества, рисуя картины народных восстаний («Гайдамаки», «Гамалия»).

Поэма «Гайдамаки» (1841), полный перевод которой на русский язык появился в «Современнике» в мае 1861 года, посвящена теме героического прошлого украинского народа. Шевченко описывает Колявщину — знаменитое восстание украинских крестьян 1768 года. В этой поэме ярко выписаны образы батрака Яремы — центрального героя произведения, его невесты Оксаны, кобзаря Валаха, сподвижников Яремы Зализняка и Гонты.

Ярема, как и остальные герои поэмы, живет одними интересами с людьми труда. Идея народности, призыв к вооруженной борьбе — главная мысль «Гайдамаков».

В других произведениях поэт изображает тяжкую судьбу обездоленных, обманутых и гонимых. Трагична судьба Катерины из одноименной поэмы. Обманутая офицером, она с позором изгоняется из

¹ Николай Иванович Гулак — воспитанник Дерптского университета, молодой чиновник и его двоюродный брат Александр Навроцкий, живший вместе с ним, составляли радикальное крыло общества.

дома, вокруг нее — атмосфера презрения. Завершается поэма гибелью отчаявшейся героини, которая не встретила ни помощи, ни поддержки как у родных и близких, так и у чужих людей.

Поэму «Наймичка» (1845) (она публиковалась часто под заглавием «Батрачка») Л. Толстой относил к числу немногих «настоящих» произведений, в которых «трогательно разработана вечная тема — сила материнской любви». В «Наймичке» Шевченко показывает тяжелую долю крестьянки, изображая ее в повседневном труде.

В лирических стихах, а также в поэмах Шевченко выразил свои стремления к свободе и ненависть к деспотизму. И выражено это с большой художественной силой, необычайно эмоционально.

В поэме «Еретик» (1845) создан образ борца за народ «еретика» Яна Гуса — героя чешского освободительного движения. Поэт подчеркивает, что заодно с поработителями народа действуют и служители религии. Они «гадюками зашипели», «завыли по-волчьи», называя Яна Гуса еретиком. Несломленным героем Гус взшел на костер.

Поэма оказалась злободневной, ибо решала многие вопросы общественной жизни России 40-х годов, была тесно связана с русской действительностью.

Характерно, что Шевченко опирался не только на литературные источники при описании исторических событий, но и черпал географический и этнографический материал из устных рассказов. А. Афанасьев-Чужбинский вспоминал: «Шевченко рассказывал мне, что прочел все источники о гуситах и эпохе, им предшествовавшей, какие только можно было достать, а чтобы не наделать промахов против народности — не оставлял в покое ни одного чеха, встречающегося в Киеве или других местах, у которых расспрашивал топографические и этнографические подробности»¹.

Отвергая славянофильское понимание славянской темы, поэт осуждает всякий национальный гнет, проповедует свободу народов.

Яна Гуса поэт рисует борцом за права всего народа, а не узким религиозным реформатором. Воспевая борьбу за национальное возрождение Чехии XV столетия, Шевченко ратовал за освобождение родной Украины от ига русских царей и местных крепостников.

Особой политической остротой, глубиной анализа крепостнической действительности отличается сатира Шевченко «Сон» (1844). В ней поэт изобразил полицейско-чиновничий гнет в николаевской России. Повествование ведется от лица украинского крестьянина. Герой поэмы вслед за птицей летит над землей. И перед его взором открывается панорама родной Украины с ее чудесными просторами,

¹ Афанасьев-Чужбинский А. С. Собр. соч., т. 6. СПб, 1891, с. 427.

зелеными садами, полями, лесами. Но среди мирной природы герой замечает лишь «рыдания людские».

Глазами народа смотрит рассказчик на все, что происходит в жизни. А вот как рисуется картина страданий каторжников:

«То идут, гремя цепями,
Все живые люди,
Золото из нор выносят,
Чтоб жадности лютой
Заткнуть глотку. А за что ж их
В рудники сослали?
Знает бог...»

Шевченко в этой поэме говорит о многих исторических событиях — о сооружении линии укреплений на Украине и гибели при этом тысяч строителей, о постройке Петербурга.

Поэт был свободен от национальной ограниченности. Он с уважением говорит о народах Кавказа в поэме «Кавказ», отстаивает их право на свободную жизнь и обличает царей, сеющих национальную рознь.

В широкоизвестном «Завещании» Шевченко предвидел будущую революцию и призывал к ней.

В не менее известном стихотворении «Сон» («На барщине пше-ницу жала...») поэт выразил надежду народа на светлое будущее:

«И снится ей житьем довольный
Ее Иван. Пригож, богат...»

Но в настоящем уделом жницы остается тяжкий труд на господ:

«И, спеленав малютку быстро,
Взялась за серп — дожать скорей...»

Сила поэзии Шевченко не только в ее тесной связи и родстве с устным народным творчеством. По стихам Кобзаря прослеживается весь сложный путь развития поэта как борца и революционера, выразившего настроения и мечты народные. Это сочетание народного, фольклорного начала с изумительной лиричностью, исполненной высокого гражданского пафоса, и составляет своеобразие лирики великого украинского поэта.

В ССЫЛКЕ (1847—1857 гг.)

Основными мотивами творчества Шевченко периода тюрьмы и ссылки являются тоска по родине, стремление вырваться на свободу

и призывы к борьбе с угнетателями народа (цикл стихов «В каземате», «Вишневый садик возле хаты», «В неволе тяжко...» и др.).

Нарушая запрещение писать, Шевченко сочинял стихи тайком и записывал их в маленькую тетрабочку, которую носил за голенищем сапога («за халявой» — отсюда название «Захалявные книжечки»).

«Невольничья поэзия» Кобзаря открывалась стихотворением «Думы мои, думы мои...». В нем поэт сетует на свою тяжкую судьбу:

«Думы мои, думы мои,
Самые родные!
Хоть вы меня не покиньте
В эти годы злые».

В произведениях этого периода он снова говорит о назначении своей музыки, о любви к Украине и ненависти к ее угнетателям. Собственное его горе — это горе всенародное. Дух протеста и в годы ссылки не покидает поэта. В сатире «Цари» («Сестрица бога Аполлона...»), используя сюжеты из Библии и древнерусских летописей, он проклинает царей и князей. Все они — развратники, тираны, их власть никем не ограничена. Так, царь Давид самодовольно заявляет:

«Я царь над всем народом божьим!
И сам я бог моей земли!
Я — все!..»

Описывая издевательства Давида над подданными, поэт завершает сатиру недвусмысленным призывом:

«Чтоб палачи их покарали,
Царей, проклятых палачей!»

Мотивами возмездия за унижения, зверства, попрание человеческого достоинства угнетателями народа пронизаны поэмы «Марина», «Дочка ктитора», стихотворение «Варнак», песня «Ой, наточу я товарища...» и другие произведения этого периода.

В ссылке (в Новопетровске) Шевченко написал около двух десятков повестей, из которых до нас дошло девять.

В этих произведениях («Наймичка», «Варнак», «Музыкант», «Художник», «Прогулка с удовольствием и не без морали», «Капитанша») раскрывается тяжелая, несправедливая жизнь народа при крепостном праве.

Шевченко-прозаик воспроизвел картины из действительности 40-х годов XIX века в манере художника-рисовальщика. Первостепенное внимание он уделяет портрету персонажа, пейзажу, бытовым

оценкам. Но проза явно уступает по силе художественного изображения стихотворным произведениям писателя.

Особое историко-литературное значение имеет шевченковский «Дневник», раскрывающий трагедию художника, преследуемого властями за свои революционные убеждения, за отстаивание прав народа.

«Дневник» писатель начал вести в десятилетнюю годовщину со дня ссылки и продолжал его до конца своих дней. В нем отчетливо отразился богатый внутренний мир великого поэта, раскрываются его связи со многими замечательными людьми того времени.

Важно подчеркнуть, что по «Дневнику» видно: Шевченко и в самое мрачное десятилетие своей жизни — в период ссылки — оставался мужественным борцом за торжество прогрессивных идеалов, тесно связанным с действительностью. Даже в эти годы он пристально следит за развитием русского и зарубежного искусства. В «Дневнике» упоминаются имена многих русских и иностранных писателей, называются десятки произведений художественной литературы и живописи, привлекающих внимание поэта.

Друзья Шевченко — художники и писатели — много раз хлопотали через влиятельных лиц (вице-президента Академии художеств графа Ф. П. Толстого и других) перед царем об освобождении поэта из ссылки. Но Николай I оставался глух к этим просьбам. После его смерти Александр II объявил амнистию политическим заключенным, но собственноручно вычеркнул имя Шевченко из списка амнистированных. Лишь спустя несколько месяцев повторные просьбы принудили царя дать приказ об освобождении Шевченко — это произошло 1 мая 1857 г.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПЕРИОД (1857—1861 гг.)

Путь Шевченко из Новопетровского укрепления пролегал через Астрахань, Казань, Нижний Новгород по Волге. Поэт радовался воле. Восстановил через переписку связи со многими старыми друзьями. И, естественно, продолжал заниматься литературой и живописью.

Шевченко рисует волжские пейзажи, пишет портреты. Он мечтает вернуться в Академию художеств, где у него были верные друзья — конференц-секретарь Василий Иванович Григорович и Карл Павлович Брюллов, талантом которого поэт всегда восхищался.

Оказавшись на свободе, Шевченко много читает, в том числе герценовский «Колокол», много пишет. Задумана поэма о декабристах, заканчиваются «Неофиты» — о приближающейся народной революции. В «Неофитах» и «Юродивом» поэт продолжал разоблачать само-

державие и деспотизм. В стихотворении «Хотя лежачего не бьют...», откликаясь на смерть вдовы Николая I, Шевченко осуждает весь царский род и пророчески утверждает:

«А люди тихо
Без всякого лихого лиха
Царя на плаху поведут».

После освобождения из ссылки Шевченко продолжал обличение деспотизма. Наиболее показательным в этом отношении является стихотворение «Саул» (1860), в котором с потрясающей силой раскрыты жестокость и алчность властителей.

Пастух

«Пасет себе, доит, стрижет
Свою скотину, распевая...
Как вдруг сам черт царя несет
С мечом, с законом, с палачами,
С князьями, с темными рабами.
В ночи подкрались, увели
Отары с поля, а пасущих
Шатры, изодранные кущи
И всякие дары земли,
Сестер и жен уволокли,
Растлили все и осквернили,
И оскверненных, слабосильных
И нищих сердцем обрекли
Работе каторжной».

Шевченко часто использовал библейские тексты в качестве эпиграфов, брал и сюжеты из священного писания, но это была своеобразная форма маскировки революционного содержания его произведений под благовидной внешностью библейских изречений. Такое же значение имели и обращения Кобзаря к богу в текстах стихотворений и поэм.

Великий украинский поэт унаследовал традиции декабристской лирики, в частности лирики Рылеева, в разработке образа положительного героя. Однако его герой — не трагический рыцарь-одиночка, стоящий над толпой, он кровно связан со своим народом. Шевченко преодолел оторванность декабристов от трудовых масс. Об этом можно судить хотя бы по образам Яремы из «Гайдамаков» и Никиты Гайдая из одноименной драмы.

По возвращении из ссылки Шевченко плодотворно работает и в области живописи и гравюры. За гравюры «Притча о виноградаре» и «Приятели в кабачке» в апреле 1859 года Академией художеств ему было присвоено звание академика гравюры. В том же году он совершает третью поездку на Украину — в Черниговскую, Полтавскую и Киевскую губернии.

Вскоре после этой поездки с помощью видных русских писателей и общественных деятелей — А. Дружинина, И. Тургенева, Н. Чернышевского, А. Никитенко и других поэт освободил из крепостной неволи братьев Никиту и Иосифа и сестру Ирину.

В последние годы жизни Шевченко отошел от украинских либералов — Н. Костомарова, П. Кулиша, В. Белозерского. Охладел он и к их русским единомышленникам — С. Аксакову, А. Хомякову и другим, сблизившись с членами кружка революционных демократов, возглавляемого Н. Чернышевским. Поэт понимал обманчивый характер готовящейся крестьянской реформы, с которой либералы связывали свои надежды на лучшее будущее народа, и ему с ними было не по пути.

Революционные настроения Шевченко находят отражение в его новых произведениях, которые распространяются в списках. Некоторые из них печатаются в зарубежной прессе. Шесть стихотворений поэта без его ведома в 1859 году опубликованы И. Г. Головиным в Лейпциге в сборнике «Новые стихотворения Пушкина и Шевченко». Это доставило автору, недавно вернувшемуся из ссылки, немало неприятностей. Он вынужден был явиться к начальнику III отделения князю Долгорукому и объяснить, что никаких рукописей Головину не передавал, что о печатании стихов ничего не знает.

Вторым изданием «Кобзарь» Тараса Шевченко вышел на украинском языке в 1860 году. В сборник вошло только семнадцать из ста семидесяти написанных к тому времени произведений поэта. Цензура беспощадно вымарывала все то, что хотя бы косвенно свидетельствовало о неприятии им самодержавия и крепостничества, что несло на себе печать революционного мировоззрения.

Новое издание «Кобзаря» высоко оценила русская революционно-демократическая критика. Н. А. Добролюбов выступил в «Современнике» с обстоятельной рецензией под названием «Кобзарь» Тараса Шевченко». Великий критик отмечал высокую художественную зрелость поэта и подчеркивал его тяготение к «партии народа» в литературе.

В эти годы Шевченко активно разрабатывает жанр политической лирики. В ярких художественных образах поэт раскрывает свои революционные взгляды, правдиво выражает чувства и переживания передового человека своей эпохи («И день идет, и ночь идет...», «Я,

чтоб не сглазить, не хвораю...», «Ликерии», «Титаривна-Немиривна» и др.).

В то же время Шевченко откликается на многие события современности («Однажды над Невой иду...»). На смерть петербургского митрополита Григория он отозвался эпиграммой «Умре муж велий в власянице...», написанной по-русски и клеймящей церковников и мракобесов.

В интимной лирике Шевченко раскрыл всю сложность своего внутреннего мира, воспел страдания и радости лирического героя, его взлеты и падения.

И в последний период творчества Шевченко продолжал обращаться к народной песне, легендам и сказаниям. Наряду с поэмами «Неофиты» и «Юродивый», в которых преобладали разоблачительные мотивы, направленные против самодержавия, он создает такие произведения, как «Течет вода от явора...», «Ой, мама, мама, как я страдаю!..», «Федору Ивановичу Черненко» («Ой, на горе яр-хмель цветет...»), «Ой ты, темная дуброва!», «Свете ясный! Свете тихий!..». В этих стихотворениях и песнях выразилась народная мечта о лучшей доле, о счастье, раскрылась щедрость души обездоленных людей, отразилась талантливость человека труда, не сломленного рабством.

Для всех стихотворений и поэм Шевченко характерны простота лексики и синтаксиса, свойственная украинскому стиху ритмика. Поэт часто меняет ритм, от силлабо-тонических размеров переходит к силлабическим. Такой стих получил название «шевченковского ямба». Русским аналогом его являются современные переводы произведений Шевченко и «Дума про Опанаса» Э. Багрицкого. Иногда поэт использовал свободный стих, а чаще — так называемые «коломыйковые» стихи — восьми- и шестисложники с общей хорейской тенденцией. Рифма используется поэтом умело, но иногда бывает небрежной.

Шевченко-поэт затмил Шевченко-художника. Однако его картины, создававшиеся в тяжелых условиях и далеко не все дошедшие до нас, — явление незаурядное в живописи. Художник многое усвоил от своего учителя — Карла Брюллова. Реалистические картины Шевченко были по достоинству оценены современниками.

* * *

Шевченко имел такое же значение для украинской литературы, как Некрасов для русской. Его идеи и образы имели такое же общенародное значение, как идеи и образы великого русского поэта.

Можно даже ставить вопрос о влиянии Шевченко на творчество Некрасова. Традиции великого Кобзаря развивали и поэты некрасов-

ской школы — М. Л. Михайлов, В. С. Курочкин, И. И. Гольц-Миллер и другие.

Одним из первых среди поэтов демократического лагеря Шевченко избрал героиней большого поэтического произведения женщину-крестьянку («Наймичка», «Утопленница», «Катерина»).

Вот что говорил Некрасов об этой стороне творчества поэта, выступая арбитром по делу издателей Кожанчикова и Лисенкова¹: «...У Шевченко есть пьеса «Утопленница», где представлена мать, утопившая свою дочь из зависти к ее красоте: и у того же Шевченко есть пьеса «Наймичка», где мать представляется величайшим идеалом материнской любви. Понятно, что если бы явилось издание стихотворений Шевченко с пропуском одной из названных пьес, то читатель был бы поставлен по меньшей мере в недоумение касательно воззрения автора на одну из самых существенных сторон народной жизни».

«Женская тема» представлена у украинского поэта довольно широко: в поэмах, лирике, повестях.

Украинские националисты извели много чернил, чтобы доказать якобы враждебное отношение Шевченко к русским, к русской культуре.

Крупные украинские писатели Иван Франко и Максим Рыльский, литературоведы Е. Шаблюковский, Е. Кирилук, Л. Хинкулов, Ф. Прийма и другие доказали обратное. Великий Кобзарь высоко ценил русскую литературу, зачитывался произведениями Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Всю свою прозу он написал на русском языке. Его «Дневник», очень важный документ для выяснения политических и литературно-критических взглядов поэта, тоже написан по-русски. Тесная дружба связывала Шевченко с виднейшими русскими литераторами и общественными деятелями, среди которых были Н. Чернышевский, Н. Добролюбов, Н. Некрасов, А. Плещеев, братья Жемчужниковы, А. Писемский, Д. Григорович и другие.

¹ Между издателями Кожанчиковым и Лисенковым возникло судебное дело по поводу объема издаваемых произведений Шевченко. Они обратились к Некрасову как к арбитру. Русский поэт в своем заключении дал обстоятельный анализ творчества Шевченко, обнаружив знание всех произведений Кобзаря. Он высказался за издание всех сочинений Шевченко в полном их объеме, ибо они представляют единое целое. «Подобных примеров тесной внутренней связи,— писал Некрасов,— в содержании стихотворений Шевченко можно бы представить много,— но для этого нужно было бы пересказать содержание большей части пьес Шевченко, с указанием, как одна пьеса высказывает одну, а другие — другую сторону того же предмета, как такая-то пьеса поясняет и дополняет мысль, едва брошенную в такой-то, и т. п.» См: Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. 12. М., 1953, с. 91.

Как уже упоминалось выше, Шевченко был связан с кружком московских славянофилов, ценил их идею единства славян, но иронически относился к реакционной стороне их доктрины.

В «Дневнике» под 25 марта 1858 года записано: «Многоуважаемый М. А. Максимович задал мне обед, на который пригласил, между прочим, и ветхих деньми товарищей своих, Погодина и Шевырева. Погодин еще не так стар, как я его воображал себе. Шевырев старше и, несмотря на седенькую свою благопристойную физиономию, почтения к себе не внушает. Сладкий до тошноты старичок. В конце обеда амфитрион¹ прочел в честь мою стихи собственного сочинения. А после обеда милейшая хозяйка пропела несколько малороссийских песен, и восхищенные гости разошлись кто куда, а я заехал к Сергею Тимофеевичу Аксакову с намерением проститься... До 9 часов пробыл у Аксаковых и с наслаждением слушал мои родные песни, петье Надеждой Сергеевной. Все семейство Аксаковых непритворно сочувствует Малороссии и ее песням и вообще ее поэзии. В 9 часов с Ивановом и Константином Аксаковыми поехал я к Кошелеву, где встретился и познакомился с Хомяковым и со стариком-декабристом кн. Волконским» (V, 162—163).

Показательно, что Шевченко не скрыл антипатии к Погодину и Шевыреву, которые отличались консервативными взглядами.

Русские писатели-демократы оказывали всяческое внимание украинскому поэту. Так, страстным поклонником поэзии Шевченко был поэт-революционер М. Михайлов. Друг и соратник Чернышевского, он переводил революционных поэтов многих стран и народов. Шевченковские стихи он переводил в начале 50-х годов, а лично сблизился с поэтом после возвращения последнего из ссылки. Он перевел три произведения Шевченко и написал рецензию на его «Кобзарь» 1860 года издания.

Высокую оценку он дал стихотворению «До Основьяненка»: «Могучие стихи этой пьесы сразу западают в память и уже не забываются. В звуках этих стихов есть что-то родное и стону ветра, рыскающего по казачьей степи, и ропоту днепровских порогов, и заунывному воплю чайки»². Михайлову были близки призывы поэта к открытой борьбе с деспотизмом.

Произведения Кобзаря высоко ценили поэты «Искры» — В. и Н. Курочкины. Им украинский поэт читал свои стихи периода ссылки, делился с ними самыми душевными мыслями. Н. Курочкин пропагандировал творчество поэта в статье «Литературная летопись», в ней он дал анализ переводов «Кобзаря», изданного под редакцией Н. В. Гербеля.

¹ Амфитрион — гостеприимный хозяин.

² Михайлов М. Л. Соч., т. 3. М., ГИХЛ, с. 113.

В связи с утверждением памятника М. О. Микешина «Тысячелетию России» возник спор о составе деятелей, представляемых на барельефе. В списке Микешина значились имена Гоголя и Шевченко. Александр II примирился с Гоголем, но имя Шевченко исключил. Можно предположить, что имя Шевченко было внесено по предложению М. Михайлова, участвовавшего в составлении этого списка.

Несмотря на протесты демократических кругов, имя Шевченко так и не удалось включить в этот список, и на барельефе изображение украинского поэта отсутствует.

На этот факт писатель И. Г. Прыжов в 1867 году в рецензии на книгу «Кобзарь» откликнулся так: «Не говоря о людях, которые ставят себя в памятник, что они успели снять имя Шевченко с памятника тысячелетию России, мы убеждены, что все остальное русское общество отнесется теперь с особым сочувствием к великому славянскому поэту»¹.

Творческое наследие Шевченко имеет большое значение для всех славянских народов. Об этом хорошо сказал тот же И. Г. Прыжов вскоре после смерти великого украинского поэта: «Пройдут века, а песни Шевченко всегда будут кстати, тем паче, они кстати теперь, когда связь между им и людьми, способными его читать и любить, еще не порвалась. С самого начала поэт маленького кружка людей, близких к нему, потом поэт Украины, он уже при жизни, как это оказалось на его похоронах, стал поэтом всего русского народа, чтобы затем сделаться поэтом всего славянского мира. Его теперь знают чехи, сербы, болгары»².

Шевченко был певцом славянского единства. В предисловии к поэме «Гайдамаки» он писал: «Пусть... не размежевана останется навеки от моря и до моря славянская земля». По воспоминаниям современников, украинский поэт любил читать друзьям стихотворение Пушкина, обращенное к Мицкевичу, «Он между нами жил...» и особенно взволнованно произносил строки:

«Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся».

Реакционеры сделали все, чтобы заглушить голос украинского поэта. Но еще современниками было признано, что поэзия Шевченко — выдающееся достижение мировой литературы. По силе чувства, глубине мысли, революционной энергии, художественной вырази-

¹ «Голос», 1867, № 207, 29 июля (10 августа).

² Там же.

тельности произведения поэта превосходили все то, что было до него написано на украинском языке. Да и не только на украинском. Он был истинно народным поэтом, выразителем самых сокровенных чаяний народов всей России.

О народности поэзии Шевченко точно сказал Добролюбов: «Он — поэт совершенно народный, такой, какого мы не можем указать у себя. Даже Кольцов нейдет с ним в сравнение, потому что складом своих мыслей и даже своими стремлениями иногда отдаляется от народа. У Шевченко, напротив, весь круг его дум и сочувствий находится в совершенном соответствии со смыслом и строем народной жизни. Он вышел из народа, жил с народом, и не только мыслью, но и обстоятельствами жизни был с ним крепко и кровно связан»¹.

В ноябре 1860 года состояние здоровья поэта резко ухудшилось, и 26 февраля (10 марта) 1861 года он скончался от паралича сердца.

В последний путь Кобзаря провожали писатели Н. Некрасов, И. Панаев, М. Михайлов, Н. Курочкин, историк Н. Костомаров и другие. За гробом шли сотни студентов. У могилы поэта студент Петербургского университета Пермитянин-Южаков в своей речи сказал:

«Спи, страдалец, несчастный друг бедного народа! Не видел ты ясных дней в своей жизни, потому что туманом покрыта была Украина! Но ты уснул на заре светлого, ясного дня, в виду земли обетованной. Песня старой твоей родины воскресла в тебе и не умрет! Твой «Кобзарь» будет гулять по ней за тебя и, как правнук твоего дела, расскажет про давню долю Украины»².

Некрасов оценил выдающуюся роль украинского поэта в истории развития отечественной литературы в стихотворении «На смерть Шевченко»:

«Не предавайтесь собой унылости:
Случай предвиденный, чуть не желательный.
Так погибает по божией милости
Русской земли человек замечательный».

Раннюю смерть Шевченко Некрасов объяснил постоянными лишениями и преследованиями властей, которым подвергался великий Кобзарь.

¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 3-х т., т. 3. М., 1952, с. 536.

² См.: Смерть и похороны Т. Г. Шевченко. Документы и материалы. Киев, 1961, с. 42—43.

«Все он изведаль: тюрьму петербургскую,
Справки, доносы, жандармов любезности,
Все — и раздольную степь Оренбургскую,
И ее крепость...»

В «Предисловии» к сборнику «Русская потаенная литература» (Лондон, 1861) Н. П. Огарев прозорливо отметил мирообъемлющее значение поэзии Шевченко: «Украина проснулась в Шевченко и — лучшее доказательство, как сила обстоятельств влечет к самобытности областей и нераздельности союза, — Шевченко, народный в Малороссии, с восторгом принят как свой в русской литературе и стал для нас родной, — так много общего в наших страданиях, и так самобытность каждого становится необходимым условием общей свободы»¹.

Традиции Шевченко развивали и обогащали украинские поэты Иван Франко, Павло Грабовский, Леся Украинка, Максим Рыльский, драматург Карпенко-Карый, прозаики Панас Мирный, Василь Стефаник, Михаил Коцюбинский и другие.

Газета «Правда» в 1914 году, отмечая столетний юбилей украинского поэта, писала: «Многие города готовились к закладке ему памятников, собирались дать его имя своим улицам, школам; во многих местах устраивались в память его стипендии, читальни, библиотеки и т. д. — одним словом, всевозможные культурные начинания приурочивались к столетнему юбилею дня рождения Тараса Шевченко и соединялись с его именем»².

Царское правительство запретило проведение юбилея. Демократическая часть русского общества расценила это как проявление остатков крепостнического варварства.

В. И. Ленин в тексте речи «К вопросу о национальной политике», которую должен был произнести в думе депутат-большевик, обратился к факту запрещения юбилея, чтобы подчеркнуть реакционность политической атмосферы в России того времени. «Запрещение чествования, — писал он, — было такой превосходной, великолепной, на редкость счастливой и удачной мерой с точки зрения агитации против правительства, что лучшей агитации представить себе нельзя. Я думаю, все наши лучшие социал-демократические агитаторы против правительства никогда не достигли бы в такое короткое время таких головокружительных успехов, каких достигла в противоправительственном смысле эта мера. После этой меры миллионы и миллионы «обывателей» стали превращаться в сознательных граждан

¹ Огарев Н. П. Избр. соч. в 2-х т., т. 2 М., 1956, с. 501.

² «Путь правды», № 45, 25 февраля 1914 г.

и убеждаться в правильности того изречения, что Россия есть «тюрьма народов»¹.

Запретительные меры правительства только подчеркнули, что имя великого поэта-демократа, подлинного борца за свободу народа нельзя вытравить из памяти всех демократических читателей России. Народные массы выступили против черносотенцев и националистов всех мастей.

Образ нестигаемого революционера Тараса Григорьевича Шевченко навеки останется в памяти народов Советского Союза. Произведения великого Кобзаря помогают укреплять нерушимую дружбу народов нашей страны, дают эстетическую и нравственную пищу молодому поколению. Они переведены на многие языки мира и пользуются широкой известностью.

Проф. А. Ф. ЗАХАРКИН

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 66.

ПРИМЕЧАНИЯ

Почти все поэтические произведения Шевченко написаны на украинском языке. К переводу их обращались крупные русские поэты — М. Л. Михайлов, А. Н. Плещеев, Л. Н. Трефолев, Л. А. Мей, Н. В. Гербель, Ф. К. Сологуб. Первый перевод «Кобзаря» на русский язык под редакцией Н. В. Гербеля появился в 1860 году. Переводили произведения Шевченко и известные советские поэты — А. Твардовский, М. Исаковский, А. Сурков, М. Рыльский, В. Луговской, А. Прокофьев, А. Безыменский, Н. Ушаков, И. Сельвинский, Н. Асеев, М. Голадный, В. Инбер, К. Симонов, В. Саянов, Н. Браун, А. Тарковский и другие.

В настоящее издание включены лучшие переводы, наиболее полно передающие содержание, форму и дух оригиналов,— главным образом, советских поэтов.

Тексты печатаются по современным нормам орфографии и пунктуации.

ДО АРЕСТА И ССЫЛКИ (1837—1847 гг.)

Течет вода в сине море...» (стр. 7).— Написано в 1838 году в Петербурге. В дальнейшем в скобках будут указываться место и время создания произведений.

Думка (стр. 7).— (Гатчина, 2 ноября 1838 года.)

«Думы мои, думы мои...» (стр. 8).— (Петербург, 1839). Поэт романтически воспевает Запорожскую Сечь, возникшую в XVI веке (располагалась на острове Хортица на Днепре, недалеко от знаменитых порогов). Сечь возглавлял кошевой атаман (*кош* — татарск.— лагерь). Во главе Украины стоял гетман, у которого знаками власти были бунчук и булава. *Кобзарь* — бродячий музыкант, сопровождав-

ший свое пение игрой на музыкальном инструменте — кобзе. Иначе его называли лирником. *Злыдни* — нужда, бедность.

Перебендя (стр. 11).— (Петербург, 1832). Это программное стихотворение Шевченко. От имени старого кобзаря Перебенди поэт говорит о назначении поэзии. Шевченко упоминает здесь ряд народных песен кобзарей: «Ой, не шуми, *луже!*...» («Не шуми, дуброва»); *О Чалом* — песня о предводителе крестьянского восстания XVIII века Савве Чалом; *Горлица*, *Шинкарка* — танцевальные песни; *Веснянка* — обрядовая весенняя песня; *У гаю* — бытовая песня; *О Лазаре* — песня на сюжет из евангелия о нищем Лазаре, лежавшем у ворот богача и ждавшем милости от него; *Как Сечь разорали* — песня о разорении в 1775 году Запорожской Сечи.

Катерина (стр. 14).— Ранняя поэма Шевченко, в которой разработан популярный в русской литературе конца XVIII — начала XIX века сюжет об обольщенной девушке. *Катре голову покрыли* — девушке, родившей вне брака, покрывали голову, как замужней женщине. Отсюда «покрытка». *Запоёт о Грице* — народная песня «Ой, не ходи, *Грицю, тай на вечерниці*» о девушке, которая отравила парубка за то, что любил двоих. *Чумаки* — украинские крестьяне, возившие из Крыма рыбу и соль. *Пугача в лесу*... — имеется в виду песня о пугачефилине («Ой, сел пугач на могиле»), *Исуса кобзарь напеваєт*... — песня духовного содержания. (Петербург, 1836—1837.)

Думка (стр. 32).— (Петербург, 1839.) Первое стихотворение Шевченко, переведенное на русский язык в 1856 году Н. Гербелем.

Иван Подкова (стр. 33).— (Петербург, 1839.) Посвящено Василию Ивановичу Штернбергу (1818—1845) — художнику, товарищу поэта по Академии художеств. *И. Подкова* — казачий атаман в походах против турок и молдавского господаря. *Не к Синопу*... — Синоп — черноморский портовый город на севере Турции. *Лиман* — затопленная морем часть долины речного устья, здесь — Днепра. *Курганы* — здесь могилы. *Царьград* (Константинополь) — старое название Стамбула. В описываемое время Царьград был столицей Турции.

Тарасова ночь (стр. 35).— (Петербург, 1839.) Поэма воспроизводит эпизод из войны 1630 года, когда казаки под предводительством Тараса Трясилы разбили польские войска. В народе эта победа была названа «Тарасовой ночью».

Шевченко поэтизирует гетмана, возглавившего народное движение, что соответствовало демократическим взглядам поэта. *Наливайко* — Северин Наливайко — предводитель запорожцев в нагродной войне с польской шляхтой в конце XVI века. Согласно преданию Наливайко, попав в плен, был сожжен поляками в медном быке в Варшаве. *Кравчина* — так назывался повстанческий отряд Наливайко, который состоял из портных (кравцов). *Павлюга* — прозвище

предводителя казаков Павла Бута. Восстание Павлюги было подавлено в 1637 году, а предводитель казнен. Шевченко ошибочно относит восстание Бута к 1630 году. *Трубайло* — название реки Трубеж — притока Днепра. *Концепольский Станислав* (1591—1648) — гетман, командовавший польскими войсками в «Тарасову ночь» и потерпевший поражение от запорожцев под Переяславом. *Альта* — приток Трубежа.

Гайдамаки (стр. 39).— (Петербург, 1841.) Гайдамаками называли крестьян-повстанцев, поднявшихся против польских и украинских помещиков в 1768 году.

Поэма посвящена *Василию Ивановичу Григоровичу* (1786—1865), конференц-секретарю Академии художеств, принявшему активное участие в деле выкупа Шевченко из крепостной неволи. Освобождение состоялось 22 апреля 1838 года. *Криница* — колодец. *Скутари* — пригород Стамбула на малоазиатском берегу Босфора. *Тма, мна знаю, а оксия не знаю...*— слоги из церковнославянского букваря. *Оксия* — знак ударения над слогом. *Есть у меня батько славный...*— здесь и далее речь идет о В. И. Григоровиче. *Интродукция* — введение, вступление. Поэт рассказывает о событиях, бывших до восстания гайдамаков. *Шляхта* — польские дворяне. Шляхта решала вопросы войны и мира, выбирала королей. *Ян Собеский* — польский король с 1674 по 1697 год. *Стефан Баторий* — польский король с 1576 по 1587 год. *Сейм* — законодательный орган польской шляхты. Сейм собирался в Варшаве. «*Nie pozwalam*» (польск.— «Не разрешаю!»).— Решения на сейме должны были быть единогласны. Если хоть один дворянин крикнет: «Не разрешаю!», предложение считалось неприятным.

Понятовский Станислав Август — последний король Польши (1764—1795). При нем произошел раздел Польши между Россией, Австрией и Пруссией. *Прислужник москаля* — так называла шляхта Понятовского, считая его прислужником России. *На клич Пулавского и Паца...*— поэт говорит о Пулавском и Паце — шляхтичах, которые возглавили феодальное восстание. *Гайдамаки ножи освятили* — основным оружием восставших были ножи, насаженные на колья (отсюда название Колиивщина); *ножи святили* — священники отправляли над ними молебен. *Литанию читает...*— *Литания* — род просительной молитвы в католической службе в костеле. «*Еще Польска не згинула...*» — польский национальный гимн. Шевченко допустил анахронизм: гимн появился после раздела Польши, конфедераты не могли его петь. *Ктитор* — церковный староста. *Чигирин* — столица украинских гетманов со времен Богдана Хмельницкого. *Праздник Маковея* (точнее, Макковеев) — 1 августа ст. стиля. *Тясмин* — река, правый приток Днепра в Чигиринском уезде. *Ой, валахи!*.. — так называли

молдаван и румын, находившихся под властью турок. От *Конашевича* — Петр Конашевич-Сагайдачный — гетман украинского казачества в 1614—1622 годах. *Богун* — казачий полковник, разбил польское войско на реке Ингул. *Воды Желтые* — приток вблизи устья реки Тясмина, где шляхетское войско было разбито казаками 6 мая 1648 года. *Альта* — река вблизи Переяслава. *Пиши Галайдою* — у казаков был обычай давать прозвища. *Вот копейка — знак имею...* — копейка служила условным знаком принадлежности к гайдамакам. *Исайя, микуй!*... — слова церковного песнопения во время свадьбы. *Архистратиг Михаил* — религиозное название архангела Михаила — главного военачальника. *Венков не святили...* — на празднике Маковоя святили венки девушкам. *Католичка вас на свет родила...* — историю об убийстве Гонтой своих детей Шевченко взял из повести польского писателя Чайковского «Вернигора», видимо не зная, что история эта вымышленная. У Гонты был один ребенок. *Миней закрывши...* — *Миней* — церковная книга, в которой даны на каждый день месяца церковные службы или чтения из жития святых. *Дед еще гуляет, а батько в гробу...* — отец поэта, Григорий Иванович, умер в 1825 году, а дед — Иван Андреевич Шве́ц, родившийся в 50-х годах XVIII века, был живым свидетелем и, вероятно, участником описываемого восстания.

Сон (стр. 104). — Сатирическая поэма, написанная в Петербурге в июне 1844 года, сразу же после возвращения поэта с Украины. Подзаголовок «Комедия» подчеркивал, что в произведении беспощадно высмеивается эксплуататорский строй (по аналогии с «Божественной комедией» Данте). *Пустыня вдруг зашевелилась... Земля, как тесный гроб, раскрылась...* — здесь описана Сибирь — место каторги и ссылки. *С тощей, тонконогой... царицей убогой, а к тому ж она, бедняжка, трясет головою...* — жена Николая I Александра Федоровна страдала нервной болезнью лица — результат нервного потрясения во время Декабрьского восстания. *Крепость с колокольней — шпиль, как шило...* — колокольня Петропавловской крепости оканчивается острым шпилем. *Первому — вторая* — надпись на памятнике Петру Первому, поставленном Екатериной Второй на Сенатской площади в Петербурге. Шевченко отрицательно относился к Петру Первому, считая, что после Полтавской битвы Украина потеряла свою национальную независимость. *Словно из берлоги медведь вылез...* — медведь — Николай I.

«**Что же мне так тяжело? Отчего так больно?..**» (стр. 118). — (Петербург, 13 ноября 1844.)

«**Зачаруй меня, волшебник...**» (стр. 118). — (Петербург, 13 декабря 1844.) Стихотворение навеяно игрой волшебника — великого артиста *Михаила Семеновича Щепкина* (1788—1863), который был близ-

ким другом поэта. С середины сентября по ноябрь 1844 года Щепкин гастролировал в столице.

Наймичка (стр. 119).— (Переяслав, 1843, доработана в 1860.) Шевченко не раз обращался к теме судьбы украинской крестьянки. Ее он разрабатывает и в этой поэме. *Городище* — этим именем названы несколько сел и местечек в Киевской и Полтавской губерниях. *С хлебом святым, обмененным...*— на свадьбе девушка, выходящая замуж, передавала сватам для жениха вышитое полотенце и обменивала хлеб.

Кавказ (стр. 133).— (Переяслав, 18 ноября 1845.) Поэма посвящена другу поэта *Якову де Бальмену* (1813—1845), офицеру, художнику — иллюстратору рукописного «Кобзаря», погибшему в Даргинском походе в 1845 году на Кавказе. Шевченко выступает здесь борцом за свободу не только украинского, но и всех угнетенных народов, населявших Российскую империю. *Прометей* — согласно древнегреческой легенде — богоборец и защитник людей. Похитил огонь с Олимпа и принес его людям, за что Зевс приковал его к скалам Кавказа, и орел каждое утро клевал пень Прометея. За ночь пень вновь отрастал. *Царь свиней когда-то нас...*— по библейской легенде царь Давид отбил у своего военачальника Урия жену Вирсавию, а Урия отправил в поход на явную гибель. Но Давид произведен церковниками в святые. *Кат* — палач.

И мертвым, и живым, и нерожденным землякам моим, на Украине и не на Украине сущим, мое дружеское послание (стр. 138).— (Вьюница, 14 декабря 1845.) В произведении высказаны революционно-демократические взгляды Шевченко. Поэт разоблачает украинских либералов и подчеркивает, что украинский народ страдает не только от русских, но и от украинских угнетателей. Он проводит мысль, что украинская культура должна развиваться вместе с русской и мировой. *Тамерлан (Тимур)* (1336—1405) — среднеазиатский полководец и завоеватель. *Коллар Ян* (1793—1852) — чешский поэт, автор известной поэмы «Дочь славы», составленной из 645 сонетов. Вместе с *Шафариком* (1795—1861) был родоначальником идей панславизма (объединения славянских государств). *Ганка Вацлав* (1791—1861) — известный чешский поэт и филолог, автор первых славянских грамматик на чешском языке. Призывал к объединению славян. *Славянофильство* — идейное течение в славянских странах в 30—50-е годы XIX века. Его сторонники выступали за сохранение славянских обычаев и нравов и решительно боролись против влияния западной культуры на славянскую. Они отрицали крепостничество, но были враждебны и к революционным демократам, видя в них носителей «западных» социалистических учений. *Бруты* — Шевченко употребляет имя Брута в качестве нарицательного. *Марк-Юний Брут*

(85—42 гг. до н. э.) — глава заговора против Юлия Цезаря, участник убийства последнего. *Коклес* — Публий Горацій Коклес (VI в. до н. э.) — по преданию один оборонял Сублициев мост в Риме от этрусков, воевавших с Римской республикой. *Трапезунд* — турецкий город в Малой Азии, который не раз жгли запорожцы. *А на Сечи мудрый немец вырастил картошку...* — намек на немецкую колонизацию Украины. Немцы во времена Екатерины II заселяли степи Украины, они же принесли с собой культуру картофеля, которой до этого здесь не было.

Холодный Яр (стр. 144).— (Вьюница, 17 декабря 1845.) Произведение является ответом на выход клеветнической по отношению к украинскому народу книги А. А. Скальковского «Наезды гайдамак на Западную Украину в XVIII ст. (1738—1768)», Одесса, 1845. В ней гайдамаки назывались разбойниками. Шевченко же представляет гайдамаков борцами против помещичьего строя. *Холодный Яр* — местность в лесах Чигиринского уезда, где формировались отряды гайдамаков в 1768 году. *Монастырь Матрены...* — этот монастырь служил местом сбора гайдамацких отрядов. *Железняк Максим и Гонта Иван...* — предводители восстания гайдамаков. *Не зовите преподобным лютого Нерона...* — в черновом варианте у Шевченко было: «Не зовите преподобным Миколу-Нерона», то есть Николая I. *Нерон* (37—68 гг. н. э.) — римский император, отличавшийся самодурством и жестокостью.

Три года (стр. 146).— (Вьюница, 22 декабря 1845.) Этим стихотворением должна была заканчиваться книга цикла 1843—1845 годов, готовившаяся Шевченко к печати перед арестом. За указанные три года поэт дважды побывал на Украине, где увидел тяжелое положение народа, стонавшего под игом крепостничества. *Благоденствие, что бедным с манифестом сниться...* — имеются в виду манифесты, которые объявлялись в связи с памятными событиями из жизни царской семьи. Но эти «милости» были незначительны — прощались недоимки и прочее.

Завещание (стр. 148).— (Переяслав, 25 декабря 1845.) В стихотворении выражены революционно-демократические взгляды Шевченко и его понимание роли поэта. Поэт-борец останется в сердцах народных — «в семье вольной, новой».

Лилея (стр. 149).— (Киев, 25 июля 1846.— Нижний Новгород, 6 марта 1858.)

В КАЗЕМАТЕ

Этим циклом открывается второй период творчества Шевченко. Цикл писался в тюремной камере с 17 апреля по 30 мая 1847 года в доме III отделения у Цепного моста в Петербурге. Все тринадцать стихотворений были переписаны на одном листе бумаги мелким почерком. Посвящение: «Моим соузникам посвящаю». Весь цикл пронизан любовью к родной Украине.

«Припомним, братия моя...» (стр. 153.)— Поэт говорит о несломленности своего духа, верит в скорое наступление свободы («И жить начнем среди людей, как люди»). «А его забудьте, други, И не проклинайте!» — вероятно, намек на студента А. М. Петрова, агента III отделения, написавшего донос на кирилло-мефодиевцев.

«За оврагом овраг...» (стр. 154.)— *Гетман... в рабство сдал христиан...*— имеется в виду, вероятно, гетман Петр Дорошенко (1627—1698), отдавший крымскому хану в рабство тысячи украинских казаков и крестьян.

«Мне, право, все равно, я буду...» (стр. 155.)— В стихотворении развивается идея «Завещания»: дело поэта — всей жизнью служить народу, бороться за его благо и свободу. В нем отразились и впечатления Шевченко от допросов в III отделении, где в качестве тяжкой вины указывались стихи поэта, которые, по мнению жандармов, «вдвойне вредны и опасны», ибо с ними «в Малороссии могли посещаться и впоследствии укорениться мысли о мнимом блаженстве времен гетманщины, о счастье возвратить эти времена и о возможности Украине существовать в виде отдельного государства».

Н. Костомарову (стр. 159.)— *Николай Иванович Костомаров* (1817—1885) — украинско-русский историк, писатель и критик, инициатор создания тайного Кирилло-Мефодиевского общества. Был в дружеских отношениях с Шевченко. Стихотворение написано по случаю. Через окно тюремной камеры поэт увидел мать Костомарова, Татьяну Петровну, пришедшую на свидание к сыну.

«Вишневый садик возле хаты...» (стр. 160.)— Шевченко очень любил это стихотворение, часто вписывал его в альбомы, дарил автографы друзьям, давая разные заглавия. Оно печаталось под заглавиями: «Вечер», «Майский вечер», «Весенний вечер».

«Сойдемся ли мы с вами снова?...» (стр. 162.)— Написано 30 мая 1847 года — в день объявления приговора кирилло-мефодиевцам после конфирмации его Николаем I. Перед отправкой в ссылку поэт обратился к «соузникам» с этим посланием.

«Не спится мне, а ночь — как море...» (стр. 163.)— *И меньше*

белой не дарила — белой называлась двадцатипятирублевая ассигнация.

«*Думы мои, думы мои...*» (стр. 165.) — (Орская крепость, 1847.) Первая записная книжка Шевченко начинается этим стихотворением. В эту книжку поэт вписывал свои произведения до мая 1850 года.

N.N. («*Тогда мне лет тринадцать было...*») (стр. 166.) — (Орская крепость, 1847.) По-видимому, стихотворение посвящено подруге детских лет поэта — Оксане Коваленко.

«*Не греет солнце на чужбине...*» (стр. 167.) — (Орская крепость, 1849.)

Сон (стр. 168.) — (Орская крепость, 1847.) Думы ссыльного поэта постоянно обращались к Украине. И в этом произведении он вспоминает свою поездку по Украине в 1845 году в связи с заданием Киевской археографической комиссии. *Выблый курган* — в отчете археографической комиссии Шевченко дал объяснение этому названию: «Между местечками Березанью и Яготином, в 15 верстах от Переяслава, огромное древнее земляное укрепление, план которого никак понять нельзя по различным направлениям валов. Предание говорит, что какая-то княжна переяславская Домна защищалась здесь от неприятелей (неизвестно, от каких) и была ими побеждена, и укрепление разрушено, почему и названо Выбле, то есть выбылое, оставленное». *Трахтемиров* — название местечка, расположенного вблизи Переяслава, на противоположном берегу Днепра. *Монастырище* — село неподалеку от Трахтемирова, возникло на месте бывшего монастыря. *И гетманщина вся кругом* — гетманщиной в XVII—XVIII веках называли украинские земли по левому берегу Днепра, сохранявшие до времен Екатерины II вид своей казацкой администрации. *Собор Мазепы в лучах сияет...* — Мазепа в 1701 году построил в Переяславе Вознесенский собор с золочеными куполами. *Курган Богданов...* — сам Шевченко так сказал о могиле Богдана Хмельницкого: «По Золотоношской дороге в семи верстах от города (Переяслава) высокий курган, называемый Богданова могила» (археологические записи). *К холмам Трех Братъев склонились извы...* — Шевченко в своих археологических записях объяснял: «По киевской дороге в пяти верстах от Переяслава над самой дорогой три высокие кургана, называемые Три братни могилы».

Иржавец (стр. 172.) — (Орская крепость, 1847, обработано в 1858.) В этой исторической поэме Шевченко возвращается к теме Мазепы, использует легенду о «чудотворной иконе» села Иржавец, а также предание о кошем атамане К. Гордиенко, уведшем за собой в Крым после Полтавской битвы часть казаков. *Убежали с Мазепой...* — после поражения шведов под Полтавой остатки армии Карла XII вместе с отрядами Мазепы бежали к туркам за Днестр. *Фастовский полков-*

ник — популярный казачий атаман Семен Палий (ум. 1710). *Прилуцкий полковник поганый...* — имеется в виду Игнатий Галаган, перешедший вместе с Мазепой к шведам, а потом вернувшийся к Петру I и принявший участие в уничтожении Запорожской Сечи. *Как в Глухове зазвонили, как пушки палили...* — после низложения Мазепы новым гетманом в 1708 году был избран Иван Скоропадский (1646—1722). Избрание происходило в Глухове, который стал гетманской столицей. *Как людей погнали строить город на трясине...* — строить Петербург.

N.N. («*О думы мои! О слава злая!...*») (стр. 174). — (Орская крепость, 1847.) *Грека доброго* — по-видимому, греческого философа Сократа. *Сарданапал* — ассирийский царь, прославившийся роскошью.

«*Когда мы были казаками...*» (стр. 175). — (Орская крепость, 1847, Москва, 1858.) В стихотворении ставится вопрос о дружбе народов. Поэт ценил польский народ, дружил с польскими революционерами, но осуждал польскую реакционную шляхту. *Еще до унии* — то есть до 1596 года, когда польская шляхта объявила на западных землях Украины и Белоруссии объединение православного и католического вероисповеданий. Уния в интересах католического духовенства закабаляла народные массы Западной Украины и Белоруссии. *Те деум* — Тебя, боже, хвалим — начальные слова католической молитвы.

Платок (стр. 176). — (Орская крепость, 1847, обработано 8 марта 1858 года в Нижнем Новгороде.) В стихотворении разрабатывается фольклорная тема о разлуке казака с любимой и гибели его в походе. *Пречистую поджидают...* — праздник успенья пречистой богородицы, приходившийся на 15 августа ст. стиля. *Славных компанейцев...* — в казацком конном войске были компанейские или охочекомонные полки — подвижные конные отряды.

А. О. Козачковскому (стр. 178). — (Орская крепость, 1847, обработано 16 марта 1858.) Стихотворение автобиографическое, посвящено врачу Андрею Осиповичу Козачковскому (1812—1889), с которым Шевченко познакомился в 1841 году. Ранее Козачковский учился в Медико-хирургической академии в Петербурге, которую окончил в 1835 году. Поэт пишет о своих страданиях — жизни в общей казарме, о солдатских учениях, пригонке амуниции. Писать стихи приходилось украдкой. Но и в этих условиях Шевченко надеется, что окажется на воле. *Перепишу Сквороду...* — песни известного украинского философа и поэта Григория Саввича Сквороды (1722—1794). Басни и афоризмы Сквороды в лубочных изданиях широко распространялись на Украине в начале XIX века. «*Три царие со дары*» — рождественская песенка о поклонении волхвов Иисусу. *Талами выйду вдоль Урала...* — Орская крепость расположена на берегу реки Урал. *Талы* —

песчаные барханы, поросшие кустарной ивой. У *Николая очутилась...*— поэт был сослан по приговору Николая I.

«Топор был за дверью у господ бога...» (стр. 183).— (Орская крепость, 1848.) В стихотворении отразились впечатления Шевченко от похода к берегам Аральского моря.

Варнак (стр. 185).— (Орская крепость, 1848. Обработано в Петербурге в 1858.) В поэме о варнаке— беглом каторжнике Шевченко использовал народные сказания об Устиме Кармелюке (1787—1835)— борце против царских чиновников и помещиков. *Елек*— приток Урала между Оренбургом и Уральском. *Воды немало из Иквы утекло*— Иква— река на Вольни.

«Ой, гляну да погляжу я...» (стр. 189).— (Кос-Арал, 1848.) В этом стихотворении Шевченко жалуется на тоску и одиночество в ссылке. Лицам, писавшим поэту, III отделение сделало строгое внушение, предупредило. И писать можно было только с оказией.

«Не дай ты никому того же...» (стр. 190).— (Кос-Арал, 1848.)

[Цари] (стр. 190).— (Кос-Арал, 1848, обработано в 1858.) Наиболее сильное антимонархическое и антирелигиозное произведение Шевченко. Поэт использует библейские тексты в целях революционной пропаганды (I—III эпизоды), а в IV обрабатывается материал древнерусской летописи. *Сестрица бога Аполлона*— муза. *Давид*— полулегендарный древнееврейский царь (конец XI—начало X века до н. э.), убивший великана Голиафа. *Израиль*— древнее название еврейского народа. *Анафан* (Ионафан)— современный Давиду пророк, упрекавший последнего за убийство Урия. *Сунамитянка*— девушка из племени сунамитов, которую слуги царя Давида заставили ухаживать за состарившимся царем, ложиться в его постель, чтобы обогреть его. *«Не позна «ю»* (славянский оборот)— «Девушка была очень красива, и была она при царе, и служила ему, но царь не познал ее». *Рогволод*— полоцкий князь конца X века. *Лель и Ладо*— языческие славянские божества. *Ладо*— богиня весны и любви, мать Леля. *Валькирии*— женские существа в скандинавской мифологии, участвовавшие в битвах. *Володимир*— киевский князь Владимир Святославович (ум. 1015).

«Когда есть дом родной, а дома...» (стр. 196).— (Кос-Арал, 1848.) Поэт с июня 1848 до ноября 1849 года оказался отрезанным от мира, уехав с экспедицией А. И. Бутакова (1816—1869) в Кос-Арал— на берег Аральского моря. Отсюда жалобы на одиночество. *Пришли в Дарью*— то есть в устье реки Сырдарьи. *С Ватаги письма принесли...*— письма поступали из рыбацкого поселка, расположенного недалеко от лагеря экспедиции. *А мы с коллегой легли...*— коллега— ссыльный поляк Томаш Вернер.

Дочка ктитора (стр. 197).— (Кос-Арал, 1848.) Основано на народ-

ных сказаниях. *Ктитор* — церковный староста. *Когда борцы везде ходили...* — на Украине была традиция — молодые ребята ходили в соседние села бороться: меряться силой.

«**Ну что, казалось бы, слова?..**» (стр. 203).— (Кос-Арал, 1848.) *Румяноликая Диана* — луна.

«**Как за подушным, правый боже...**» (стр. 204).— Написано в 1848 году в Кос-Арале.

[*Марина*] (стр. 204).— (Кос-Арал, 1848.) В поэме нарисован образ женщины, страдающей от притеснения господ. Марина родственна Катерине и Наймичке. Но в отличие от последних она протестует против насилия — сжигает усадьбу своего мучителя и убивает его. *Как Кирик пьяный...* — по предположению Ивана Франко, «вероятно, был какой-то всем известный пьяница в каком-то селе, где побывал Шевченко».

«**И сонные волны, и мутное небо...**» (стр. 212).— (Кос-Арал, 1848.) «*Никудашным этим морем*» поэт называет Аральское море.

«**И вырос я в краю чужом...**» (стр. 213).— (Кос-Арал, 1848.) *Счастье, мама, что ты так рано спать легла...* — Катерина Шевченко умерла на 32-м году жизни 20 августа 1823 года.

«**Ой, ваточу товарища...**» (стр. 214).— (Кос-Арал, 1848.) *Товарищ* — здесь нож.

«**На улице снег и ветер...**» (стр. 215).— (Кос-Арал, 1848, обработано в 1858.)

«**Во граде Вильно достославном...**» (стр. 215).— (Кос-Арал, 1848.) Шевченко жил в Вильно у своего помещика Энгельгардта в 1829—1830 годах. Но эпизод, о котором рассказано в стихотворении, произошел в 1832 году. Вероятно, о происшествии поэт слышал в ссылке от ссыльных поляков. *Но трудно мне в поэму втиснуть это слово...* — университет. *Пред Острой Брамой* — башня в Вильно с часовой и воротами, там находилось изображение богородицы. *Закрет* — пригород Вильно.

«**Готово! Парус распустили...**» (стр. 225).— В стихотворении отражены впечатления последних дней экспедиции в Кос-Арале. Поэт был болен, сильно скучал, будучи оторванным от друзей, от мира. Написано в 1849 году. *Прощай же, Кос-Арал убогий!* — поэт покинул Кос-Арал 10 октября 1849 г.

«**Запели мы и разошлись...**» (стр. 226).— (Оренбург, 1850.)

«**Все снится мне: вот под горою...**» (стр. 227).— (Оренбург, 1850.)

«**Опять настало время злое!...**» (стр. 227).— (Новопетровский форт, 1854 (?).)

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПЕРИОД (1857—1861 гг.)

Юродивый (стр. 229).— (Нижний Новгород, 1857.) Отрывок из большого неоконченного произведения, в котором отразилась бы история политических протестов против царизма, начиная с движения декабристов. *Во дни фельдфебеля-царя...*— во времена Николая I. Его же поэт называет *Сарданапал*, по имени ассирийского царя, прославившегося роскошными пирами. *Капрал Гаврилович Безрукий* — губернатор Киева Дмитрий Гаврилович Бибииков (1792—1870). Поэт знал его лично. В своем «Дневнике» 19 июля 1857 года Шевченко записал сон, в котором он увидел губернатора Д. Г. Бибиикова, правителя его канцелярии Н. Э. Писарева и его жену. Сон напомнил поэту скандальную историю, случившуюся с Писаревым, когда он был уже олонечским губернатором: один из его подчиненных дал ему пощечину в церкви, во время богослужения. «В ожидании утра,— писал Шевченко,— я на этом полновесном фундаменте построил каркас поэмы вроде «Анджело» Пушкина, перенеся место действия на Восток, и назвал ее «Сатрап и дервиш». Этот замысел остался нереализованным. Отрывок «Юродивый» — часть его.

Отрывок не предназначался для печати, поэтому отпала необходимость зашифровки — перенесения действия на Восток. События описаны реалистически, персонажи названы своими именами. Д. Г. Бибииков потерял руку в Бородинском сражении. *Унтер пьяный Долгорукий* — Николай Андреевич Долгорукий — генерал-губернатор в Черниговской, Полтавской и Харьковской губерниях, отличавшийся обжорством и пьянством. После его смерти раскрылось, что он растратил огромные государственные суммы. *С ефрейтором своим, отменно шустрым и лихим...*— правителем канцелярии Бибиикова Н. Э. Писаревым, который был известным взяточником, пользовался неограниченным доверием губернатора. *Благосклонны пребывали...*— этой формулой заканчивались царские рескрипты и официальные письма. *Вашингтон, Джордж* (1732—1799) — первый президент США. Северная Америка до 1783 года была колонией Англии. *Полян, дулебов и древлян...*— древних славянских племен, живших на Киевщине, Волыни, Черниговщине. *Профос* — человек, очищающий выгребные ямы. *Сатрапу в морду закатил...*— Шевченко имеет в виду пощечину, о которой сказано выше. *...Бывый фельдфебель* — бывший, умерший ко времени написания «Юродивого» Николай I. *Кат* — палач. «*Всевидающее око*» — бог.

Доля (стр. 231).— (Нижний Новгород, 9 февраля 1858.)

Муза (стр. 232).— Написано там же 9 февраля 1858 года. *Феб* — в древнегреческой мифологии бог солнца, Аполлон.

Сон (стр. 233).— (Петербург, 1858.)

«Я, чтоб не сглазить, не хвораю...» (стр. 233).— (Петербург, 22 ноября 1858.) Образец политической лирики Шевченко. Поэт призывает к революции. *Да наточить топор острее...*— этот призыв перекликается с лозунгом Чернышевского «К топору зовите Русь!». *«Византизм!»* — этим словом Чернышевский и Герцен называли проявление официально-монархической идеологии.

N.N. («Как ты, лилею такую ж...») (стр. 234).— (Петербург, 1859.)

Федору Ивановичу Черненко (стр. 234).— (Лихвин, 7 июня 1859.) Поэт обращается к старому другу инженеру Черненко, у которого в Петербурге собиралось украинское землячество. Указанная в стихотворении дата — день посещения поэтом Черненко.

«Ой, мама, мама, как я страдаю!..» (стр. 235).— (Пирятин, 10 июня 1859.)

Сестре (стр. 235).— (Черкассы, 20 июля 1859.) Обращено к сестре Ярине Григорьевне Бойко, которая оставалась крепостной. Шевченко увиделся с ней летом 1859 года после многолетней разлуки. Мечта поэта освободить сестру из крепостной неволи осуществилась лишь в год его смерти.

Марко Вовчку (стр. 236).— (Петербург, 17 февраля 1859.) *Марко Вовчок* — псевдоним русско-украинской писательницы Марии Александровны Маркович (1834—1907), автора известного сборника «Народные рассказы». 24 января 1859 года Шевченко лично познакомился с М. А. Маркович. Произведения ее он читал раньше. Как свидетельствовал биограф поэта М. К. Чалый, «Шевченко до небес возносил «Рассказы» Марка Вовчка». (Чалый. Жизнь и произведения Т. Шевченко. Киев, 1882, стр. 147.) Шевченко повлиял на формирование таланта Марко Вовчка.

Молитва (стр. 236).— (Петербург, 24 мая 1860.)

«Царей, кровавых шинкарей...» (стр. 237).— (Петербург, 25 мая 1860.)

«Злоначинающих сдержи...» (стр. 237).— (Петербург, 27 мая 1860.)

«В былые дни, во время оно...» (стр. 238).— (Петербург, 28 мая 1860.) *Нума Помпилий* — легендарный римский император, якобы упорядочивший религиозные обряды, установивший справедливые законы. Здесь подразумевается Александр II.

«Ненасытным очам...» (стр. 238).— (Петербург, 31 мая 1860.)

Плач Ярославны (стр. 239).— (Петербург, 4 июня 1860.) Шевченко еще в 1854 году задумал перевести «Слово о полку Игореве». Замысел осуществился лишь частично. *Зегзицею* — кукушкой. *Каяла* — река. Какая река в XII веке называлась Каялой — точно не установлено. *Кобяк* — половецкий хан, в 1183 году взятый в плен войсками древних русичей.

«С рассвета и до вечера...» (стр. 240).— Написано 6 июля 1860 года в Петербурге — перевод второго отрывка из «Слова о полку Игореве». *Буй-туру князю Всеволоду...*— тур в древней Руси был символом мужества и бесстрашия. *Всеволод* — родной брат Игоря Святославовича, князь трубчевский и курский, умер в 1196 году.

«Умре муж велий в власянице...» (стр. 241).— (Петербург, 17 июня 1860.) Отклик на смерть реакционера, петербургского митрополита Григория. Поэт поставил его в один ряд с мракобесом *В. И. Асоченским* (1813—1879), издателем реакционного журнала «Домашняя беседа». Написано на русском языке. *Юбкоборцем* митрополита назвал А. И. Герцен за его выступления против крестообразных украшений на женских юбках. *Хомяков Алексей Степанович* (1804—1860) — один из родоначальников славянофильства, поэт, публицист, философ. «Русская беседа» — журнал славянофильского направления. Издавался в Москве с 1856 по 1860 год. Фактическим его редактором был славянофил И. С. Аксаков.

Гимн черниц (стр. 242).— (Петербург, 20 июня 1860.) Стихотворение, по-видимому, связано с предыдущим, отражая впечатления поэта от похорон митрополита Григория.

«Над днепровскою водою...» (стр. 242).— (Петербург, 24 июня 1860.)

«Играли вместе, подросли...» (стр. 243).— (Петербург, 25 июня 1860.)

«Свете ясный! Свете тихий!...» (стр. 244).— (Петербург, 27 июня 1860.) *Багряница* — церковная одежда багряного цвета. *Печи иконами топить* — в подлиннике «явленными» — чудотворными.

Ликерии («Моя голубка! Друг мой милый!...») (стр. 244).— Гликерия (Ликера) Ивановна *Полусмакова* (1840—1917) — отпущенная на волю крепостная девушка, горничная помещика Н. Я. Макарова. Шевченко собирался на ней жениться, но свадьба расстроилась. *Саваоф* — в христианской мифологии — бог.

Н. Я. Макарову (стр. 245).— (Петербург, 14 сентября 1860.) *Макаров Николай Яковлевич* (1828—1892) — близкий к петербургским литературным кругам украинский помещик, с которым Шевченко был в приятельских отношениях.

«Ни Архимед, ни Галилей...» (стр. 245).— (Петербург, 24 сентября 1860.)

Л. («Поставлю хату — не палаты...») (стр. 246).— (Петербург, 27 сентября 1860.) Стихотворение обращено к Ликерии Полусмаковой, написано под впечатлением разрыва с нею.

«Нет, бога я не упрекаю...» (стр. 246).— (Петербург, 5 октября 1860.)

Саул (стр. 247).— (Петербург, 13 октября 1860.) Шевченко использовал здесь библейское сказание об израильском царе Сауле, направ-

ля сатирические стрелы против Николая I. *Инд* — река в Азии, берущая начало в горах Тибета. *Евфрат* — река в Передней Азии. *Вавилон* — рабовладельческое государство, располагавшееся между реками Тигром и Евфратом. *Бонзы* — буддийские монахи. *Пагода* — буддийский религиозный храм.

«**И молодость моя минула...**» (стр. 250).— (Петербург, 18 октября 1860.)

«**Титаривна-Немиривна...**» (стр. 250).— (Петербург, 19 октября 1860.) *Титаривна* — дочь ктитора, церковного старосты.

«**Хотя лежачего не бьют...**» (стр. 251).— (Петербург, 20 октября 1860.) Стихотворение является откликом на смерть императрицы Александры Федоровны (умерла 20 октября 1860 г.). Ее сатирическое изображение в поэме «Сон» явилось главной причиной сурового наказания поэта.

«**Куда ни глянешь — все постыло!...**» (стр. 251).— (Петербург, 30 октября 1860.)

«**О люди, вам ли жить во мраке?...**» (стр. 252).— (Петербург, 3 ноября 1860.) Произведение это тематически примыкает к стихотворению «Хотя лежачего не бьют...», являясь откликом на похороны царицы Александры Федоровны. Шевченко со злой иронией говорит о «милостях» «высочайшей покровительницы» инвалидов и сирот — покойная была «покровительницей» воспитательных домов и детских приютов.

«**Вот если мне бы все же хлеба...**» (стр. 252).— (Петербург, 4 ноября 1860.)

«**И день идет, и ночь идет...**» (стр. 253).— (Петербург, 5 ноября 1860.)

«**Течет вода от явора...**» (стр. 253).— (Петербург, 7 ноября 1860.) *Явор* — белый клен.

«**Однажды над Невой иду...**» (стр. 254).— (Петербург, 13 ноября 1860.) *То фонари горят возле апостольского храма...*— над воротами Петропавловской крепости вблизи от одноименного собора. «*Оскверненные... палат...*» — имеются в виду палаты Зимнего дворца.

«**Сраженья были, распри — все бывало...**» (стр. 254).— (Петербург, 26 ноября 1860.) Здесь поэт недобрыми словами вспоминает украинских помещиков, веками теоривших черное дело, и предрекает гибель их потомков: «Не станет идола святого, и вас не станет...» «*Галаганы, и Кисили, и Кочубеи-Ногаи...*» — *Игнатий Галаган* — прилуцкий полковник, перешедший в 1809 году на сторону Петра I, изменив Мазепе; *Адам Кисиль* — киевский воевода при Богдане Хмельницком, склонившийся на сторону Польши; *Василий Кочубей* — генеральный судья, известивший Петра I об измене Мазепы. Кочубеи «вышли» из татар — отсюда «ногаи». *Порфира* — пурпурная мантия монарха.

«И встретились, и обвенчались...» (стр. 255).— (Петербург, 5 декабря 1860.)

«Кума моя и я...» (стр. 255).— (Петербург, 1860.) *Заглянем... в пирамиду...*— в собор Петропавловской крепости, где стоят гробницы русских императоров, начиная с Петра I. *Жрец... Изиды...*— *Изида* — в египетской мифологии богиня неба, земли и ада. *Жрец* — ее служитель. Здесь — православный поп. *Рванул Бортнянского...*— речь идет о религиозно-духовном концерте русского композитора Д. С. Бортнянского (1751—1825), который управлял придворной певческой капеллой.

«Что ж, не пора ли понемногу...» (стр. 256).— (Петербург, 14—15 февраля 1861.) Одно из последних произведений поэта. Смертельно больной Шевченко как бы подводит здесь итоги своей жизни. *Лета* — в греческой мифологии одна из рек подземного мира — река забвения. *Эскулап* — бог, покровитель медицины в греческой мифологии. *Харон* — по греческой мифологии — перевозчик душ умерших через реку Стикс. *Парки* — в древнеримской мифологии богини судьбы. Парка прядет нить человеческой жизни. Отсюда выражение — «нить жизни». *Гекзаметр* — античный стихотворный размер. *Флегетон* — в греческой мифологии река в подземном царстве.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Стихотворения и поэмы.

Заповіт	5
До ареста и ссылки (1837—1847 гг.)	
«Течет вода в сине море...» Перевод Н. Брауна	7
Думка («Тяжко, тяжко жить на свете...»). Перевод А. Твардовского	7
«Думы мои, думы мои...» Перевод А. Суркова	8
Перебендя. Перевод П. Карабана	11
Катерина. Перевод М. Исаковского	14
Думка («На что черные мне брови...»). Перевод В. Звягинцевой	32
Иван Подкова. Перевод М. Михайлова	33
Тарасова ночь. Перевод Б. Турганова	35
Гайдамаки. Перевод А. Твардовского	39
Сон («У всякого своя доля...»). Перевод В. Державина	104
«Что же мне так тяжко?..» Перевод Е. Благиной	118
«Зачаруй меня, волшебник...» Перевод П. Семькина	118
Наймичка. Перевод Т. Волгиной	119
Кавказ. Перевод П. Антокольского	133
И мертвым, и живым, и нерожденным землякам моим, на Украине и не на Украине сущим, мое дружеское послание. Перевод В. Державина	138
Холодный Яр. Перевод Ал. Дейча	144
Три года. Перевод П. Панченко	146
Завещание («Как умру, похороните...»). Перевод А. Твардовского	148
Лилея. Перевод М. Колмиссаровой	149

В тюрьме и ссылке (1847—1857 гг.)

В каземате («Припомним, братья моя...»).	
Перевод А. Чачикова	153
I. «Ой, одна я, одна...» Перевод А. Колто-	
новского	154
II. «За оврагом овраг...» Перевод Е. Бла-	
гининой	154
III. «Мне, право, все равно, я буду...»	
Перевод В. Звягинцевой	155
IV. «Мать не бросай!..» Перевод Р. Мин-	
кус	156
V. «Зачем ты ходишь на могилу?..» Пе-	
ревод М. Комиссаровой	157
VI. «Ой, как вместе три широких...»	
Перевод М. Исаковского	158
VII. Н. Костомарову («Играя, солнышко	
скрывалось...»). Перевод В. Звягин-	
цевой	159
VIII. «Вишневый садик возле хаты...»	
Перевод Н. Ушакова	160
IX. «Рано встали, выступали...» Перевод	
Н. Ушакова	160
X. «В неволе тяжко — хоть и воли...»	
Перевод Л. Вышеславского	161
XI. Косарь («Он полями идет...»). Пере-	
вод Г. Владимирского	162
XII. «Сойдемся ли мы с вами снова?..»	
Перевод Н. Панова	162
«Не спится мне, а ночь — как море...» Перевод	
Л. Длигача	163
«Думы мои, думы мои, самые родные!..» Пере-	
вод А. Суркова	165
N.N. («Солнце заходит, горы чернеют...»). Пе-	
ревод И. Воробьевой	165
N.N. («Тогда мне лет тринадцать было...»). Пе-	
ревод А. Твардовского	166
«Не греет солнце на чужбине...» Перевод А. Бе-	
зыменского	167
Сон («Горы мои высокие!..»). Перевод А. Сур-	
кова	168
Иржавец. Перевод В. Державина	172
N.N. («О думы мои! О слава злая!..»). Перевод	
А. Чачикова	174
«Когда мы были казаками...» Перевод Н. Бра-	
уна	175
«Ой, строчечку да к строчечке...» Перевод	
В. Звягинцевой	176
Платок. Перевод М. Комиссаровой	176
А. О. Козачковскому («Бывало, в школе я	
когда-то...»). Перевод Л. Вышеславского	178
«Вот так и я теперь строчу...» Перевод	
Л. Пеньковского	182

«А ну-ка, вновь стихи писать!..» Перевод Н. Брауна	182
«Топор был за дверью у господ бога...» Пере- вод Н. Ушакова	183
Варнак. Перевод Я. Городского	185
«Ой, гляну да погляжу я...» Перевод Н. Сидо- ренко	189
«Не дай ты никому того же...» Перевод Н. Си- доренко	190
[Цари]. Перевод Л. Вышеславского	190
«Когда есть дом родной, а дома...» Перевод Л. Длигача	196
Дочка ктитора. Перевод С. Лилкина	197
«Ну что, казалось бы, слова?..» Перевод Н. Си- доренко	203
«Как за подушным, правый боже...» Перевод Н. Ушакова	204
[Марина]. Перевод В. Бугаевского	204
«И сонные волны, и мутное небо...» Перевод Н. Ушакова	213
«И вырос я в краю чужом...» Перевод М. Ко- миссаровой	213
«Ой, наточу товарища...» Перевод Г. Петни- кова	214
«На улице снег и ветер...» Перевод В. Звягин- цевой	215
«Во граде Вильно достолавном...» Перевод В. Бугаевского	215
«Из похода не вернулся...» Перевод Н. Брауна	218
«Как чумаки, тащась в степях...» Перевод М. Петровых	218
«В светлый праздник на соломе...» Перевод М. Комиссаровой	218
«Бывало, думаю, гуляю...» Перевод В. Бугаев- ского	219
«Бывает, иногда старик...» Перевод Н. Уша- кова	220
«Не самому ль мне написать...» Перевод М. Ма- тусовского	220
«Мы чванные, пустые люди...» Перевод А. Ойс- лендера	222
«Мне золотую, дорогую...» Перевод В. Звягин- цевой	223
«Мы вместе некогда росли...» Перевод Н. Уша- кова	223
«Готово! Парус распустили...» Перевод Н. Уша- кова	225
«Считаю в ссылке дни и ночи...» (Вариант 1858 г.). Перевод Н. Ушакова	225
«Запели мы и разошлись...» Перевод Н. Брауна	226
«Все снится мне: вот под горою...» Перевод Т. Волгиной	227
«Опять настало время злде!..» Перевод С. Олендера	227

Петербургский период (1857—1861 гг.)

Юродивый. Перевод А. Суркова	229
Доля. Перевод М. Комиссаровой	231
Муза. Перевод М. Рыльского	232
Сон («Она на барском поле жала...»). Перевод А. Плещеева	233
«Я, чтоб не сглазить, не хвораю...» Перевод Н. Ушакова	233
N.N. («Как ты, лилеею такую ж...»). Перевод Ф. Сологуба	234
Федору Ивановичу Черненко. Перевод Б. Тур- ганова	234
«Ой, мама, мама, как я страдаю!..» Перевод Н. Ушакова	235
Сестре. Перевод В. Саянова	235
Марко Вовчку. Перевод И. Воробьевой	236
Молитва. Перевод П. Карабана	236
«Царей, кровавых шинкарей...» Перевод П. Ка- рабана	237
«Злоначинающих сдержи...» Перевод П. Кара- бана	237
«В былые дни, во время оно...» Перевод А. Ми- ниха	238
«Ненасытным очам...» Перевод П. Карабана	238
Плач Ярославны. Перевод А. Тарковского	239
«С рассвета и до вечера...» Перевод А. Тарков- ского	240
«Умре муж велий в власянице...»	241
Гимн черниц. Перевод С. Вышеславцевой	242
«Над днепровскою водою...» Перевод Л. Выше- славского	242
«Играли вместе, подросли...» Перевод Т. Вол- гиной	243
«Свете ясный! Свете тихий!..» Перевод А. Бе- зыменского	244
Ликерии («Моя голубка! Друг мой милый!..»)	244
Перевод М. Фромана	244
Н. Я. Макарову («Барвинок цвел и зеленел...»).	245
Перевод Н. Сидоренко	245
«Ни Архимед, ни Галилей...» Перевод С. Лип- кина	245
Л. («Поставлю хату — не палаты...»). Перевод В. Звягинцевой	246
«Нет, бога я не упрекаю...» Перевод Л. Озерова	246
Саул. Перевод Г. Владимирского	247
«И молодость моя минула...» Перевод В. Лугов- ского	250
«Титаривна-Немиривна...» Перевод В. Инбер	250
«Хотя лежачего не бьют...» Перевод А. Суркова	251
«Куда ни глянешь — все постыло!..» Перевод В. Звягинцевой	251
«О люди, вам ли жить во мраке?..» Перевод С. Липкина	252

«Вот если мне бы все же хлеба...» Перевод В. Инбер	252
«И день идет, и ночь идет...» Перевод С. Гор- деева	253
«Течет вода от явора...» Перевод М. Комисса- ровой	253
«Однажды над Невой иду...» Перевод Н. Брауна «Сраженья были, распри — все бывало...» Пе- ревод Л. Вышеславского	254
«И встретились, и обвенчались...» Перевод В. Инбер	255
«Кума моя и я...» Перевод С. Олендера	255
«Что ж, не пора ли понемногу...» Перевод К. Симонова	256
А. Ф. Захаркин. Поэзия великого Кобзаря. (Послесловие)	259
Примечания	275

Шевченко Тарас Григорьевич

ИЗБРАННОЕ

Заведующая редакцией *Л. Сурова*

Редактор *Н. Далада*

Художник *М. Ильин*

Художественный редактор *П. Зубченков*

Технический редактор *Г. Смирнова*

Корректор *Т. Семочкина*

Сдано в набор 2/XII 1976 г. Подписано к печати 5/III
1977 г. Бум. № 1. Формат 60×84¹/₁₆. Усл. печ. л. 17,21.
Уч.-изд. л. 16,54. Тираж 75 000. Цена 66 коп. Заказ 1278.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Московский рабочий». Москва, Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ • 1977